ВОСПИТАНІЕ

УМСТВЕННОЕ, НРАВСТВЕННОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ.

ВОСПИТАНІЕ

УМСТВЕННОЕ, НРАВСТВЕННОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ
Н. ШАХА
ЖЕРЦОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. П. КАРВАСНИКОВА.
1877.

KD 44423

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

Типографія Б. Г. Янпольскаго, Демидовъ пер., д. № 5.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Четыре главы, изъ которыхъ состоитъ это сочиненіе, первоначально появились въ видѣ четырехъ журнальныхъ статей: первая въ Westminster Revieu въ Іюлѣ 1859 г,; вторая въ North British Revieu въ Маѣ 1854 г.; а двѣ другія въ British Quarterly Revieu въ Апрѣлѣ 1858 и 59 г. Хотя въ каждой изъ нихъ обсуждаются различные отдѣлы предмета, но вмѣстѣ взятыя онѣ составляютъ довольно законченное цѣлое; онѣ и были Первоначально написаны въ виду изданія ихъ цѣлымъ сочиненіемъ; изданіе это давно бы уже состоялось, если бы не нѣкоторыя легальныя препятствія. Въ настоящее время препятствія эти устранены, и я спѣшу выполнить намѣреніе, по поводу котораго явились эти статьи.

На первый взглядъ, главы этой книги совершенно независимы одна отъ другой; приписать это можно тому, что въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя повторенія; главная идея высказывается особенно часто. Но такъ какъ эта идея представляется каждый разъ въ новой формѣ и такъ какъ едва ли можно достаточно доказать ее, то я счелъ лишнимъ выпустить что либо относящееся до нея.

Въ главѣ объ умственномъ воспитаніи сдѣланы нѣкоторыя важныя дополненія; а въ главѣ о физическомъ воспитаніи сдѣланы нѣкоторыя второстепенныя дополненія. Главнымъ же исправленіемъ подверглись выраженія; все сочиненіе въ этомъ отношеніи подверглось тщательному пересмотру.

Г. С

Лондонъ, Май 1861 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Глава I. Какое знаніе наиболѣе цѣнно 1
Украшающее предшествуетъ полезному. 2
Классификація дѣятельности. 17
Соподчиненіе отраслей воспитанія. 20
Самосохраненіе. 24
Значеніе физіологіи. 26
Обезпеченіе жизненныхъ потребностей. 31
Значеніе математики. 34
Значеніе физики. 37
Значеніе химіи. 38
Значеніе біологіи 40
Значеніе соціальной науки 43
Подготовленіе къ жизни семейной. 47
Подготовленіе къ обязаностямъ родителей. 49
Значеніе теоріи воспитанія. 51
Подготовленіе къ роли гражданина. 61
Безполезность исторіи схоластичекой. 62
Какою должна быть исторія. 65
Воспитаніе эстетическое. 70
Наука какъ основа искуствъ. 75
Поэтичность науки. 84
Дисциплина науки. 88
Религіозное вліяніе науки 97
Рѣшеніе вопроса объ относительной цѣнности знаній. 100
Глава II. Умственное воспитаніе. 105
Старая система. 106
Настоящее состояніе—переходное. 108
Упадокъ механическаго метода. 113

стр.
Появленіе новыхъ методовъ. 118
Естественный методъ. 120
Порядокъ развитія пособностей 124
Система Песталоцци. 130
Законы духовнаго развитія. 137
Начало умственнаго воспитанія. 151
Наглядное обученіе 156
Образованіе наблюдательныхъ способностей. . . . 165
Начальные уроки перспективы Рисованіе 175
Занятія геометріей. 177
Единство естественнаго метода. 188
Польза саморазвитія. 190
Глава. III Нравственное воспитаніе. . . . . .
Свойства родителей. 200
Связь съ современнымъ состояніемъ общества. . . . 210
Естественный методъ. 213
Выгоды естественнаго метода. 331
Дружба дѣтей съ родителями. 238
Отношеніе къ серьезнымъ проступкамъ. 250
Размѣры нравственныхъ требованій. 258
Сфера родительской власти. 261
Требованіе покорности. 266
Высшее самовоспитаніе въ воспитаніи дѣтей. . . . 270
Глава. IV Физическое воспитаніе. 274
Пища. . . . . —
Одежда 310
Тѣлесныя упражненія. 318
Вырожденіе современныхъ поколѣній. 327

ГЛАВА I.

Какое знаніе наиболѣе цѣнно?

Справедливо было замѣчено, что, по времени, украшеніе предшествуетъ одеждѣ. Народы, которые подвергаются сильной физической боли для того чтобы быть красиво нататуированными, переносятъ крайности температуры безъ малѣйшей попытки смягчить ихъ дѣйствіе. Гумбольдтъ разсказываетъ, что индѣецъ Ориноко, нисколько не заботящійся о физическомъ благосостояніи, готовъ проработать двѣ недѣли только бы купить краски для украшенія себя; а женщины этой страны, не стѣсняясь выходить изъ своихъ лачугъ безъ всякой одежды, никогда не рѣшатся нарушить благопристойность и выйти изъ дому неразрисованными. Путешественники говорятъ, что цвѣтныя бусы и побрякушки гораздо болѣе цѣнятся ди-

кими племенами, чѣмъ коленкоръ и суконные товары; анекдоты же о томъ, какъ дикари вывѣшиваютъ на показъ бѣлье и одежду, показываютъ насколько идея украшенія преобладаетъ надъ идеею пользы. Мы имѣемъ, впрочемъ, еще болѣе поразительныя подтвержденія того же: капитанъ Спикъ разсказываетъ о своихъ африканскихъ спутникахъ, что въ хорошую погоду они гордо прохаживались въ плащахъ изъ шкуръ, а въ дурную—снимали ихъ, складывали и, обнаженные, дрожали подъ дождемъ. Дѣйствительно, факты изъ первобытной жизни указываютъ повидимому на то, что одежда развивается изъ украшеній, а когда мы вспомнимъ, что и между нами многіе заботятся болѣе объ изящности одежды, чѣмъ о ея теплотѣ, болѣе о покроѣ, чѣмъ объ удобствѣ, когда мы видимъ, что и до сихъ поръ польза одежды значительно подчиняется внѣшности, то будемъ имѣть еще болѣе основанія къ подобному заключенію о происхожденіи одежды.

Любопытно, что тоже самое замѣчается и относительно ума. Въ умственныхъ, какъ и въ физическихъ пріобрѣтеніяхъ, предметы служащіе для украшенія предшествуютъ полезнымъ. Не только въ прошедшія времена, но даже и въ нашъ вѣкъ, знаніе, приводящее къ личному

благосостоянію, ставится ниже знаній, доставляющихъ одобренія. Въ греческихъ школахъ главными предметами изученія были музыка, поэзія, риторика и философія, которая до Сократа не имѣла никакого отношенія къ жизни; между тѣмъ какъ знанія приложимыя къ жизни имѣли второстепенное значеніе. Наши университеты и школы придерживаются въ настоящее время той же несообразности. Стало избитой истиной, что изъ десяти мальчиковъ девятерымъ латинскій и греческій языки не пригодятся ни для какихъ практическихъ цѣлей. Знаніе это, на пріобрѣтеніе котораго употребляется столько лѣтъ, примѣняется къ дѣлу очень мало, такъ мало, что обыкновенно большая часть выученнаго вскорѣ совершенно забывается; если же человѣкъ иногда и произноситъ латинскую цитату или ссылается на греческій миѳъ, то дѣлается это скорѣе ради эффекта, чѣмъ для объясненія предмета. Если мы попытаемся раскрыть побудительную причину, заставляющую давать мальчикамъ классическое образованіе, то увидимъ, что она заключается только въ подчиненности общественному мнѣнію. Люди украшаютъ умы своихъ дѣтей также какъ и ихъ тѣло по господствующей модѣ. Какъ индѣецъ Ориноко прежде чѣмъ

выйти ему изъ своей лачуги раскрашиваетъ себя не для какой нибудь дѣйствительной выгоды, а только потому, что иначе онъ будетъ осмѣянъ, такъ и мальчика заставляютъ долбить латинскій и греческій языки не въ виду ихъ существенной необходимости, а во избѣжаніе упрека въ незнаніи этихъ языковъ, для того чтобы онъ получиль „воспитаніе джентльмена", отличіе, указывающее на извѣстное соціальное положеніе и доставляющее извѣстное уваженіе.

Сравненіе это представится еще яснѣе, если мы обратимся къ другому полу. Какъ въ умственномъ, такъ и физическомъ отношеніи декоративный элементъ продолжаетъ преобладать въ большей степени между женщинами, чѣмъ между мужчинами. Первоначально личное украшеніе занимало одинаково оба пола. Въ послѣдующее время цивилизаціи мы видимъ однако, что въ одеждѣ мужчинъ прежняя заботливость о наружномъ видѣ значительно уступила стремленію къ удобству, хотя въ дѣлѣ ихъ воспитанія только въ послѣднее время польза предпочитается украшеніямъ. Что касается женщинъ, то въ нихъ перемѣна эта и въ томъ и другомъ отношеніи не значительна. Ношеніе серегъ, колецъ, браслетъ, замысловатыхъ головныхъ уборовъ, употребленіе румянъ, чрезмѣрныя усилія сдѣлать одежду

привлекательною, и большія неудобства, претерпѣваемыя ради моды, все это показываетъ, что въ женской одеждѣ желаніе одобренія значительно преобладаетъ надъ желаніемъ теплоты и удобства. Тоже самое можно сказать и о женскомъ воспитаніи: преобладаніе пріятныхъ для общества искусствъ показываетъ на сколько и тутъ польза подчиняется внѣшности: танцы, манеры, музыка, пѣніе, рисованіе стоятъ на первомъ планѣ. Если вы спросите, для чего изучаются итальянскій и нѣмецкій языки, то увидите, что помимо всѣхъ воображаемыхъ причинъ, которыя вамъ изложатъ, побудительная причина заключается въ томъ, что знаніе этихъ языковъ считается приличнымъ для благовоспитанной женщины. Языки эти изучаются не для того чтобы извлечь пользу изъ книгъ, написанныхъ на этихъ языкахъ (объ этомъ обыкновенно не бываетъ и рѣчи), но для того, чтобы съумѣть спѣть итальянскую и нѣмецкую пѣсенку и чтобы обширными дарованіями возбудить удивленіе. Рожденія, кончины и браки королей и другія ничтожныя историческія свѣдѣнія набиваются въ память не для какой нибудь прямой выгоды, но потому, что общество считаетъ это принадлежностью хорошаго воспитанія, потому что отсутствіе этихъ познаній

могло бы навлечь насмѣшки. Чтеніе, письмо, правописаніе, грамматика, ариѳметика, шитье—вотъ все, чему учатъ дѣвицъ собственно для практическаго примѣненія; нѣкоторые даже и изъ этихъ предметовъ преподаются болѣе для пріобрѣтенія хорошаго мнѣнія другихъ, чѣмъ для непосредственнаго личнаго благосостоянія.

Для болѣе совершеннаго пониманія истины, что какъ въ отношеніи тѣла, такъ и въ отношеніи ума украшеніе предшествовало пользѣ, необходимо обратить вниманіе на ея историческое происхожденіе, которое заключается въ томъ фактѣ, что начиная съ самаго отдаленнаго прошедшаго и до настоящаго времени соціальныя нужды подчиняли себѣ потребности индивидуальныя. Мы ошибаемся, думая обыкновенно, что только и существуютъ правленія монарховъ, парламентовъ и выборныхъ властей. Эти признанныя власти дополняются еще другими, непризнанными, которыя пораждаются во всѣхъ кружкахъ, гдѣ каждый мужчина или женщина стремится стать королемъ или королевой, или какимъ нибудь сановникомъ. Стоять выше другихъ, пользоваться почтеніемъ этихъ другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служить стоящимъ выше—вотъ стимулы всемірной борьбы, на которую потрачиваются главныя жизнен-

ныя силы. Каждый стремится покорить себѣ другихъ накопленіемъ ли богатства, или образомъ жизни, или красивою одеждою, или выставкою своихъ знаній и ума, способствуя такимъ образомъ распространенію той всеокрывающей сѣти, которая обуздываетъ людей и поддерживаетъ общественный порядокъ. Не только предводитель дикихъ, въ своихъ страшныхъ воинскихъ украшеніяхъ, съ черепами на поясѣ, старается внушить своимъ подчиненнымъ уваженіе къ себѣ; не только красавица, утонченнымъ туалетомъ, изящными манерами и множествомъ качествъ добивается „побѣдъ"; но и ученый, историкъ и философъ употребляютъ свои познанія для тѣхъ же цѣлей. Ни одинъ изъ насъ не удовлетворится спокойнымъ развитіемъ своихъ индивидуальныхъ качествъ до совершенства во всѣхъ направленіяхъ: всѣ мы стараемся произвести своею личностью впечатлѣніе на другихъ и какимъ нибудь путемъ подчинить ихъ себѣ. Это-то и опредѣляетъ характеръ нашего воспитанія. Въ соображеніе принимается не дѣйствительно наиболѣе цѣнное знаніе, а то, которое доставитъ намъ наиболѣе похвалъ, почестей, уваженія, съ помощью котораго мы вѣрнѣе достигнемъ положенія и вліянія въ обществѣ. Какъ въ жизни

весь вопросъ заключается не въ томъ, каковы мы, а въ томъ, что о насъ подумаютъ, такъ и въ воспитаніи главную роль играетъ не существенная цѣнность знанія, а внѣшнее его дѣйствіе на другихъ. Если же таково преобладающее въ насъ понятіе, то непосредственная польза едва ли можетъ имѣть для насъ большее значеніе, чѣмъ для дикарей, которые пилятъ себѣ зубы и раскрашиваютъ ногти.

Дальнѣйшимъ доказательствомъ грубаго, неразвитаго характера нашего воспитанія служитъ тотъ фактъ, что до сихъ поръ едва ли хоть сколько нибудь обсуждалась сравнительная цѣнность различныхъ знаній, тѣмъ менѣе конечно вопросъ этотъ обсуждался методически и приводилъ къ опредѣленнымъ результатамъ. Происходитъ это не только вслѣдствіе отсутствія опредѣленнаго мѣрила относительной цѣнности знаній, но и существованіе его не было ясно понято, и не только вслѣдствіе недостатка яснаго представленія этого мѣрила, но даже и самая необходимость въ немъ едва ли была сознана. Люди читаютъ книги и слушаютъ лекціи объ этомъ предметѣ; рѣшаютъ, что дѣти ихъ будутъ учиться или неучиться такимъ-то отраслямъ знаній, и руководствуются при этомъ только обычаями, вкусомъ и предубѣж-

деніемъ, нимало не разсуждая какъ велика необходимость раціонально опредѣлить какіе предметы дѣйствительно наиболѣе важны при обученіи. Правда, всюду мы слышимъ случайныя замѣчанія о важности того или другаго разряда знаній. Но оправдываетъ ли степень важности знанія трату времени, потребную для пріобрѣтенія его, нѣтъ ли предметовъ болѣе важныхъ, которымъ бы скорѣе слѣдовало посвятить это время: вотъ вопросы, которые хотя и не отбрасываются совершенно, но сводятся на краткія замѣчанія, согласныя съ личнымъ пристрастіемъ. Правда также, что по временамъ снова возникаетъ продолжительный споръ о сравнительномъ достоинствѣ классическихъ и математическихъ наукъ, но споръ этотъ поддерживается только на словахъ, безъ всякаго отношенія къ какому либо опредѣленному критерію, и самый этотъ вопросъ въ результатѣ ничтоженъ въ сравненіи съ общимъ вопросомъ, котораго онъ составляетъ только часть. Предполагать, что въ рѣшеніи которое образованіе лучше, математическое или классическое, заключается весь жизненный вопросъ, есть тоже самое, что предположить что вся діэтетика заключается въ вопросѣ: что питательнѣе—хлѣбъ или кафортель?

Нѣтъ, вопросъ, поставляемый нами для рѣшенія, гораздо важнѣе, онъ заключается не въ томъ—достойно или нѣтъ такое-то знаніе, а въ томъ каково его *относительное* достоинство? Назвавъ извѣстныя выгоды, предоставляемыя даннымъ курсомъ ученія, люди готовы вообразить, что они оправдали себя, забывая совершенно, что слѣдуетъ еще обсудить соразмѣрность этихъ выгодъ. Едва ли найдется какой нибудь предметъ, изучаемый людьми, который бы не имѣлъ никакого достоинства. Очень можетъ быть, что годъ прилежнаго изученія геральдики приведетъ насъ къ болѣе совершенному познанію древнихъ нравовъ и обычаевъ. Если бы кто-нибудь изучилъ разстоянія между всѣми городами Англіи, то можетъ быть впродолженіе его жизни одинъ или два изъ тысячи пріобрѣтенныхъ имъ фактовъ оказали бы ему нѣкоторую услугу при совершеніи путешествія. Какъ ни безполезно собираніе мелкихъ провинціальныхъ сплетенъ, но и оно можетъ случайно содѣйствовать установленію какого нибудь полезнаго факта — хотя бы представить хорошій примѣръ наслѣдственной передачи. Однако каждый согласится, что въ этихъ случаяхъ нѣтъ никакой соразмѣрности между потраченнымъ трудомъ и возможною прибылью.

Никто не принялъ бы предложенія посвятить нѣсколько лѣтъ отрочества на пріобрѣтеніе подобныхъ познаній въ ущербъ болѣе цѣннымъ, которыя онъ могъ бы пріобрѣсти въ тоже время. И если здѣсь приложимо и можетъ считаться рѣшительнымъ мѣрило относительной цѣнности, то оно должно быть приложимо всюду и быть таковымъ во всемъ. Если бы мы могли изучить всѣ предметы, тогда намъ нечего было бы разбирать. Приведемъ старинную пѣсню:

Could a man be secure
That his days would endure
As of old, for a thousand long years,
What things might he know!
What deeds might he do!
And all without hurry or care *).

„Но мы, которыхъ жизнь коротка"—должны всегда помнить какъ ограничено наше время для пріобрѣтеній, и вспоминая какъ узко ограничено оно не только краткостью жизни, но и дѣлами нашими, мы должны всѣми силами заботиться употреблять наше время наиболѣе

*) Если бы человѣкъ могъ быть увѣренъ, что жизнь его, какъ нѣкогда, продолжится тысячу длинныхъ лѣтъ, сколько бы онъ пріобрѣлъ знаній, сколько бы дѣлъ совершилъ! И все это не торопясь и спокойно.

выгодно. Прежде чѣмъ посвящать годы какому нибудь предмету, внушаемому намъ обычаями или личною склонностью, благоразумно тщательно взвѣсить важность результатовъ въ сравненіи со многими другими результатами, которые могли бы принести намъ эти же самые годы, употребленные иначе.

Такимъ образомъ при воспитаніи въ этомъ-то и заключается важнѣйшій вопросъ, который намъ давно пора рѣшить методически. Первая задача по своей важности, хотя она принимается въ соображеніе послѣднею—состоитъ въ рѣшеніе вопроса, которымъ изъ различныхъ предметовъ, требующихъ нашего вниманія, оказать предпочтеніе. Прежде чѣмъ начертать раціональный планъ, мы должны рѣшить какія знанія намъ необходимѣе всего; или, говоря словами Бекона, которыя теперь къ сожалѣнію совершенно забыты—мы должны опредѣлить *относительныя достоинства знаній.*

Для этого норма цѣнности необходимѣе всего. Къ счастію, дѣйствительное опредѣленіе достоинства понимаемаго въ общемъ смыслѣ, не подлежитъ никакому спору. Каждый, поддерживающій достоинство извѣстнаго разряда свѣдѣній, показываетъ въ то же время его отношеніе къ жизни. На вопросъ — „Какую пользу

можетъ принести это“ — математикъ, лингвистъ, натуралистъ или философъ объясняетъ какимъ образомъ его ученіе можетъ благодѣтельно вліять на поступки, предупредить зло и обезпечить добро, повести къ счастію. Если каллиграфъ доказалъ, что хорошее письмо необходимо для успѣха дѣлъ, т.-е. для пріобрѣтенія средствъ къ жизни, иначе говоря—жизни удовлетворяющей потребностямъ человѣка, то такого учителя считаютъ оправдавшимъ свое знаніе. Если же собиратель мертвыхъ фактовъ (напр. нумизматикъ) не выяснитъ дѣйствительнаго вліянія этихъ фактовъ на человѣческое благосостояніе, то ему приходится согласиться, что они сравнительно не важны. Такимъ образомъ всѣ непосредственно или посредственно ссылаются на одинъ и тотъ же окончательный критеріумъ.

Какъ жить?—вотъ существенный вопросъ для насъ, не только кàкъ жить чисто въ матеріальномъ, но и въ самомъ обширномъ смыслѣ. Общую задачу, въ которой заключаются всѣ спеціальныя, составляютъ правильные поступки во всѣхъ проявленіяхъ дѣятельности человѣка, при всѣхъ обстоятельствахъ. Какъ воспитать свое тѣло; какъ воспитать свой умъ; какъ управлять своими дѣлами; какъ воспиты-

вать семейство; какъ вести себя какъ гражданину; какъ употреблять съ пользою тѣ источники счастія, которые дарованы намъ природою; какъ употреблять наши способности съ наибольшею выгодою для насъ самихъ и для другихъ; какъ жить полною жизнью—все это такіе предметы, которые намъ необходимо знать и которымъ слѣдовательно должно научить насъ воспитаніе. Приготовить насъ къ полной жизни есть функція, которую должно выполнить воспитаніе, и единственный раціональный способъ сужденія воспитательнаго курса есть тотъ, который разсматриваетъ въ какой степени выполняется имъ эта функція.

Мѣрило это, никогда не употребляемое въ цѣломъ, рѣдко употребляемое въ частности, и то неопредѣленно и безсознательно, должно быть примѣняемо разумно, методически, и во всѣхъ случаяхъ. Мы должны опредѣлить себѣ и всегда ясно имѣть въ виду полную жизнь, какъ цѣль, которую слѣдуетъ выполнить, для того чтобы при воспитаніи нашихъ дѣтей мы могли выбрать предметы и методъ обученія, сознательно направленные къ этой цѣли. Мы не только должны перестать необдуманно слѣдовать принятому методу воспитанія, который не имѣетъ лучшаго ручательства за себя,

чѣмъ всѣ другіе методы; но мы должны возвыситься и надъ грубымъ, эмпирическимъ образомъ сужденія, принятымъ между тѣми болѣе разумными людьми, которые прилагаютъ даже извѣстное стараніе наблюдая за образованіемъ своихъ дѣтей. Недостаточно просто *предполагать*, что то или другое свѣдѣніе будетъ полезно въ послѣдующей жизни, или что такой-то родъ знаній имѣетъ большую практическую цѣнность, чѣмъ другой: мы должны отыскать способъ, взвѣсить относительную цѣнность и насколько возможно положительно *узнать*, которыя изъ знаній болѣе заслуживаютъ нашего вниманія.

Безъ сомнѣнія задача трудная, и рѣшить ее иначе какъ только приблизительно едва ли возможно. Но принимая во вниманіе громадность зависящей отъ нея выгоды, трудность ея не должна быть причиною, чтобы мы малодушно отступились отъ нея, напротивъ—тѣмъ болѣе мы должны приложить энергіи къ преодолѣнію затрудненій. И если только мы систематично примемся за дѣло, то можемъ достигнуть немаловажныхъ результатовъ.

Прежде всего, очевидно, намъ слѣдуетъ распредѣлить въ порядкѣ послѣдовательной важности главнѣйшіе роды дѣятельности; состав-

ляющіе человѣческую жизнь. Они могутъ быть естественно раздѣлены на: 1) тѣ роды дѣятельности, которые непосредственно споспѣшествуютъ самосохраненію; 2) тѣ,—которые, обезпечивая жизненныя потребности, посредственно служатъ къ самосохраненію; 3) тѣ, — которые имѣютъ своею цѣлью воспитаніе и обученіе потомства; 4) тѣ, — которые поддерживаютъ надлежащія соціальныя и политическія отношенія; 5) тѣ различнаго рода дѣятельности, которыя пополняютъ свободное время, посвящаются удовлетворенію вкусовъ и чувствъ.

Не къ чему подробнѣе доказывать, что дѣятельности эти распредѣлены согласно порядку ихъ соподчиненности. Поступки и предосторожности, которыми мы отъ времени до времени упрочиваемъ личную безопасность, очевидно должны предшествовать всѣмъ другимъ. Еслибы встрѣтился человѣкъ, чуждый, подобно ребенку, окружающихъ предметовъ и движеній, или незнающій какъ держать себя среди нихъ, то онъ, безъ сомнѣнія, лишился бы жизни какъ только бы вышелъ на улицу, не смотря на то, что онъ могъ бы быть свѣдущимъ въ другихъ отношеніяхъ. И такъ какъ полнѣйшее невѣдѣніе другихъ предметовъ ведетъ менѣе быстро къ погибели, чѣмъ полнѣй-

шее невѣдѣніе въ этомъ направленіи, то неизбѣжно согласиться, что знаніе, ведущее непосредственно къ самосохраненію, есть знаніе первостепенной важности.

Далѣе, никто не станетъ сомнѣваться, что за непосредственнымъ самосохраненіемъ слѣдуетъ самосохраненіе посредственное, состоящее въ пріобрѣтеніи средствъ къ жизни. Что промышленныя потребности должны предшествовать родительскимъ обязанностямъ—ясно изъ того факта, что выполненіе этихъ послѣднихъ дѣлается возможнымъ только чрезъ предварительное выполненіе функцій индустріальныхъ. А такъ какъ возможность прокормить самого себя необходимо предшествуетъ способности прокормить потомство, то потребность знаній, необходимыхъ для самосохраненія, настоятельнѣе потребности знаній, нужныхъ для благосостоянія семейства—вотъ второе знаніе по цѣнности, которому предшествуютъ только свѣдѣнія въ непосредственномъ самосохраненіи.

Такъ какъ семейство возникаетъ прежде государства, и такъ какъ воспитаніе дѣтей возможно прежде существованія государства, или даже и послѣ того, какъ оно перестаетъ существовать, между тѣмъ государство возможно только чрезъ воспитаніе потомства, то слѣдуетъ,

что обязанности родителей требуютъ большаго вниманія, чѣмъ гражданина. Или, приводя дальнѣйшіе доводы: такъ какъ качество общества рѣшительно зависитъ отъ свойствъ гражданъ, а свойства гражданъ опредѣляются болѣе всего раннимъ воспитаніемъ, то мы должны заключить, что на благосостояніи семейномъ основывается благосостояніе общественное. Слѣдовательно знаніе, непосредственно ведущее къ достиженію перваго, должно предшествовать знанію, непосредственно ведущему къ достиженію послѣдняго.

Тѣ разнообразные виды пріятныхъ занятій, которые пополняютъ время свободное отъ занятій болѣе важныхъ, напр. наслажденіе музыкой, поэзіею, рисованіемъ, и проч., очевидно подразумѣваютъ общество уже существующимъ. Значительное развитіе ихъ не только невозможно безъ установившейся общественной жизни, но и самый предметъ ихъ выражаетъ главнымъ образомъ чувствованія и симпатіи общества, и не только условія для ихъ возникновенія, но идеи и чувствованія, выражаемыя ими, создаются обществомъ. Отсюда слѣдовательно можно заключить, что та часть человѣческой дѣятельности, отъ которой зависитъ гражданское благоустройство, составляетъ предметъ большей важ-

ности, чѣмъ заботы объ изощреніи вкуса и развитіи извѣстныхъ талантовъ, и въ воспитаніи подготовка въ одномъ направленіи должна стоять выше подготовки къ другому.

Таковъ, повторяемъ, приблизительно раціональный порядокъ соподчиненія: воспитаніе, подготовляющее къ непосредственному самосохраненію; воспитаніе, подготовляющее къ посредственному самосохраненію; подготовка къ родительскимъ обязанностямъ; подготовка къ гражданской жизни и къ различнымъ занятіямъ, скрашивающимъ жизнь. Мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы эти предметы могли быть совершенно раздѣлены одинъ отъ другаго. Мы не отрицаемъ, что они такъ неразрывно перепутаны между собой, что подготовка въ одномъ изъ нихъ служитъ до нѣкоторой степени подготовкой ко всѣмъ другимъ. Мы не сомнѣваемся также, что въ каждомъ отдѣлѣ есть части болѣе важныя, чѣмъ извѣстныя части предшествующихъ отдѣловъ: что, напримѣръ, человѣкъ, искусный въ торговыхъ дѣлахъ, но мало способный въ другихъ отношеніяхъ, будетъ стоять ниже въ уровнѣ полной жизни, нежели человѣкъ менѣе ловкій въ пріобрѣтеніи денегъ, но имѣющій высокое понятіе о родительскихъ обязанностяхъ; или

что подробныя свѣдѣнія, касающіяся правильной общественной жизни, соединенныя съ полнѣйшимъ недостаткомъ общаго образованія въ литературѣ и изящныхъ искусствахъ, менѣе желательны, чѣмъ меньшее преобладаніе первыхъ въ соединеніи съ нѣкоторыми другими познаніями. Но, сдѣлавъ надлежащее опредѣленіе, предъ нами все же остаются тѣ ясно отмѣченныя подраздѣленія, которыя мы привели выше, и въ сущности остается справедливымъ, что подраздѣленія эти подчинены одно другому въ вышеуказанномъ порядкѣ, такъ какъ въ этомъ же порядкѣ становятся *возможными* и соотвѣтствующія подраздѣленія самой жизни.

Конечно, идеальное воспитаніе есть совершенная подготовка во всѣхъ этихъ направленіяхъ. Но, погрѣшая противъ этого идеала, что при теперешнемъ состояніи цивилизаціи болѣе или менѣе неизбѣжно для всѣхъ, мы по крайней мѣрѣ должны поставить себѣ цѣлью поддерживать *надлежащую соразмѣрность* въ степени подготовленія въ каждомъ изъ упомянутыхъ отдѣловъ. Не должно давать спеціальнаго образованія въ какомъ нибудь одномъ направленіи, какъ бы оно ни было важно, не должно даже обращать исключитель-

наго вниманія на два, на три или на четыре отдѣла наибольшей важности, но на всѣ, особенное же вниманіе слѣдуетъ обратить на то изъ направленій, которое представляетъ наибольшую цѣнность, меньше—гдѣ цѣнность меньшая, наименѣе—гдѣ наименьшая цѣнность. Для человѣка обыкновеннаго (не слѣдуетъ забывать случаевъ, въ которыхъ особенная способность къ извѣстному роду знаній оправдываетъ преслѣдованіе одного какого нибудь занятія, доставляющаго средства къ жизни)—для обыкновеннаго человѣка, говоримъ мы, желательно такое образоаніе, которое всего ближе къ совершенству въ предметахъ, наиболѣе благопріятныхъ для полной жизни и наиболѣе уклоняется отъ совершенства въ тѣхъ, которые менѣе всего содѣйствуютъ полной жизни.

Для правильнаго опредѣленія воспитанія по этому образцу намъ всегда необходимы будутъ нѣкоторыя общія соображенія. Достоинство какого нибудь рода образованія, какъ содѣйствующаго полной жизни, можетъ быть или необходимое, или болѣе или менѣе случайное. Бываютъ знанія существенной цѣнности, знанія почти-существенной цѣнности и знанія цѣнности условной. Факты въ родѣ того, что ощущеніе онѣмѣлости и шума въ ушахъ предше-

ствуютъ обыкновенно параличу, что сопротивленіе воды движущемуся въ ней тѣлу измѣняется пропорціонально квадратамъ скорости, что хлоръ уничтожаетъ заразу—такіе факты и вобще научныя истины имѣютъ существенную цѣнность: они будутъ дѣйствовать на человѣка какъ теперь, такъ и еще десятки тысячъ лѣтъ. Дополнительное знаніе нашего роднаго языка, которое получается чрезъ ознакомленіе съ латинскимъ и греческимъ, можетъ разсматриваться какъ имѣющее почти-существенную цѣнность: оно должно существовать для насъ и для другихъ народовъ, языки которыхъ многимъ обязаны этимъ источникамъ, но только до тѣхъ поръ пока существуютъ наши языки. Между тѣмъ какъ такого рода свѣдѣнія, которыя въ нашихъ школахъ присваиваютъ себѣ названіе исторіи и состоятъ изъ простаго перечисленія именъ, чиселъ и незначительныхъ событій — имѣютъ только условную цѣнность: они не имѣютъ никакого отношенія къ нашимъ поступкамъ и служатъ только для избѣжанія того непріятнаго осужденія, которое произносится общераспространеннымъ мнѣніемъ въ случаѣ незнанія этихъ свѣдѣній. И такъ какъ факты, касающіеся всего человѣчества и всѣхъ временъ, должны считаться болѣе важными, чѣмъ тѣ, кото-

рые касаются только нѣсколькихъ людей, и притомъ на ограниченное время, и гораздо болѣе важными чѣмъ тѣ, которые касаются только нѣкоторыхъ во время господства на нихъ моды, то при раціональной оцѣнкѣ знаніе существенной цѣнности, при равенствѣ другихъ условій, должно имѣть преимущество предъ знаніями почти-существенной и условной цѣнности.

Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Всякаго рода познанія имѣютъ двоякую цѣнность: и какъ *знаніе* и какъ *дисциплина*. Пріобрѣтеніе различнаго рода фактовъ, кромѣ вліянія на управленіе поступками, служитъ также средствомъ для умственнаго упражненія, и это значеніе подобнаго знанія, какъ подготовка къ полной жизни, должно разсматриваться со стороны обоихъ этихъ пунктовъ.

Таковы общія понятія, которыя слѣдовало намъ имѣть въ виду для опредѣленія *системы*. Жизнь такимъ образомъ дѣлится на различнаго рода дѣятельности, имѣющія постепенно уменьшающееся значеніе, и достоинство каждаго разряда фактовъ, управляющихъ этими дѣятельностями, бываетъ существенно, почти-существенно и условно; вліяніе этихъ фактовъ должно разсматривать со стороны знанія и дисциплины.

Къ счастью, та наиважнѣйшая часть воспитанія, которая ведетъ къ обезпеченію непосредственнаго самосохраненія, большею частью уже упрочена. Она слишкомъ важна, чтобы быть предоставленною нашимъ заблужденіямъ, и природа приняла на себя заботу о ней. Въ ребенкѣ, который еще на рукахъ няньки прячетъ свое лицо и кричитъ при видѣ незнакомца, мы видимъ первое проявленіе инстинктивнаго стремленія достигнуть безопасности, избѣгать того что неизвѣстно и можетъ быть опасно; когда же ребенокъ начинаетъ ходить, то обнаруживаемый имъ страхъ при приближеніи незнакомой собаки, или крикъ, съ которымъ онъ бѣжитъ къ своей матери, внезапно увидѣвъ или услышавъ что-нибудь, доказываетъ дальнѣйшее развитіе этого инстинкта. Кромѣ того, ребенокъ почти непрерывно и главнымъ образомъ бываетъ занятъ пріобрѣтеніемъ познаній, служащихъ къ непосредственному самосохраненію: какъ сохранять напр. равновѣсіе тѣла; какъ направлять свои движенія, чтобъ избѣжать столкновенія; какіе предметы тверды и причинятъ боль, если на нихъ наткнуться; какія вещи тяжелы и нанесутъ вредъ, если упадутъ на который-нибудь изъ членовъ; какіе предметы сдержатъ тяжесть тѣла и которые нѣтъ; боль, причиняемая ог-

немъ, ушибомъ, острыми орудіями — этимъ и разнымъ другимъ отдѣльнымъ свѣдѣніямъ онъ научается постоянно. И когда нѣсколько лѣтъ позже энергія проявляется въ бѣганьи, скаканіи, лазяніи, въ играхъ упражняющихъ силу и ловкость, мы видимъ во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, съ помощью которыхъ развились мускулы, изощрились чувства и оживилось сужденіе, приготовленіе къ умѣнью держать себя среди окружающихъ предметовъ и движеній, и встрѣчать тѣ большія опасности, которыя случайно представляются въ жизни каждаго. Такимъ образомъ это первоначальное воспитаніе, будучи такъ хорошо обезпечено самою природою, требуетъ сравнительно небольшихъ заботъ съ нашей стороны. Намъ слѣдуетъ главнымъ образомъ обращать вниманіе на то, чтобы представлялась полная возможность къ пріобрѣтенію этой опытности и дисциплины, чтобы не было того противорѣчія природы, вслѣдствіе котораго безтолковыя воспитательницы обыкновенно препятствуютъ порученнымъ имъ дѣвочкамъ предаваться самопроизвольной физической дѣятельности, и дѣлаютъ ихъ черезъ это сравнительно неспособными заботиться о себѣ въ опасныхъ случаяхъ. Этимъ, однако, далеко не ограничивается воспитаніе,

приготовляющее къ непосредственному самосохраненію. Кромѣ охраненія тѣла отъ механическаго поврежденія или разрушенія, оно должно быть охраняемо отъ вреднаго на него вліянія другихъ причинъ—отъ болѣзни и смерти, происходящихъ отъ нарушенія физіологическихъ законовъ. Для совершенной жизни необходимо не только предупрежденіе внезапной смерти, но также избѣжаніе неспособности и постепеннаго прекращенія жизни, которыя бываютъ слѣдствіемъ неразумныхъ привычекъ. Такъ какъ безъ здоровья и энергіи становятся болѣе или менѣе невозможными промышленныя, родительскія, и всякія другія дѣятельности, то ясно, что этотъ второстепенный разрядъ непосредственнаго самосохраненія уступаетъ въ значеніи только первостепенному разряду, и что знаніе обезпечивающее его должно стоять очень высоко.

Правда, въ этомъ случаѣ мы точно также имѣемъ нѣкоторымъ образомъ готовое руководство. Нашими разнообразными физическими ощущеніями и желаніями природа достаточно обезпечила сообразность съ главнѣйшими потребностями: недостатокъ пищи, сильный жаръ, чрезвычайный холодъ производятъ въ насъ слишкомъ настоятельныя тре-

бованія, чтобы ими можно было пренебрегать. И еслибы люди всегда повиновались этимъ и всѣмъ подобнымъ, даже и менѣе рѣшительнымъ требованіямъ, то происходило бы сравнительно мало зла. Еслибы за утомленіемъ тѣла или мозга всегда слѣдовалъ отдыхъ; еслибы духота производимая сжатымъ воздухомъ всегда вела за собою очищеніе атмосферы; еслибы никто не ѣлъ и не пилъ не ощущая голода или жажды—организмъ рѣдко приходилъ бы въ разстройство. Но относительно законовъ жизни господствуетъ такое полнѣйшее невѣжество, что люди даже не знаютъ, что ощущенія суть ихъ естественные и (если только они не доведены до болѣзненности продолжительнымъ неудовлетвореніемъ) самые надежные руководители. Такимъ образомъ, говоря теологически, хотя природа и снабдила насъ дѣйствительнымъ оплотомъ нашего здоровья, но недостатокъ знанія дѣлаетъ его въ значительной степени безполезнымъ.

Если кто-нибудь сомнѣвается въ важности знакомства съ принципами физіологіи, какъ средствомъ для полной жизни, тотъ пусть взглянетъ вокругъ себя и посмотритъ много ли онъ найдетъ мужчинъ и женщинъ, которые въ среднемъ и болѣе позднемъ возрастѣ были бы впол-

нѣ здоровы. Только случайно встрѣчаемъ мы человѣка съ сильнымъ здоровьемъ, продолжающимся до старости; между тѣмъ на каждомъ шагу намъ попадаются примѣры разстроеннаго состоянія здоровья, хроническихъ болѣзней, общей слабости, преждевременной дряхлости. Едва ли найдется хоть одинъ человѣкъ, къ которому вы не можете прямо обратиться съ вопросомъ, не пострадалъ ли онъ впродолженіе своей жизни отъ такой болѣзни, которой онъ могъ бы избѣжать при нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ. То видимъ мы случаи болѣзни сердца вслѣдствіе ревматической лихорадки, происшедшей отъ крайней безпечности; то случаи испорченныхъ на всю жизнь глазъ, отъ чрезмѣрныхъ занятій. Вчера мы слышали, что человѣкъ остался на всю жизнь хромымъ, вслѣдствіе того что слегка повредивши себѣ колѣно продолжалъ ходить не обращая вниманія на боль. Сегодня намъ разсказываютъ о другомъ, которому приходится пролежать нѣсколько лѣтъ, потому что онъ не зналъ, что его страданія отъ біенія сердца происходятъ отъ излишней мозговой работы. Съ одной стороны слышимъ мы о непоправимомъ вредѣ, причиненномъ безумнымъ хвастовствомъ своей силой; далѣе слышимъ о такомъ состояніи здо-

ровья, которое никогда ужь не оправится отъ дѣйствія чрезмѣрной, безполезно предпринятой работы. Съ другой стороны мы видимъ безконечныя мелкія болѣзни — послѣдствія слабости. Не говоря уже о страданіяхъ, скукѣ, мрачномъ расположеніи духа, тратѣ времени и денегъ, неизбѣжныхъ при плохомъ здоровьи, какъ сильно все это мѣшаетъ выполненію нашихъ обязанностей, часто дѣлаетъ занятіе невозможнымъ и всегда болѣе труднымъ, причиняетъ раздражительность, вредящую правильному воспитанію дѣтей, препятствуетъ выполненію гражданскихъ обязанностей, дѣлаетъ невыносимымъ всякое развлеченіе. Не достаточно ли ясно, что физическіе недостатки — частью наслѣдственные, частью наши собственные — болѣе чѣмъ что-либо другое наносятъ ущербъ полной жизни, и изъ блага и наслажденія превращаютъ жизнь въ наказаніе и бремя.

Но это еще не все. Жизнь, испорченная такимъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и сокращается. Мы заблуждаемся, предполагая обыкновенно, что поправившись послѣ разстройства или болѣзни, мы остаемся здоровыми по прежнему. Никакое нарушеніе нормальнаго хода отправленій не можетъ пройти не оставивъ

никакого слѣда. Вредъ наносится продолжительный, онъ можетъ быть и незамѣченнымъ тотчасъ же, но онъ будетъ существовать, и, вмѣстѣ съ другими статьями, которыхъ природа никогда не упускаетъ при своемъ строгомъ разсчетѣ, заговоритъ противъ насъ и неизбѣжно поведетъ къ сокращенію нашихъ дней. Состояніе здоровья подрывается и ослабляется преждевременно обыкновенно чрезъ накопленіе незначительныхъ поврежденій. Если мы обратимъ вниманіе насколько средняя продолжительность жизни стоитъ ниже возможной продолжительности, то увидимъ какъ велика потеря. Прибавивъ къ безчисленнымъ частнымъ выводамъ этотъ общій окончательный выводъ, мы получимъ въ результатѣ, что обыкновенно пропадаетъ полжизни.

Слѣдовательно, знаніе, обезпечивающее непосредственное самосохраненіе, предупреждая подобную утрату здоровья, должно считаться наиболѣе важнымъ. Мы не утверждаемъ, что обладаніе подобнымъ знаніемъ можетъ совершенно исправить зло. Ясно, что въ настоящемъ фазисѣ цивилизаціи, потребности людей часто вводятъ ихъ въ ошибки. Очевидно также и то, что даже и при отсутствіи этой причины,

наклонности людей часто побуждаютъ ихъ, вопреки ихъ убѣжденію, жертвовать будущимъ благомъ ради настоящаго удовольствія. Но мы утверждаемъ, что точное знаніе, правильно пріобрѣтенное, принесетъ большую пользу; утверждаемъ, — что такъ какъ знаніе законовъ здоровья должно предшествовать совершенному сообразованію съ ними, то знакомство съ подобнымъ знаніемъ должно предшествовать болѣе раціональной жизни, когда бы мы этого ни достигли. Мы приходимъ къ заключенію, что такъ какъ крѣпкое здоровье и сопровождающая его бодрость духа суть важнѣйшіе элементы счастья, то и свѣдѣнія о сохраненіи ихъ не уступаютъ въ важности никакому другому познанію. Поэтому мы утверждаемъ, что тотъ курсъ физіологіи, который знакомитъ съ ея общими истинами и ихъ отношеніемъ къ нашей обыденной жизни, составляетъ самую существенную часть раціональнаго воспитанія.

Странно, что намъ приходится прибѣгать къ подобному утвержденію. Еще страннѣе, что намъ приходится оспаривать его. Однако найдется не мало людей, способныхъ встрѣтить почти съ насмѣшкою подобное мнѣніе. Тѣ, которые покраснѣли бы еслибы кто-нибудь поймалъ ихъ, что они произносятъ Ифи-

гéнія вмѣсто Ифигенія, или сочли бы оскорбительнымъ обвиненіе ихъ въ незнаніи вымышленныхъ подвиговъ вымышленнаго полубога, ни мало не конфузясь признаются въ томъ, что имъ неизвѣстно, гдѣ находятся Евстахіевы трубы, каковы дѣйствія спиннаго хребта, каково нормальное біеніе пульса, или какъ раздуваются легкія. Заботясь о томъ, чтобы ознакомить своихъ сыновей съ суевѣріями, господствовавшими двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, они не обращаютъ никакого вниманія на знакомство ихъ съ строеніемъ и отправленіями ихъ собственнаго тѣла: мало того, они даже не хотятъ, чтобы ихъ учили этому. Таково подавляющее дѣйствіе установленной рутины, такъ велико въ нашемъ воспитаніи преобладаніе украшенія надъ полезностью!

Намъ нѣтъ необходимости настаивать на цѣнности тѣхъ знаній, которыя ведутъ къ косвенному самосохраненію, облегчая добываніе пропитанія: необходимость эта признается всѣми, и даже считается почти исключительною цѣлью воспитанія. Однако, хотя каждый готовъ согласиться съ отвлеченнымъ положеніемъ, что обученіе, приспособляющее юношей къ добыванію жизненныхъ средствъ, весьма важно, или даже готовы считать его наиболѣе важ-

нымъ, едва ли кто-нибудь старается уяснить себѣ какое обученіе приводитъ къ этой цѣли. Правда, чтеніе, письмо и ариѳметика преподаются съ разумною оцѣнкою ихъ полезности, но этимъ почти все и ограничивается; и тогда какъ большая часть пріобрѣтенныхъ познаній не имѣетъ никакого отношенія къ промышленной дѣятельности, множество свѣдѣній, прямо относящихся къ ней, совершенно упускается изъ виду.

Но исключая весьма немногочисленный классъ людей, чѣмъ заняты всѣ остальные? Они заняты производствомъ, приготовленіемъ и распредѣленіемъ припасовъ. А отъ чего зависитъ успѣхъ производства, приготовленіе и распредѣленіе припасовъ? Онъ зависитъ отъ употребленія методовъ, приспособленныхъ къ природѣ этихъ припасовъ, зависитъ отъ достаточнаго знакомства съ ихъ физическими, химическими или жизненными свойствами, если встрѣтится въ томъ надобность, иначе—зависитъ отъ науки. Этотъ разрядъ знаній, который большею частью неизвѣстенъ въ нашихъ школьныхъ курсахъ, есть тотъ разрядъ, на которомъ опирается правильное веденіе производствъ, дѣлающихъ возможною цивилизованную жизнь. Какъ ни неоспорима эта истина,

какъ ни бросается она намъ въ глаза на каждомъ шагу, никто, повидимому, не сознаетъ ее достаточно: она забывается вслѣдствіе своей обыденности. Чтобы придать должный вѣсъ нашей аргументаціи, докажемъ эту истину читателю бѣглымъ разборомъ фактовъ.

Для всѣхъ высшихъ строительныхъ искусствъ необходимо нѣкоторое знакомство съ математикою. Деревенскій плотникъ, который, за недостаткомъ раціональнаго обученія, въ своей работѣ руководствуется эмпирическими правилами, добытыми въ ученьи, точно также какъ и строитель Британскаго моста имѣетъ постоянное дѣло съ законами количественныхъ отношеній. Землемѣръ, подъ надзоромъ котораго покупается земля; архитекторъ, начертывающій планъ жилища, которое будетъ на ней построено; строитель, составляющій смѣту постройки; смотритель за работою, закладывающій фундаментъ; каменщики, обтесывающіе камни, и разнаго рода ремесленники, производящіе работу—всѣ они руководствуются геометрическими истинами. Постройка желѣзной дороги отъ начала до конца обусловливается математикою: при приготовленіи плановъ и сѣченій, обозначеніи линіи, измѣриваніи рвовъ и насыпей, черченіи плановъ, при смѣтахъ и строе-

ніи мостовъ, віадуковъ, тоннелей, станцій. Тоже и въ отношеніи пристаней, доковъ, плотинъ и различныхъ инженерныхъ и архитектурныхъ работъ, которыя окаймляютъ берега и покрываютъ поверхность страны, и рудниковъ, проходящихъ подъ нею. Благодаря геометріи въ примѣненіи ея къ астрономіи, развилось искусство мореплаванія, и такимъ образомъ благодаря этой наукѣ сдѣлалась возможною обширная иностранная торговля, которая доставляетъ пропитаніе значительной части нашего населенія, снабжаетъ насъ многими необходимыми товарами и большинствомъ предметовъ роскоши. И въ нынѣшнее время фермеръ для правильнаго проведенія канавъ прибѣгаетъ къ ватерпасу, то-есть, къ геометрическимъ принципамъ. Если отъ этихъ отдѣловъ математики, имѣющихъ дѣло съ *пространствомъ* и *числомъ*, поверхностное знакомство съ которыми получается въ школахъ, мы обратимся къ отдѣлу, имѣющему дѣло съ *силою*, о которой едва ли дается и поверхностное познаніе, то встрѣтимся съ другимъ обширнымъ разрядомъ дѣятельности, которымъ управляетъ эта наука. На примѣненіи раціональной механики основывается успѣхъ новѣйшихъ мануфактуръ. Свойства рычага, во-

рота и др. прилагаются къ каждой машинѣ; каждая машина есть осуществленная механическая теорема, и въ настоящее время почти всѣми произведеніями мы обязаны механикѣ. Прослѣдимъ, напримѣръ, исторію булки. Почва, изъ которой она произошла, была осушена съ помощью машины; земля переворачивалась машиною; сѣмя было вложено въ нее машиною; пшеница была сжата, смолочена и провѣяна машинами; машинами же она была смолота и просѣяна, и еслибы мука была отправлена въ Госпортъ, то посредствомъ машины изъ нея были бы сдѣланы сухари. Осмотрите комнату, въ которой вы сидите. Кирпичи въ стѣнахъ, если они новы, вѣроятно были сдѣланы машиною; точно также машинами были выпилены и вымощены половыя доски, выпилена и отполирована каминная полка, сдѣланы и напечатаны обои. Фанерка стола, выточенныя ножки стульевъ, коверъ, занавѣси — все это машинныя произведенія. Ваши платья—гладкія, узорчатыя или набивныя — развѣ не машинами всѣ вытканы и даже можетъ быть сшиты? А въ книгѣ, которую вы читаете—не произведены ли листки ея одною машиною и покрыты словами другою? Прибавьте къ этому тѣ механическія производства, которыя достав-

ляютъ намъ средства распредѣленія товаровъ сухимъ путемъ и водою, и вспомните, что согласно съ тѣмъ, хорошо или дурно примѣняются къ этимъ цѣлямъ принципы механики, зависитъ успѣхъ или неудача — индивидуальныя и національныя. Инженеръ, плохо сообразующійся съ формулами силы матеріаловъ, построитъ такой мостъ, который провалится; фабрикантъ, имѣющій дурные снаряды, не можетъ состязаться съ тѣмъ, снаряды котораго болѣе удовлетворяютъ законамъ тренія и инерціи; кораблестроитель, придерживающійся старыхъ образцовъ, не можетъ гнаться за тѣмъ, который строитъ свои корабли сообразуясь съ механическими принципами волновой линіи? И такъ какъ способность націи противустоять другимъ зависитъ отъ искусной дѣятельности ея единицъ, то мы видимъ, что подобное знаніе можетъ управлять національною судьбою, и на основаніи этого мы можемъ судить о цѣнности математическихъ наукъ.

Перейдемъ затѣмъ къ физикѣ. Въ соединеніи съ математикою она дала намъ паровую машину, которая исполняетъ работу милліоновъ работниковъ. Тотъ отдѣлъ физики, который занимается законами тепла, научилъ насъ сберегать топливо при различныхъ производствахъ,

увеличивать работу нашихъ плавильныхъ печей обращеніемъ жара въ холодный паръ, провѣтривать рудники, предотвращать взрывы употребленіемъ предохранительной лампы, и, посредствомъ термометра, регулировать безчисленныя производства. Другой отдѣлъ ея, имѣющій своимъ предметомъ свѣтовыя явленія, доставляетъ глаза старому и близорукому, помогаетъ посредствомъ микроскопа открывать болѣзни и поддѣлки, и усовершенствованными маяками предупреждаетъ кораблекрушенія. Изслѣдованія электричества и магнетизма, съ помощью компаса, спасли несмѣтное число жизней и имуществъ; открытіемъ электротипа послужили разнымъ искусствамъ, а въ новѣйшее время изобрѣтеніемъ телеграфа доставили намъ средство, которымъ впослѣдствіи будутъ регулироваться торговыя дѣла, производиться политическія сношенія и можетъ быть даже предупреждаться національныя ссоры, между тѣмъ какъ въ мелочахъ нашей домашней жизни, начиная отъ усовершенствованнаго кухоннаго очага и до стереоскопа на столѣ гостиной, на примѣненіи новѣйшей физики опираются наши удобства и удовольствія.

Химія имѣетъ еще болѣе вліянія на тѣ роды дѣятельности, которыми люди пріобрѣтаютъ

средства къ жизни. Бѣлильщикъ, красильщикъ и набойщикъ занимаются производствами, которыя бываютъ хороши или дурны смотря по тому — сообразуются они или нѣтъ съ химическими законами. Экономическое добываніе изъ рудъ мѣди, олова, цинка, свинца, серебра, желѣза въ значительной степени составляетъ предметъ химическихъ вопросовъ. Сахаровареніе, приготовленіе газа, мыловареніе, производство пороха суть отчасти химическія операціи, точно также какъ и изготовленіе стекла и фарфора. Остановится ли сусло дистиллятора на алкогольномъ броженіи или перейдетъ въ уксусное—это химическій вопросъ, отъ котораго зависитъ его выгода или убытокъ, и пивоваръ, если торговля его обширна, считаетъ выгоднымъ держать при своемъ заводѣ химика. Просмотрите какое нибудь технологическое сочиненіе, и вамъ тотчасъ сдѣлается очевидно, что въ настоящее время нѣтъ почти ни одной мануфактурной промышленности, нѣкоторыя отрасли которой не находились бы подъ вѣдѣніемъ химіи. Слѣдовательно очевиденъ тотъ фактъ, что земледѣліе, для извлеченія изъ него выгоды, должно точно также руководствоваться химіею. Анализъ удобреній и почвъ; открытіе ихъ относительныхъ примѣненій; употребленіе сѣрно-

кислой извести или другаго вещества для сгущенія амміака; употребленіе копролитовъ; произведеніе искусственныхъ удобреній—все это дары химіи, съ которыми долженъ ознакомиться каждый фермеръ. Посмотримъ ли мы на зажигательныя спички, на дезинфектированныя сточныя трубы, на фотографическіе снимки, на хлѣбъ, приготовленный безъ броженія или на духи извлеченные изъ негодныхъ веществъ, мы тотчасъ можемъ замѣтить, что химія имѣетъ вліяніе на всѣ наши производства, и что, слѣдовательно, знаніе ея касается каждаго, прямо или косвенно принимающаго участіе въ промышленности.

Разсмотримъ затѣмъ науку жизни—біологію: не имѣетъ ли она также существеннаго значенія въ дѣлѣ косвеннаго самосохраненія? Правда, она имѣетъ весьма малую связь съ тѣмъ, что мы обыкновенно называемъ производствами, но она неразрывно связана съ самымъ существеннымъ изъ нихъ, съ производствомъ пищи. Также какъ и земледѣліе должно сообразовать свои методы съ явленіями растительной и животной жизни, слѣдовательно наука этихъ явленій служитъ раціональною основою земледѣлія, такъ въ дѣйствительности различныя біологическія истины были дознаны эмпирически и при-

мѣнялись фермерами прежде существованія біологіи, какъ науки; такъ, напр., извѣстно было, что различныя удобренія пригодны для различныхъ растеній; что урожай извѣстнаго рода дѣлаетъ почву неспособною къ урожаямъ другаго рода; что лошади при скудномъ кормѣ не могутъ хорошо работать; что тѣ или другія болѣзни скота и овецъ причиняются тѣми или другими условіями. Эти и другія, пріобрѣтаемыя земледѣльцемъ путемъ опыта повседневныя знанія, касающіяся правильнаго ухода за растеніями и животными, составляютъ его запасъ біологическихъ фактовъ, отъ обширности котораго главнымъ образомъ зависитъ его успѣхъ. И если эти біологическіе факты, несмотря на свою недостаточность, неопредѣленность и незначительность, оказываютъ ему такую существенную помощь, то можемъ представить каково должно быть ихъ значеніе, если они обратятся въ положительныя, опредѣленныя и обширныя свѣдѣнія. Дѣйствительно, мы уже теперь можемъ видѣть какъ велика выгода, доставляемая раціональной біологіей. Истина, что произведеніе животной теплоты предполагаетъ трату матеріаловъ, и что потому предупрежденіемъ потери теплоты предупреждается потребность въ излишней пищѣ—чисто теоритическій выводъ—

служитъ теперь руководствомъ къ откармливанію скота: найдено, что содержаніемъ скота въ теплѣ сберегается кормъ. Тоже самое и въ отношеніи разнообразія пищи. Изслѣдованія физіологовъ показали, что не только полезно перемѣнять родъ пищи, но что и прибавленіе примѣсей въ каждую ѣду облегчаетъ пищевареніе: обѣ эти истины оказываютъ въ настоящее время вліяніе на откармливаніе скота. Открытіе, что болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ „головокруженія", отъ которой падало ежегодно нѣсколько тысячъ овецъ, причиняется энтозооном, который производитъ давленіе на мозгъ, и что если этого червя вынуть чрезъ размягченную часть черепа, которая обозначаетъ его присутствіе, то овца обыкновенно выздоравливаетъ, — есть другая услуга, которой земледѣліе обязано біологіи. Если мы обратимъ вниманіе на рѣзкій контрастъ, существующій между нашими и континентальными формами, вспомнимъ, что контрастъ этотъ происходитъ, главнымъ образомъ, отъ гораздо большаго вліянія науки на наши фермы, чѣмъ на тѣ, и увидимъ, какъ съ каждымъ днемъ соперничество дѣлаетъ болѣе общимъ и болѣе необходимымъ примѣненіе научныхъ методовъ, то мы весьма правильно заключимъ, что въ

скоромъ времени успѣхъ земледѣлія въ Англіи будетъ невозможенъ безъ основательнаго знанія животной и растительной физіологіи.

Намъ слѣдуетъ упомянуть еще объ одной наукѣ, имѣющей прямое отношеніе къ успѣху промышленности. Люди, которые ежедневно слѣдятъ за положеніемъ денежнаго рынка, просматриваютъ биржевые курсы; судятъ о вѣроятномъ сборѣ хлѣба, хлопчатой бумаги, сахара, шерсти и шелка; взвѣшиваютъ военныя удачи, и по этимъ даннымъ опредѣляютъ свои торговыя операціи, люди эти изучаютъ соціальную науку: изучаютъ ее, можетъ быть, только эмпирически и ошибочно, но вмѣстѣ съ тѣмъ они зарабатываютъ барыши или терпятъ убытокъ, смотря потому удастся имъ или нѣтъ сдѣлать правильное заключеніе изъ того или другого факта. Не только фабрикантъ или купецъ должны въ своихъ дѣлахъ руководствоваться предложеніемъ и спросомъ, основанными на многочисленныхъ фактахъ, и молча признавать различные общіе принципы соціальныхъ дѣйствій, но и мелочной торговецъ долженъ дѣлать тоже самое: благоденствіе его въ значительной степени зависитъ отъ точности его сужденій относительно будущихъ оптовыхъ цѣнъ и будущаго количества потребленія. Очевидно, что всякій,

принимающій участіе въ сложной коммерческой дѣятельности общества, существенно заинтересованъ въ пониманіи законовъ, управляющихъ примѣненіями этой дѣятельности.

Такимъ образомъ, для всѣхъ тѣхъ, которые занимаются произведеніемъ, обмѣномъ или распредѣленіемъ товаровъ, знакомство съ наукою въ которомъ-нибудь изъ ея отдѣловъ есть дѣло первостепенной важности. Каждому человѣку, непосредственно или косвенно принимающему участіе въ какомъ-либо родѣ промышленности (а исключить можно немногихъ), приходится нѣкоторымъ образомъ имѣть дѣло съ математическими, физическими и химическими свойствами предметовъ; онъ можетъ быть даже прямо заинтересованъ въ біологіи, а въ соціологіи навѣрно. Каковъ будетъ успѣхъ его въ дѣлѣ косвеннаго самосохраненія, которое мы называемъ пріобрѣтеніемъ хорошихъ средствъ къ жизни, зависитъ въ значительной степени отъ его знанія одной или нѣсколькихъ изъ этихъ наукъ, знанія не только раціональнаго, а хотя бы даже пріобрѣтеннаго однимъ опытомъ, ибо то, что мы называемъ изученіемъ ремесла, означаетъ въ сущности изученіе науки, входящей въ него хотя бы даже и не подъ именемъ науки. Поэтому мы видимъ, какъ

велико значеніе основательной науки, какъ потому, что она подготовляетъ къ жизни, такъ и потому, что раціональное знаніе имѣетъ огромное преимущество надъ эмпирическимъ. Сверхъ того, научное знаніе необходимо каждому не только для того, чтобы понимать какъ и зачѣмъ происходятъ тѣ вещи и процессы, которые касаются его какъ производителя и распредѣлителя, но часто гораздо важнѣе знать какъ и зачѣмъ производятся различные другіе предметы и процессы. Въ настоящее время, время предпріятій на соединенные капиталы, почти каждый человѣкъ, кромѣ своего собственнаго занятія, бываетъ заинтересованъ, какъ капиталистъ, занятіями иного рода, а барышъ или убытокъ его въ этомъ случаѣ часто зависятъ отъ знакомства его съ науками, касающимися этого иного занятія. Вотъ напр. руда, въ разработкѣ которой разорились многіе акціонеры, потому что не знали что извѣстное ископаемое принадлежитъ къ древнему красному песчанику, ниже котораго не можетъ находиться каменный уголь. Неоднократно также пытались устроить электро-магнитныя машины, въ надеждѣ замѣнить ими паровыя; но еслибы тѣ, кто тратилъ свои деньги, понимали общій законъ соотношенія и рав-

новѣсія силъ, то они могли бы имѣть лучшіе счеты у своихъ банкировъ. Ежедневно люди втягиваются въ предпріятія, которыя даже новичку въ наукѣ покажутся совершенно безплодными. Едва ли найдется мѣстность, которая бы не имѣла своей исторіи растраты состояній на какіе нибудь несбыточные проекты.

Если же теперь такъ часты и такъ велики потери отъ недостатка научныхъ свѣдѣній, то онѣ будутъ еще чаще и значительнѣе для тѣхъ, кто и впредь будетъ имѣть недостатокъ въ знаніяхъ. Какъ скоро производительные процессы сдѣлаются болѣе научными, а къ этому ихъ неизбѣжно приведетъ конкурренція; какъ скоро предпріятія на соединенные капиталы примутъ большіе размѣры, что конечно случится, вмѣстѣ съ тѣмъ возрастетъ и необходимость научнаго знанія для каждаго.

Мы находимъ, что то, что почти совершенно выпускается въ нашихъ школьныхъ курсахъ, наиболѣе близко касается житейскихъ дѣлъ. Промышленность наша прекратилась бы, если бы не было тѣхъ познаній, которыя люди начинаютъ пріобрѣтать (самое лучшее, что имъ остается дѣлать) послѣ того какъ образованіе ихъ считается оконченнымъ, и если бы не тѣ познанія, которыя изъ вѣка въ вѣкъ накопля-

ются и распространяются неофиціальнымъ образомъ, то промышленность никогда бы и не существовала. Если бы не было иного обученія, кромѣ того, которое преподается въ нашихъ публичныхъ школахъ, Англія въ настоящее время была бы тѣмъ же, чѣмъ она была въ феодальныя времена. То возрастающее знакомство съ законами явленій, которое въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ давало намъ возможность покорять природу нашимъ нуждамъ, и въ настоящее время доставляетъ обыкновенному работнику тотъ комфортъ, котораго нѣсколько столѣтій тому назадъ не могли достигнуть короли, едвали сколько нибудь обязано установленнымъ способомъ воспитанія нашего юношества. Жизненное знаніе—то, съ помощью котораго мы, какъ нація, достигли того, что мы есть, и которымъ и до сихъ поръ поддерживается наше существованіе, есть то знаніе, что пріобрѣтается само собою въ углахъ и закоулкахъ, между тѣмъ какъ въ установленныхъ учрежденіяхъ для обученія перебираются почти только однѣ мертвыя формулы.

Мы дошли теперь до третьяго отдѣла человѣческой дѣятельности—отдѣла, къ которому люди никогда не подготовляются. Еслибы по какому нибудь странному случаю отъ нашего

времени не дошло до отдаленнаго будущаго ничего кромѣ груды школьныхъ учебниковъ или журналовъ какого нибудь коллегіума, то мы можемъ себѣ представить, какъ былъ бы пораженъ антикварій этого періода, не найдя въ немъ ни малѣйшаго указанія на то, что ученики могутъ когда нибудь сдѣлаться родителями. „Это должно быть курсъ для безбрачныхъ“—такъ заключилъ бы онъ вѣроятно. „Я вижу здѣсь заботливую подготовку къ различнымъ предметамъ, особенно къ чтенію книгъ вымершихъ народовъ и еще существующихъ (изъ чего ясно, конечно, что народъ этотъ имѣлъ весьма мало достойныхъ произведеній на своемъ родномъ языкѣ); но я не нахожу никакого намека на воспитаніе дѣтей. Не могли же они быть такъ нелѣпы, чтобы исключить всякую подготовку къ этой наиважнѣйшей изъ всѣхъ отвѣтственности. Посему очевидно это былъ курсъ одного изъ ихъ монашенскихъ орденовъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не удивителенъ тотъ фактъ, что не смотря на то что отъ ухода за дѣтьми зависитъ ихъ жизнь или смерть и ихъ нравственное благосостояніе или паденіе, о воспитаніи дѣтей не дается ни малѣйшаго свѣдѣнія тѣмъ, которые со временемъ будутъ родителями? Не чудовищно ли, что судьба новаго

поколѣнія оставляется на произволъ нелѣпыхъ привычекъ, побужденій и фантазіи, соединенныхъ съ внушеніями невѣжественной няньки и совѣтами бабушекъ, основанными на предразсудкахъ? Если бы купецъ начиналъ свое дѣло безъ знанія ариѳметики и бухгалтеріи, мы ужаснулись бы его безумію и стали бы ожидать печальныхъ послѣдствій; или, если, не изучивъ предварительно анатоміи, человѣкъ выдавалъ бы себя за хирурга — мы удивились бы его смѣлости и пожалѣли его паціентовъ. Когда же родители приступаютъ къ трудному дѣлу воспитанія дѣтей, ни разу не подумавъ о началахъ физическихъ, нравственныхъ и интеллектуальныхъ, которыми они должны руководствоваться, то мы не изъявляемъ ни удивленія къ дѣйствующимъ лицамъ, ни жалости къ ихъ жертвамъ.

Къ десяткамъ тысячъ убитыхъ прибавьте сотни тысячъ остающихся въ живыхъ съ слабымъ тѣлосложеніемъ и милліоны дѣтей, выростающихъ не съ столь крѣпкимъ сложеніемъ, какое должно бы быть, и вы получите нѣкоторое понятіе о томъ вредѣ, какой причиняется потомкамъ родителями, незнающими законовъ жизни. Подумайте только немного, что тотъ родъ жизни, которому подвергаются дѣти,

ежечасно вліяетъ на нихъ къ благу или ко вреду ихъ на всю жизнь, и что на двадцать ошибочныхъ способовъ воспитанія приходится одинъ правильный, и тогда вы составите себѣ нѣкоторое понятіе о томъ страшномъ злѣ, которое причиняется почти вездѣ общепринятою безразсудною, ни на чемъ не основанною системою. Рѣшаютъ ли, что мальчикъ долженъ одѣваться въ легкое, короткое платье, и что ему будутъ позволять играть на дворѣ съ раскраснѣвшимися отъ холода членами, и рѣшеніе это проявится во всемъ его будущемъ существованіи—или въ болѣзняхъ, или въ слабомъ ростѣ, или въ недостаткѣ энергіи, или въ возмужалости менѣе сильной, чѣмъ могла бы быть, и въ послѣдовательныхъ помѣхахъ къ успѣху и счастію. Присуждаютъ ли дѣтей къ однообразной пищѣ, или къ пищѣ недостаточно питательной, и чрезъ это неизбѣжно болѣе или менѣе уменьшится впослѣдствіи вообще ихъ физическая сила и сила какъ мужчинъ и женщинъ. Запрещаютъ ли имъ шумныя игры, или (будучи плохо одѣтыми, чтобы вынести стужу) держатъ ихъ дома въ холодную погоду,—и дѣти, конечно, не достигнутъ той степени здоровья и силы, которая была бы возможна при другихъ условіяхъ. Если сыновья и дочери выростаютъ бо-

лѣзненными и слабыми, родители обыкновенно смотрятъ на это, какъ на несчастіе, какъ на испытаніе Провидѣнія. Разсуждая по господствующему хаотическому способу, они предполагаютъ, что зло происходитъ безъ причины, или что причины сверхъестественны. Ничего подобнаго не бываетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ причины, безъ сомнѣнія, наслѣдственныя; но гораздо чаще онѣ заключаются въ безтолковомъ веденіи дѣла. Главнымъ образомъ родители сами виновны во всѣхъ этихъ болѣзняхъ, въ слабости, разстройствѣ и всѣхъ бѣдствіяхъ. Они взялись ежечасно слѣдить за жизнью своихъ дѣтей, и съ жестокою безпечностью пренебрегли изученіемъ тѣхъ жизненныхъ процессовъ, на которые они непрестанно вліяютъ своими приказаніями и запрещеніями; совершеннымъ незнаніемъ самыхъ простыхъ физіологическихъ законовъ они съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе подрывали здоровье своихъ дѣтей, и такимъ образомъ причинили болѣзни и преждевременную смерть не только ихъ, но и ихъ потомковъ.

Обращаясь отъ физическаго воспитанія къ нравственному, мы видимъ то же самое невѣжество и тѣ же самыя пагубныя его послѣдствія. Посмотрите на молодую мать и на законы изда-

ваемые ею въ дѣтской. Еще немного лѣтъ тому назадъ она была въ школѣ, гдѣ память ея набивалась словами, именами, числами, и едва ли хоть сколько нибудь упражнялись ея мыслительныя способности, гдѣ она не получила ни малѣйшаго понятія о методахъ обращенія съ развивающимся духомъ ребенка и гдѣ дисциплина школы нимало не приспособила ее къ обдумыванію метода воспитанія своего собственнаго ребенка. Промежуточные годы прошли въ упражненіи музыкою, въ вышиваньяхъ, въ чтеніи повѣстей и въ выѣздахъ на вечера: еще ни разу мысль ея не обращалась на важную отвѣтственность материнства, и не пріобрѣтено почти ни одного прочнаго разумнаго познанія, которое могло бы служить нѣкоторою подготовкою къ этой отвѣтственности. Теперь посмотрите какъ она съ необразовавшимся человѣческимъ характеромъ выполняетъ возложенную на нея обязанность, посмотрите, какъ она не понимая совершенно явленій, съ которыми ей приходится имѣть дѣло, берется за воспитаніе, которое даже при самыхъ глубокихъ познаніяхъ можетъ быть выполнено только несовершенно. Она вовсе не знаетъ природы душевныхъ движеній, ихъ развитія и проявленій; не знаетъ гдѣ кончается польза и начинается злоупотребленіе;

она составила себѣ понятія, что такія-то ощущенія положительно дурны, что несправедливо ни въ отношеніи одного изъ нихъ, а другія хороши, какъ бы далеко они ни заходили, чего также нельзя сказать ни про одно изъ нихъ. И такимъ образомъ, не зная организма, съ которымъ ей приходится обращаться, она одинаково не знаетъ и дѣйствія производимаго на него тѣмъ или другимъ обращеніемъ. Что можетъ быть неизбѣжнѣе тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, которыя обнаруживаются ежечасно? Вслѣдствіе недостатка знанія душевныхъ явленій, ихъ причинъ и слѣдствій, вмѣшательство такой матери-воспитательницы часто вреднѣе полнѣйшаго безучастія. Она постоянно противодѣйствуетъ тому или другому проявленію жизни дитяти, совершенно нормальному и благотворному, и чрезъ то уменьшаетъ счастье и успѣхъ ребенка, портитъ его и свой характеръ и заставляетъ его чуждаться ея. Желая, напр., поощрить какіе нибудь поступки, она прибѣгаетъ къ угрозамъ и подаркамъ, или старается пробудить желаніе похвалъ, обращая такимъ образомъ мало вниманія на внутреннее побужденіе, лишь бы было сообразное внѣшнее поведеніе, и тѣмъ вмѣсто хорошихъ чувствъ развиваетъ лицемѣріе, трусливость, самолюбіе. Требуя пра-

вдивости, она постоянно показываетъ примѣръ лжи, угрожая наказаніемъ и не исполняя угрозы. Постоянно совѣтуя самимъ контролировать свои дѣйствія, она ежечасно осыпаетъ своихъ дѣтей сердитою бранью за поступки вовсе незаслуживающіе этого. Она не имѣетъ даже самаго слабаго понятія о томъ, что въ дѣтской, какъ и въ жизни, единственная разумная и благотворная дисциплина есть та, когда каждое поведеніе, хорошее или дурное, влечетъ за собою естественныя послѣдствія, которыя, пріятны они или прискорбны, по самой природѣ вещей вытекаютъ изъ того или другаго образа дѣйствій. Не имѣя такимъ образомъ теоретическаго руководства и совершенно неспособная руководить самое себя когда она слѣдитъ за духовными явленіями, происходящими въ ея дѣтяхъ, распоряженія подобной матери импульсивны, неосновательны, вредны, они были бы даже вообще пагубны, если бы поразительное стремленіе развивающагося духа принять нравственный типъ расы не подчиняло себѣ обыкновенно всѣ меньшія вліянія.

Затѣмъ не также ли дурно ведется умственное воспитаніе? Согласитесь, что явленія разума сообразуются съ законами; согласитесь, что развитіе разума въ ребенкѣ тоже сообра-

зуется съ законами, а отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что воспитаніе не можетъ быть правильно руководимо безъ знанія этихъ законовъ. Нелѣпо было бы предполагать, что возможно надлежащимъ образомъ направлять процессъ составленія и накопленія понятій, не понимая природы этого процесса. Какъ велико, слѣдовательно, должно быть различіе между тѣмъ преподаваніемъ, какое есть, и тѣмъ, какое должно бы быть, и едва ли кто нибудь изъ родителей и весьма немногіе воспитатели знаютъ что либо изъ психологіи. Какъ и слѣдовало ожидать, установленная система крайне ошибочна, и по содержанію своему и по пріемамъ, и между тѣмъ какъ точный разрядъ фактовъ выпускается, насильственно преподается неточный, невѣрнымъ путемъ и въ невѣрномъ порядкѣ. Подъ вліяніемъ этой общей ограниченной идеи воспитанія, которое заключается въ знаніи, пріобрѣтаемомъ изъ книгъ, родители къ величайшему вреду своихъ дѣтей слишкомъ рано всовываютъ имъ въ руки буквари. Не признавая истины, что пособіе книгъ есть дополнительное, что онѣ представляютъ косвенныя средства пріобрѣтенія знаній за недостаткомъ непосредственныхъ средствъ—средства видѣть съ помощью другихъ людей то, чего вы не мо-

жете увидѣть сами—преподаватели усердно напираютъ на второстепенные факты вмѣсто главныхъ. Они не подозрѣваютъ огромнаго значенія того самопроизвольнаго воспитанія, которое происходитъ въ самыхъ раннихъ годахъ; они не замѣчаютъ того факта, что вмѣсто того чтобы не видѣть или отвергать неутомимую наблюдательность ребенка, ей слѣдуетъ споспѣшествовать и дѣлать ее наивозможно точною и полною; они стараются занимать глаза и мысли дѣтей предметами, которые имъ непонятны и противны. Проникнутые предубѣжденіемъ, которое чтитъ символъ знанія вмѣсто самаго знанія, они не видятъ, что только достаточно ознакомившись съ предметами и процессами, встрѣчающимися дома, на улицахъ и въ поляхъ — ребенокъ можетъ прибѣгнуть къ новымъ источникамъ знанія, которые представляются книгами, и это не только потому, что непосредственное познаніе гораздо цѣннѣе посредственнаго, но также и потому, что самое содержаніе книгъ можетъ быть правильно понято только соразмѣрно предварительному знакомству съ предметами. Замѣтьте далѣе, что это формальное преподаваніе, начинающееся слишкомъ рано, ведется почти безъ всякаго отношенія къ законамъ умственнаго развитія. Интеллектуаль-

ный прогрессъ необходимо идетъ отъ конкретнаго къ отвлеченному. Но не смотря на это, въ высшей степени отвлеченные предметы, какъ напр. грамматика, вмѣсто того чтобы изучаться какъ можно позже, преподаются напротивъ очень рано. Политическая географія, мертвая и неинтересная для ребенка, которая должна составлять принадлежность соціологическаго изученія, преподается также слишкомъ рано, между тѣмъ какъ физическая географія, понятная и сравнитеьно занимательная для него, большею частью выпускается. Преподаваніе почти всѣхъ предметовъ идетъ неправильнымъ порядкомъ опредѣленія: правила и принципы стоятъ на первомъ планѣ, вмѣсто того чтобы раскрывать ихъ чрезъ изученіе явленій, какъ это дѣлается въ порядкѣ природы. И такимъ образомъ, въ цѣломъ, эта превратная система рутиннаго обученія приноситъ духъ въ жертву буквѣ. Посмотрите же на результаты. Частью вслѣдствіе того, что понятія неестественно притупляются раннимъ насиліемъ и засаживаніемъ за книги; частью вслѣдствіе безпорядочнаго мышленія, причиненнаго изученіемъ предметовъ прежде чѣмъ они могутъ быть понимаемы и представленіемъ обобщеній прежде фактовъ, изъ которыхъ они выводятся; частью

вслѣдствіе того, что учениковъ заставляютъ пассивно воспринимать чужія мысли и нисколько не направляютъ ихъ на самостоятельное изслѣдованіе и самообученіе, наконецъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія способностей—весьма немногіе обладаютъ тою силою ума, какою могли бы обладать. Тотчасъ по окончаніи экзаменовъ книги бросаются въ сторону; большая часть знаній, пріобрѣтенныхъ въ безпорядкѣ, ускользаетъ изъ памяти, остальныя находятся въ бездѣйствіи, такъ какъ умѣнья примѣнять знанія не пріобрѣтено, а способность точнаго наблюденія и независимаго мышленія весьма ничтожна. Ко всему этому прибавьте, что большинство добытыхъ свѣдѣній относительно маловажны, между тѣмъ какъ цѣлая масса свѣдѣній наиболѣе цѣнныхъ оставлена безъ вниманія.

Такимъ образомъ мы открываемъ тѣ факты, которые могли быть выведены à priori, т. е. что воспитаніе дѣтей физическое, нравственное и умственное — крайне неудовлетворительно. Происходитъ же это главнѣйше потому, что родители лишены того знанія, которое одно только можетъ руководить воспитаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего можно ожидать, когда за одну изъ самыхъ сложныхъ задачъ бе-

рутся тѣ, которые едва ли когда нибудь думали о принципахъ, отъ которыхъ зависитъ ея разрѣшеніе? Сапожное мастерство, постройка домовъ, управленіе кораблемъ или локомотивомъ требуютъ продолжительнаго ученія, и неужели процессъ физическаго и умственнаго развитія человѣческаго существа сравнительно такъ простъ, что всякій безъ малѣйшей подготовки можетъ слѣдить за нимъ и управлять имъ? Если же это не такъ, если этотъ процессъ, за однимъ исключеніемъ, самый сложный въ природѣ и задача руководить имъ одна изъ самыхъ трудныхъ, то не безуміе ли браться за нее безъ всякаго приготовленія? Лучше пожертвовать внѣшними дарованіями, чѣмъ пренебречь этимъ, самымъ существеннымъ отдѣломъ воспитанія. Отецъ, который, дѣйствуя по ложнымъ правиламъ, принятымъ безъ провѣрки, довелъ своихъ сыновей до того, что они стали чуждаться его, своимъ жесткимъ обращеніемъ возмутилъ ихъ противъ себя, погубилъ ихъ и самъ сдѣлался несчастнымъ, могъ бы разсудить, что изучить этологію было бы выгодно, еслибы даже вслѣдствіе этого ему пришлось ничего не знать объ Эсхилѣ. Когда мать оплакиваетъ своего первенца, умершаго отъ скарлатины, когда мо-

жетъ быть чистосердечный докторъ подтвердилъ ея подозрѣніе, что ребенокъ выздоровѣлъ бы, если бы организмъ его не былъ ослабленъ излишнимъ ученіемъ, когда эта мать приходитъ въ отчаяніе отъ горя и угрызенія совѣсти—не большое утѣшеніе для нея что она можетъ читать Данта въ оригиналѣ.

И такъ мы видимъ, что для управленія третьимъ крупнымъ отдѣломъ человѣческой дѣятельности требуется только знаніе законовъ жизни. Нѣкоторое знакомство съ основными принципами физіологіи и элементарными истинами психологіи необходимо для правильнаго воспитанія дѣтей. Мы не сомнѣваемся, что многіе улыбнутся, прочтя это утвержденіе. Имъ покажется нелѣпымъ ждать чтобы родители вообще стали заниматься изученіемъ такихъ темныхъ предметовъ. Правда, если бы мы требовали отъ всѣхъ отцовъ и матерей обширныхъ свѣдѣній въ этихъ предметахъ, тогда дѣйствительно это могло бы казаться нелѣпымъ. Но объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Достаточно было бы общихъ принциповъ въ соединеніи съ поясненіями, необходимыми для пониманія ихъ, этому они могли бы научиться если не раціональнымъ, то догматическимъ путемъ. Какъ бы тамъ ни было, но слѣдующіе факты неоспори-

мы: духовное и тѣлесное развитіе ребенка подчиняется извѣстнымъ законамъ; если родители не сообразуются съ этими законами хоть въ нѣкоторой степени,—смерть ребенка неизбѣжна; сообразуясь съ ними въ большей степени, родители тѣмъ самымъ избавляютъ своихъ дѣтей отъ серьезныхъ физическихъ и умственныхъ недостатковъ, и только при полномъ согласованіи этихъ законовъ возможно достиженіе совершенной зрѣлости. Посудите теперь, не должны ли всѣ тѣ, которые надѣятся быть родителями, стараться узнать каковы эти законы.

Отъ родительскихъ обязанностей перейдемъ къ обязанностямъ гражданина. Мы должны при этомъ спросить себя: какое знаніе приготовляетъ человѣка къ отправленію этихъ обязанностей. Нельзя сказать, чтобы потребность знанія, приспособляющаго его къ этому, была въ совершенномъ пренебреженіи, такъ какъ въ наши школьные курсы входятъ такіе предметы, которые касаются, по крайней мѣрѣ номинально, политическихъ и соціальныхъ обязанностей. Изъ нихъ выдающееся мѣсто занимаетъ исторія.

Но, какъ мы уже замѣтили выше, свѣдѣнія, получаемыя обыкновенно подъ этою рубрикою, не имѣютъ почти никакой цѣны въ дѣлѣ

руководства. Почти ни одинъ изъ фактовъ, приводимыхъ въ нашихъ учебникахъ, и весьма немногіе изъ болѣе полныхъ сочиненій, предназначаемыхъ для взрослыхъ, уясняютъ дѣйствительные принципы политическихъ дѣлъ. Біографіи монарховъ (а дѣти не изучаютъ почти ничего другаго) не даютъ почти никакого понятія о наукѣ общества. Ознакомленіе съ придворными интригими, заговорами, похищеніями власти и тому подобными событіями, и съ личностями, принимавшими въ нихъ участіе, весьма мало изъясняютъ причины національнаго прогресса. Мы читаемъ о какомъ нибудь спорѣ за власть, который ведетъ къ правильной битвѣ; узнаемъ, что такъ и такъ назывались полководцы и ихъ главные подчиненные; что у каждаго изъ нихъ было столько-то тысячъ пѣхотинцевъ и кавалеріи и столько-то пушекъ; что они такъ-то распоряжались своими силами; что они маневрировали, нападали и отступали въ извѣстномъ порядкѣ; что въ такую-то часть дня они потерпѣли такія-то пораженія, а въ другую одержали такія-то побѣды; что во время одного особеннаго движенія пало нѣсколько главныхъ офицеровъ, между тѣмъ какъ во время другаго въ извѣстномъ полку убитыхъ было одинъ на десять; что послѣ всѣхъ

превратностей счастья въ сраженіи, побѣда одержана была тою или другою арміею, и что столько-то было убитыхъ съ каждой стороны и столько-то въ плѣну у побѣдителей. Скажите теперь, которая изъ всѣхъ этихъ подробностей можетъ вамъ уяснить ваше поведеніе какъ гражданина. Представьте даже себѣ, что вы внимательно прочитали не только „Пятнадцать рѣшительныхъ битвъ міра“, но и описанія всѣхъ другихъ битвъ, которыя упоминаются въ исторіи—на сколько разсудительнѣе будетъ ваше мнѣніе при слѣдующихъ выборахъ? — „Но это факты, интересные факты“, скажете вы. Правда, это факты (тѣ по крайней мѣрѣ, которые не вполнѣ или частью вымышлены), и для многихъ они могутъ быть интересны, но это никоимъ образомъ не доказываетъ, чтобы они были цѣнны. Фальшивое или извращенное мнѣніе часто придаетъ мнимую цѣнность такимъ вещамъ, которыя не имѣютъ почти никакой цѣны. Страстный охотникъ до тюльпановъ не уступитъ лучшую луковицу на вѣсъ золота. Другому человѣку повидимому болѣе всего желательно обладать безобразнымъ осколкомъ стараго китайскаго фарфора. Еще встрѣчаются люди, которые даютъ большія деньги за смертные остан-

ки знаменитыхъ убійцъ. Можно ли утверждать, что подобные вкусы должны служить мѣриломъ цѣнности предметовъ, которые удовлетворяютъ имъ. Если нѣтъ, то надо согласиться, что склонность къ извѣстному разряду историческихъ фактовъ не есть доказательство ихъ цѣнности, и что измѣрить ихъ цѣнность мы можемъ тѣмъ же способомъ, какимъ измѣряемъ цѣнность другихъ фактовъ, т. е. узнавъ какое именно можно сдѣлать изъ нихъ употребленіе. Если бы кто нибудь сказалъ вамъ, что кошка вашего сосѣда вчера окотилась, вы сказали бы, что свѣдѣніе это не имѣетъ никакого значенія. Хотя это и фактъ, но вы назвали бы его крайне безполезнымъ свѣдѣніемъ, которое никакимъ образомъ не можетъ повліять на ваши поступки, которое не можетъ пособить вамъ научиться жить полною жизнью. Примѣните это мѣрило къ большинству историческихъ фактовъ, и результаты получатся тѣ же самые: это факты, изъ которыхъ не можетъ быть выведено никакого значенія, это необразовательные факты, и слѣдовательно безполезные при опредѣленіи принциповъ поведенія, чему главнымъ образомъ должны служить факты. Читайте ихъ для развлеченія, если это вамъ нравится, но вовсе не полагайтесь, чтобъ они были поучительны.

То, что составляетъ собственно исторію, большею частью выпускается изъ сочиненій объ этомъ предметѣ. Только въ послѣдніе годы историки начали сообщать намъ въ значительномъ количествѣ дѣйствительно цѣнныя свѣдѣнія. Какъ въ прошедшія времена короли составляли все, а народъ ничего, такъ и въ исторіяхъ прошедшихъ временъ дѣянія королей наполняютъ всю картину, въ которой національная жизнь составляетъ только темный фонъ. Только теперь, когда благосостояніе націй, а не правителей сдѣлалось предметомъ общаго вниманія, историки стали заниматься явленіями соціальнаго прогресса. Предметъ, который дѣйствительно намъ слѣдуетъ знать, есть „естественная исторія общества". Намъ нужны тѣ факты, которые помогли бы намъ понять какъ развилась и организовалась нація. Дайте намъ описаніе ея правленія, но какъ можно менѣе пустыхъ подробностей о людяхъ, завѣдывавшихъ имъ, и какъ можно болѣе подробностей объ устройствѣ, принципахъ, методахъ, предразсудкахъ, вредѣ, и т. д., представляемыхъ этимъ правленіемъ: приэтомъ мы хотимъ знать сущность и дѣйствія не только центральнаго правленія, но и мѣстныхъ правленій, до самыхъ мельчайшихъ подраздѣле-

ній ихъ. Дайте намъ также описаніе духовнаго правленія—его организаціи, образа дѣйствій, его могущества и его отношеній къ государству, а также обрядовъ, вѣроисповѣданія и религіозныхъ идей, и не только тѣхъ, въ которые вѣровали только номинально, но и тѣхъ въ которые дѣйствительно вѣровали и сообразно съ которыми поступали. Познакомьте насъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ вліяніемъ одного класса на другой, какъ оно выражалось въ общественныхъ приличіяхъ, наименованіяхъ, привѣтствіяхъ и формахъ обращенія. Познакомьте насъ также со всѣми другими обычаями управлявшими народною жизнью дома и внѣ дома, включая сюда отношенія половъ и отношенія родителей къ дѣтямъ. Также должны быть указаны суевѣрія, начиная съ самыхъ крупныхъ миѳовъ и до мелкихъ общихъ предразсудковъ. Затѣмъ должно слѣдовать изложеніе промышленной системы, которое показало бы до какихъ размѣровъ доходило раздѣленіе труда; какъ распредѣлялись ремесла: по кастамъ, гильдіямъ или иначе; каковы были отношенія между хозяиномъ и наемникомъ, каковы были средства распредѣленія товаровъ, каковы были средства сообщенія, какія деньги были въ обращеніи. Вмѣстѣ съ этимъ должны быть

представлены промышленныя искусства, разсматриваемыя съ технической точки зрѣнія, и опредѣлено какія производства были въ ходу и каковы были качества произведеній. Далѣе, должно быть очерчено умственное состояніе націи въ его различныхъ степеняхъ, и не только по отношенію къ способу и результатамъ воспитанія, но и по отношенію прогресса въ наукахъ и преобладающаго способа мышленія; также и эстетическая культура, какъ она выразилась въ архитектурѣ, скульптурѣ, рисованіи, одеждѣ, музыкѣ, поэзіи и вымыслахъ. Не слѣдуетъ тоже пропускать очерка повседневной народной жизни—ихъ пищи, жилищъ и увеселеній. И наконецъ, чтобы связать все это, должна быть изображена теоретическая и практическая нравственность всѣхъ классовъ, какъ она проявляется въ законахъ, привычкахъ, поговоркахъ и поступкахъ. Факты эти, изложенные съ такою краткостью, какую могутъ допустить ясность и точность, должны быть сгруппированы и распредѣлены такимъ образомъ, чтобы они могли быть поняты въ ихъ совокупности и разсматриваемы, какъ взаимно подчиненныя части одного большаго цѣлаго. Главная цѣль при такомъ изображеніи фактовъ, должна состоять въ томъ, чтобы люди тотчасъ

могли замѣтить связь существующую между событіями, и изучить какія соціальныя явленія сосуществуютъ съ другими. Соотвѣтствующія же описанія послѣдовательныхъ вѣковъ должны показывать какъ принималось каждое вѣрованіе, учрежденіе, привычки и порядокъ, и какъ предшествующее устройство и функціи перешли въ согласіе съ послѣдующимъ. Только такого рода свѣдѣнія относительно прошедшихъ временъ могутъ послужить гражданину для руководства въ его поступкахъ, и единственная исторія, имѣющая практическую цѣнность, есть та, которую можно бы назвать „Описательною Соціологіею". Высшая заслуга историка состоитъ въ такомъ повѣствованіи жизни націй, которое представляло бы матеріалы для сравнительной соціологіи и для послѣдующаго опредѣленія конечныхъ законовъ, обусловливающихъ явленія общественной жизни во всѣхъ ея фазисахъ.

Притомъ замѣтимъ, что предположивъ даже достаточный запасъ этихъ дѣйствительно цѣнныхъ историческихъ знаній, они все таки принесутъ сравнительно небольшую пользу безъ ключа къ тому. Ключъ же этотъ можетъ быть найденъ только въ наукѣ. При отсутствіи біологическихъ и психологическихъ обобщеній невоз-

ножно разумное толкованіе явленій соціальныхъ. Только по мѣрѣ того какъ люди пріобрѣтаютъ извѣстныя первоначальныя эмпирическія понятія о человѣческой природѣ, они становятся способными понимать даже самые простые факты соціальной жизни, каково, напримѣръ, отношеніе между предложеніемъ и спросомъ. А такъ какъ самыя элементарныя соціологическія истины не могутъ быть постигнуты безъ нѣкотораго знанія о томъ, какъ люди вообще думаютъ, чувствуютъ и поступаютъ въ данныхъ обстоятельствахъ, то и обширное пониманіе соціологіи, очевидно, не можетъ быть постигнуто иначе какъ при посредствѣ надлежащаго ознакомленія со всѣми человѣческими способностями, физическими и умственными. Разберите этотъ предметъ отвлеченно, и сдѣланный выводъ будетъ очевиденъ самъ собою. Итакъ, общество состоитъ изъ индивидуумовъ, всѣ дѣйствія общества суть совокупныя дѣйствія индивидуумовъ, и слѣдовательно только въ индивидуальныхъ дѣйствіяхъ можетъ быть найдено рѣшеніе соціальныхъ явленій. Но дѣйствія индивидуумовъ зависятъ отъ законовъ ихъ природы, и могутъ быть поняты только тогда, когда понятны эти законы. Законы же эти, если привести ихъ къ ихъ про-

стѣйшему выраженію, оказываются выводами изъ законовъ тѣла и духа вообще. Слѣдовательно, біологія и психологія необходимы какъ толкователи соціологіи, или, чтобы упростить еще болѣе заключеніе:—всѣ соціальныя явленія суть явленія жизни, болѣе сложныя ея проявленія, и могутъ быть поняты только послѣ того, какъ поняты самые законы жизни. Итакъ, въ управленіи этимъ четвертымъ отдѣломъ человѣческой дѣятельности, мы, какъ и прежде, находимся въ зависимости отъ науки. Изъ свѣдѣній, которыя сообщаются обыкновенно воспитательными курсами, весьма немногія служатъ указаніемъ человѣку какъ онъ долженъ вести себя какъ гражданинъ. Только незначительная часть исторіи, которую онъ проходитъ, имѣетъ практическое значеніе; но онъ не настолько подготовленъ чтобы эту часть примѣнить надлежащимъ образомъ. Ему не только недостаетъ матеріаловъ для описательной соціологіи, онъ даже не имѣетъ понятія о ней; сверхъ того ему недостаетъ тѣхъ обобщеній органическихъ наукъ, безъ которыхъ и описательная соціологія можетъ оказать ему лишь небольшую помощь.

Наконецъ мы приходимъ къ послѣднему отдѣлу человѣческой жизни, обнимающему от-

дохновенія и увеселенія, наполняющія свободные часы. Разсмотрѣвъ, какое воспитаніе наиболѣе приспособляетъ къ самосохраненію, къ пріобрѣтенію средствъ къ жизни, къ выполненію родительскихъ обязанностей и къ регулированію соціальнаго и политическаго образа дѣйствій, намъ остается разсмотрѣть, какое воспитаніе лучше приспособляетъ къ достиженію различныхъ иныхъ цѣлей — къ наслажденію природой, литературой и изящными искусствами во всѣхъ ихъ формахъ. Такъ какъ мы упоминаемъ о нихъ послѣ предметовъ, которые болѣе жизненно касаются человѣческаго благосостоянія, и такъ какъ мы подводимъ каждый предметъ подъ мѣру дѣйствительной цѣнности, то могутъ заключить, что мы склонны пренебречь этими менѣе существенными вещами. Но такое заключеніе было бы въ высшей степени ошибочно. Мы не менѣе другихъ признаемъ цѣнность эстетической культуры и ея удовольствій. Безъ живописи, скульптуры, музыки, поэзіи и ощущеній, вызываемыхъ всякаго рода естественною красотою, жизнь утратила бы половину своей прелести. Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы считать развитіе и удовлетвореніе вкусовъ маловажными, и полагаемъ, что въ будущемъ они примутъ

большее участіе въ человѣческой жизни, чѣмъ теперь. Когда силы природы будутъ вполнѣ порабощены человѣческому употребленію, способы производствъ доведены до совершенства, трудъ въ высшей степени экономизированъ, воспитаніе приведено въ такую систему, что приготовленіе къ самой существенной дѣятельности будетъ производиться съ сравнительною быстротою, и когда, слѣдовательно, будетъ болѣе свободнаго времени, тогда прекрасное въ искусствѣ и природѣ справедливо займетъ обширное мѣсто въ умахъ всѣхъ.

Но признавать эстетическую культуру какъ сильно способствующею человѣческому счастью, не значитъ считать ее основною потребностью человѣческаго благосостоянія. Какъ бы она ни была важна, она должна уступить первенство тѣмъ предметамъ, которые прямо касаются повседневныхъ обязанностей. Какъ уже было замѣчено, литература и изящныя искусства становятся возможными при посредствѣ тѣхъ фактовъ, которые дѣлаютъ возможнымъ индивидуальную и соціальную жизнь, и очевидно, что то, что становится возможнымъ, должно стоять ниже того, что дѣлаетъ его возможнымъ. Любитель цвѣтовъ ухаживаетъ за растеніемъ ради его цвѣтовъ, и считаетъ корни и листья цѣнными

главнымъ образомъ потому, что они суть средства произведенія цвѣтовъ: и если цвѣтокъ, какъ окончательный продуктъ, есть предметъ, которому подчинено все другое, любитель цвѣтовъ знаетъ, что корень и листья, въ сущности, имѣютъ большую важность, потому что отъ нихъ зависитъ развитіе цвѣтка. Онъ прилагаетъ всѣ старанія, что бы вывести здоровое растеніе: и знаетъ, что было бы нелѣпо, еслибы онъ при своемъ сильномъ желаніи получить цвѣтокъ пренебрегалъ самымъ растеніемъ. Такъ и въ разбираемомъ нами случаѣ. Архитектура, скульптура, живопись, музыка и поэзія справедливо могутъ быть названы цвѣтомъ цивилизованной жизни. Но предположивъ даже, что цѣнность ихъ такъ велика, что имъ подчиняется цивилизованная жизнь, которая ихъ производитъ (что едва ли возможно утверждать), и тогда должно признать, что развитіе здоровой цивилизованной жизни должно прежде всего обратить на себя вниманіе и что предметы, способствующіе этому, должны занимать самое высокое мѣсто.

Тутъ мы видимъ всего яснѣе недостатокъ нашей воспитательной системы. Она пренебрегаетъ растеніемъ ради цвѣтка. Стремясь къ изящному, она забываетъ сущность. Между

тѣмъ какъ она не даетъ никакихъ знаній, ведущихъ къ самосохраненію, изъ тѣхъ же предметовъ, которые облегчаютъ снискиваніе пропитанія, она преподаетъ только начальныя правила, а большую часть приходится добывать какъ нибудь въ послѣдующей жизни; между тѣмъ какъ къ выполненію родительскихъ обязанностей она не даетъ ни малѣйшей подготовки, а къ обязанностямъ гражданина приготовляетъ сообщая лишь массу фактовъ, изъ которыхъ большая часть непримѣнима, остальные же вовсе безъ ключа къ ихъ уразумѣнію,—она, эта система, заботливо преподаетъ все то, что ведетъ къ утонченности, лоску, блеску. Хотя бы мы и согласились, что обширное знакомство съ новѣйшими языками есть цѣнное качество, которое, посредствомъ чтенія, разговора и путешествій ведетъ къ нѣкоторому усовершенствованію, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы подобные результаты достигались въ ущербъ жизненно важныхъ знаній, которыя приносятся въ жертву. Положимъ справедливо, что классическое образованіе ведетъ къ изящности и правильности слога; но нельзя сказать, чтобы эта изящность и правильность могли равняться въ важности съ усвоеніемъ принциповъ, руководящихъ воспитаніемъ дѣтей. Допустимъ,

что вкусъ можетъ совершенствоваться чтеніемъ поэтическихъ произведеній, писанныхъ на языкахъ вымершихъ, изъ этого нельзя однако заключить, чтобы усовершенствованіе вкуса имѣло одинаковую цѣнность съ знаніемъ законовъ здоровья. Внѣшнія дарованія, изящныя искусства, беллетристика и всѣ тѣ предметы, которые, какъ мы сказали, составляютъ цвѣтъ цивилизаціи, будутъ вполнѣ подчинены тому обученію и той дисциплинѣ, на которыя опирается цивилизація, *и какъ они занимаютъ свободную часть жизни, такъ будутъ занимать свободную часть воспитанія.*

Указавъ надлежащее мѣсто эстетики, и доказавъ, что хотя бы она и составляла часть воспитанія съ самаго его начала, тѣмъ не менѣе эта часть была бы только вспомогательною намъ остается выяснить какое знаніе болѣе всего соотвѣтствуетъ этой цѣли, иначе говоря какое изъ нихъ лучше приспособляетъ къ этой остальной сферѣ дѣятельности? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать также какъ и прежде, и какъ бы ни было неожиданно такое утвержденіе, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что высшія искусства основываются на строгой наукѣ, что безъ науки не можетъ быть ни совершеннаго произведенія, ни полной оцѣнки. Можетъ

быть многіе знаменитые артисты и не обладаютъ наукою въ томъ конкретномъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно понимаютъ въ обществѣ; но такъ какъ подобные артисты въ тоже время и проницательные наблюдатели, то они, всегда обладаютъ запасомъ тѣхъ эмпирическихъ обобщеній, которыя составляютъ низшій фазисъ науки, и если они обыкновенно далеко не достигаютъ совершенства, то отчасти потому, что обобщеній этихъ имѣютъ сравнительно немного, да и тѣ неточны. Что изящныя искусства необходимо опираются на науку, дѣлается очевиднымъ à priori, если вспомнить, что всѣ произведенія искусства болѣе или менѣе воспроизводятъ объективныя и субъективныя явленія, что они хороши только соразмѣрно тому, на сколько они согласуются съ законами этихъ явленій, для чего артистамъ слѣдуетъ знать эти законы. Впрочемъ, мы скоро увидимъ, что это апріористическое заключеніе оправдывается опытомъ.

Юноши, которые приготовляются къ занятію скульптурою должны сперва ознакомиться съ остеологіею и мускулатурою человѣческаго строенія, расположеніемъ, прикрѣпленіемъ и движеніями мышцъ. Это часть науки, и изучить ее прежде всего необходимо для предупрежденія тѣхъ ошибокъ, которыя дѣлаются скульптора-

ми незнакомыми съ нею. Знаніе механическихъ принциповъ также необходимо, и вслѣдствіе того, что не всегда обладаютъ подобнымъ знаніемъ, часто происходятъ значительные механическіе промахи. Приведемъ примѣръ. Для устойчивости какой нибудь фигуры, необходимо чтобы перпендикуляръ, проведенный отъ центра тяжести, такъ называемая „линія направленія", проходилъ чрезъ основаніе опоры; потому, когда человѣкъ принимаетъ положеніе, называемое „покойнымъ", при которомъ одна нога стоитъ совершенно прямо, а другая свободна, то линія направленія упадетъ въ основаніе выпрямленной ноги. Но скульпторы, незнакомые съ теоріею равновѣсія, не рѣдко представляютъ это положеніе такъ, что линія направленія падаетъ въ средину между обѣими ногами. Незнаніе закона движенія тѣлъ ведетъ къ подобнымъ же ошибкамъ: свидѣтелемъ можетъ служитъ знаменитый Дискоболъ, который такъ поставленъ, что долженъ упасть впередъ въ тотъ самый моментъ какъ освободится дискъ.

Въ живописи необходимость научныхъ свѣдѣній, эмпирическихъ или раціональныхъ, еще очевиднѣе. Что придаетъ смѣшной видъ живописи китайцевъ, какъ не ихъ невниманіе къ законамъ угла зрѣнія, ихъ нелѣпая линѣйная

перспектива и недостатокъ перспективы воздушной? Почему такъ невѣрны рисунки ребенка, какъ не вслѣдствіе отсутствія сообразности, происходящей главнымъ образомъ отъ незнанія того, какъ измѣняется видъ предметовъ сообразно условіямъ? Вспомните книги и лекціи, по которымъ обучается юношество, просмотрите критику Рёскина, обратите вниманіе на дѣла до-рафаэлитовъ, и вы увидите, что прогрессъ въ живописи подразумѣваетъ увеличеніе знаній явленій природы. Самое внимательное наблюденіе безъ помощи науки не можетъ предотвратить заблужденій. Каждый живописецъ подтвердитъ, что если не знать, какими предметы должны казаться намъ при данныхъ условіяхъ, то они могутъ быть и незамѣченными; а знать условный видъ предметовъ значитъ понимать науку мнимыхъ и дѣйствительныхъ представленій. Отъ недостатка науки, Дж. Льюисъ, весьма усердный живописецъ, изображаетъ тѣнь отъ рѣшетчатаго окна на противоположной стѣнѣ рѣзко очерченными линіями, чего бы онъ не сдѣлалъ, если бы былъ знакомъ съ явленіями полутѣни. Вслѣдствіе невѣжества, Розетти, замѣтивъ особенное радужное окрашиваніе щетинистыхъ поверхностей при особомъ освѣщеніи (окраши-

ваніе, происходящее отъ преломленія лучей при прохожденіи чрезъ щетинки), впадаетъ въ ошибку, представляя это окрашивиніе на такихъ поверхностяхъ и при такихъ условіяхъ, когда этого и быть не можетъ.

Сказавъ, что музыка также требуетъ научной поддержки, мы возбудимъ еще болѣе удивленія. Однако можно доказать, что музыка есть только идеализація естественнаго языка душевныхъ движеній, и что поэтому музыка можетъ быть хороша или дурна смотря по тому насколько она соотвѣтствуетъ законамъ этого естественнаго языка. Разнообразныя измѣненія голоса, сопровождающія ощущенія, различныя по роду и силѣ, суть источники, изъ которыхъ развилась музыка. Мы имѣемъ доказательства, что эти измѣненія и размѣры не случайны или произвольны, но что они опредѣляются извѣстными общими принципами жизненныхъ дѣйствій, отъ которыхъ зависитъ и выразительность ихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что и музыкальная рѣчь, или мелодія, построенная на нихъ, можетъ быть дѣйствительна только въ томъ случаѣ, если находится въ гармоніи съ этими общими принципами. Трудно было бы изъяснить это положеніе надлежащимъ образомъ, но можетъ быть достаточно будетъ при-

вести въ примѣръ то сборище никуда не годныхъ балладъ, которыми надоѣдаютъ въ гостиныхъ и которыя не были бы допущены наукою. Онѣ грѣшатъ противъ науки переложеніемъ на музыку такихъ идей, которыя не могутъ причинить сильныхъ душевныхъ движеній и потому не могутъ внушить музыкальнаго выраженія; онѣ грѣшатъ противъ науки также тѣмъ, что употребляютъ такія музыкальныя фразы, которыя не имѣютъ никакого естественнаго отношенія къ выражаемымъ идеямъ, даже когда эти послѣднія и вызываютъ волненія. Онѣ дурны потому, что онѣ неистинны, другими словами—ненаучны.

Въ поэзіи замѣчается тоже самое. Подобно музыкѣ, поэзія имѣетъ своимъ основаніемъ естественные способы выраженій, вызываемые глубокими чувствованіями. Ея риѳмы, сильныя и многочисленныя метафоры, гиперболы и произвольная перестановка словъ суть преувеличенныя характеристическія особенности возбужденной рѣчи. Чтобы быть хорошею, поэзія должна обращать вниманіе на тѣ законы нервнаго дѣйствія, которымъ повинуется возбужденная рѣчь. Преувеличивая и комбинируя особенности возбужденной рѣчи, она должна обращать должное вниманіе на соразмѣрность,

не должна пользоваться своими средствами безъ ограниченія; когда идеи способны производить меньшее волненіе, то и формы поэтическаго выраженія должны быть умѣреннѣе, онѣ должны усиливаться по мѣрѣ увеличенія волненія, и достигать своего апогея только тогда, когда душевныя движенія въ высшей степени сильны. Результатомъ полнаго нарушенія этихъ правилъ является напыщенность слога или плохіе стихи. Недостаточное вниманіе къ нимъ замѣтно въ дидактической поэзіи, и отсутствіе художественности во множествѣ поэтическихъ произведеній происходитъ оттого, что рѣдко вполнѣ слѣдуютъ этимъ правиламъ.

Художникъ, какого бы то ни было рода, чтобы произвести истинное твореніе долженъ не только понимать законы представляемыхъ имъ явленій, но долженъ также знать какъ подѣйствуютъ особенности его произведенія на умы зрителей или слушателей, что составляетъ психологическій вопросъ. Впечатлѣніе, производимое какимъ нибудь художественнымъ произведеніемъ, очевидно зависитъ отъ умственныхъ свойствъ тѣхъ, которымъ оно представляется; а такъ какъ всѣ умственныя свойства имѣютъ нѣкоторыя общія характеристическія особенности, то должны быть и извѣстные соот-

вѣтственные общіе принципы, на основаніи которыхъ только и могутъ успѣшно созидаться всѣ художественныя произведенія. Эти общіе принципы могутъ быть вполнѣ поняты и примѣнены только въ томъ случаѣ, если артистъ видитъ какъ они вытекаютъ изъ законовъ духа. Спрашивать—хороша ли картина, въ дѣйствительности значитъ спрашивать какое впечатлѣніе она произвела на умъ и чувства наблюдателей. Спрашивать—хороша ли такая-то драма, значитъ спрашивать соблюдены ли въ ней тѣ условія, которыя необходимы для того, чтобы возбудить вниманіе слушателей и не слишкомъ обременить какой нибудь одинъ разрядъ чувствъ. Точно также и при составленіи главныхъ отдѣловъ поэмы или вымысла и при сопоставленіи словъ простой рѣчи хорошее впечатлѣніе зависитъ отъ искусства, съ которымъ сберегаются умственныя силы и чувствительность читателя. Каждый художникъ во время своего воспитанія и послѣдующей жизни накопляетъ запасъ правилъ, которыя руководятъ его дѣятельностью. Прослѣдите эти правила до ихъ источника, и они неизбѣжно приведутъ васъ къ психологическимъ принципамъ: только когда артистъ понимаетъ эти принципы и ихъ разнообразные выводы, можетъ онъ работать въ согласіи съ ними.

Разумѣется, мы нисколько не полагаемъ, что именно и только одна наука дѣлаетъ артиста. Когда мы утверждаемъ, что главные законы объективныхъ и субъективныхъ явленій должны быть понимаемы художникомъ, то мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что знакомство съ подобными законами можетъ измѣнить природное дарованіе. Не только поэтъ, но и всякій другой артистъ—не дѣлаются, а раждаются. Мы утверждаемъ лишь, что врожденная способность не можетъ обойтись безъ помощи систематическаго знанія. Умственное воззрѣніе можетъ сдѣлать многое, но не все, и только при сочетаніи генія съ наукою могутъ быть достигнуты высшіе результаты.

Какъ мы уже утверждали выше, наука необходима не только для успѣшнаго произведенія, но и для полной оцѣнки изящныхъ искусствъ. Дѣйствительно, въ чемъ заключается бо̀льшая способность взрослаго, чѣмъ ребенка, замѣчать красоты картины: не въ болѣе ли обширномъ пониманіи тѣхъ истинъ природы и жизни, которыя изображаются картиною? Почему образованный человѣкъ болѣе наслаждается прекрасною поэмою, чѣмъ необразованный: не вслѣдствіе ли того, что лучшее знакомство съ предметами и дѣйствіями дѣлаетъ

для него замѣтнымъ многое, чего не можетъ замѣтить необразованный? И такъ какъ теперь очевидно, что изображеніе можетъ быть оцѣнено только при нѣкоторомъ знакомствѣ съ изображаемымъ предметомъ, слѣдовательно для совершенной оцѣнки изображенія необходимо совершенное знакомство съ изображаемымъ предметомъ. Неопровержимо то, что каждая лишняя истина, выражаемая произведеніемъ искусства, доставляетъ и большее удовольствіе воспринимающему уму, удовольствіе, которое не испытывается тѣми, кто незнакомъ съ этою истиною. Чѣмъ бо̀льшую сумму истинъ воспроизводитъ художникъ, тѣмъ большему количеству способностей онъ удовлетворяетъ, тѣмъ больше внушаетъ идей и тѣмъ большее доставляетъ наслажденіе. Но чтобы испытывать это наслажденіе, зрителю, слушателю или читателю необходимо знаніе тѣхъ истинъ, которыя выражаетъ художникъ, иначе нужна наука.

Далѣе, не забудемъ тотъ великій фактъ, что наука не только служитъ опорою скульптуры, живописи, музыки и поэзіи, но что и сама по себѣ наука поэтична. Всѣми принятое мнѣніе, что наука и поэзія противоположны, есть заблужденіе. Безъ сомнѣнія справедливо, что какъ

состоянія духа, знаніе и душевныя движенія стремятся исключить одно другое; также несомнѣнно справедливо и то, что чрезвычайная дѣятельность мыслительныхъ способностей стремится заглушить чувства; и на оборотъ — чрезмѣрная дѣятельность чувствъ стремится ослабить мыслительныя способности: въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, оба рода дѣятельности находятся въ антагонизмѣ между собою. Но несправедливо, чтобы научныя истины были непоэтичны, или что развитіе науки необходимо враждебно развитію воображенія и любви къ прекрасному. Напротивъ, наука открываетъ царства поэзіи тамъ, гдѣ для неученаго все безцвѣтно. Люди, занимающіеся научными изслѣдованіями, постоянно доказываютъ намъ, что они не менѣе, но еще болѣе живо чѣмъ другіе осуществляютъ поэзію своихъ предметовъ. Кто захочетъ просмотрѣть геологическія сочиненія Гуго Миллера или прочесть „Этюды на берегу моря“ Льюиса, тотъ увидитъ, что наука скорѣе поощряетъ поэзію, чѣмъ заглушаетъ ее. А кто прослѣдитъ жизнь Гёте, тотъ долженъ увидѣть, что поэтъ и человѣкъ науки могутъ сосуществовать въ одинаковой силѣ. Не нелѣпо ли и не преступно ли мнѣніе, что чѣмъ болѣе человѣкъ изучаетъ

природу, тѣмъ менѣе онъ почитаетъ ее? Думаете ли вы, что капля воды, которая въ глазахъ неуча есть только капля воды, утратитъ что нибудь въ глазахъ физика, который знаетъ, что составныя части ея удерживаются вмѣстѣ силою, которая, если ее внезапно освободить, произведетъ молнію? Думаете ли вы, что тò, что непросвѣщенный беззаботно разсматриваетъ какъ простой хлопокъ снѣга, не внушитъ высшаго понятія тому, кто разглядѣлъ чрезъ микроскопъ дивно-разнообразныя изящныя формы снѣжныхъ кристалловъ? Думаете ли вы, что округленная скала, покрытая параллельными царапинами, возбудитъ въ невѣжественномъ умѣ столько же поэзіи какъ и въ умѣ геолога, который знаетъ, что милліонъ лѣтъ тому назадъ по этой скалѣ скользилъ ледникъ? Вѣрно то, что тотъ, кто никогда не занимался наукою, остается слѣпымъ къ большей части окружающихъ его поэтическихъ красотъ. Кто въ юности не собиралъ растеній и насѣкомыхъ, тотъ и въ половину не знаетъ того интереса, какой могутъ представлять узкія тропинки и живыя изгороди. Кто не искалъ ископаемыхъ, имѣетъ небольшое понятіе о той поэзіи, которая окружаетъ мѣстности, гдѣ скрываются находимыя сокровища. Кто на берегу моря не имѣлъ при

себѣ микроскопа и акварія, тотъ не знаетъ еще сколько удовольствія могутъ доставить берега морскіе. Грустно, право, видѣть какъ много людей занимаются пустяками и остаются равнодушными къ самымъ величественнымъ явленіямъ, не стараются узнать напр. архитектуру неба, а глубоко заинтересованы какою нибудь жалкою полемикою по поводу интригъ Маріи, королевы Шотландской! Занимаются ученымъ разборомъ греческихъ одъ, и не обращаютъ никакого вниманія на величественную эпопею, написанную божественно юрукою на пластахъ земныхъ.

Итакъ, мы видимъ, что и для этого послѣдняго отдѣла человѣческой дѣятельности научное образованіе есть наилучшая подготовка. Мы видимъ, что эстетика необходимо основывается на научныхъ принципахъ, и что эстетическое образованіе можетъ имѣть успѣхъ только при знакомствѣ съ этими принципами. Мы видимъ, что для сужденія и надлежащей оцѣнки художественныхъ произведеній необходимо знаніе свойствъ предметовъ, другими словами—необходимы научныя свѣдѣнія. Кромѣ того мы нашли, что наука не только споспѣшествуетъ всѣмъ видамъ искусства и поэзіи, но при правильномъ взглядѣ на нее сама наука оказывается поэтичною.

До сихъ поръ мы разбирали цѣнность того или другаго знанія, какъ средства къ руководству. Намъ слѣдуетъ теперь разсмотрѣть относительную цѣнность различныхъ знаній въ отношеніи дисциплины. Эту часть нашего предмета намъ приходится обсудить сравнительно кратко; къ счастью, она и не требуетъ пространнаго обсужденія. Найдя, что̀ полезнѣе для одной цѣли, мы найдемъ чрезъ примѣненіе что̀ полезнѣе для другой. Мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что пріобрѣтеніе того разряда фактовъ, которые наиболѣе полезны для регулированія поступковъ, соединяетъ въ себѣ и умственное упражненіе, наиболѣе пригодное для укрѣпленія способностей. Было бы крайне противно превосходной экономіи природы, если бы для пріобрѣтенія познаній требовалось образованіе одного рода, а для умственнаго упражненія образованіе другаго рода. Повсюду, на всѣхъ существахъ мы видимъ, что способности развиваются чрезъ выполненіе тѣхъ функцій, къ которымъ они предназначены, а не чрезъ исполненіе искусственныхъ упражненій, придуманныхъ для приспособленія ихъ къ этимъ функціямъ. Постояннымъ преслѣдованіемъ животныхъ краснокожій индѣецъ пріобрѣтаетъ проворство и ловкость, которыя

дѣлаютъ его искуснымъ охотникомъ, съ помощью же разнообразной дѣятельности своей жизни онъ достигаетъ лучшаго равновѣсія физическихъ силъ, чѣмъ когда либо можетъ дать гимнастика. Искусство преслѣдовать непріятелей и добычу, до котораго доходитъ индѣецъ послѣ долгой практики, указываетъ на ту чуткость, которая превосходитъ все, что можетъ быть достигнуто искусственнымъ упражненіемъ. Тоже самое и во всѣхъ случаяхъ. Начиная отъ бушмена, глаза котораго достигаютъ чуть не силы телескопа отъ постояннаго употребленія ихъ на распознаваніе отдаленныхъ предметовъ, для преслѣдованія или избѣжанія ихъ, и кончая счетчикомъ, ежедневное упражненіе котораго дѣлаетъ его способнымъ складывать одновременно нѣсколько столбцовъ цифръ—мы видимъ подтвержденіе того, что высшее развитіе способности достигается чрезъ выполненіе тѣхъ требованій, которыя возлагаются условіями жизни. Мы можемъ быть увѣрены à priori, что тотъ же самый законъ приложимъ и къ воспитанію. Воспитаніе наиболѣе цѣнное для руководства должно быть въ то же время и наиболѣе цѣннымъ для умственнаго развитія. Приведемъ доказательства.

Въ защиту того уваженія къ изученію язы-

ковъ, которое составляетъ выдающуюся черту общепринятой системы, приводятъ обыкновенно что чрезъ это изощряется память. Полагаютъ, что преимущество это особенно свойственно изученію словъ. Въ дѣйствительности же науки представляютъ болѣе обширное поле для упражненія памяти. Не легко запомнить все относящееся до нашей солнечной системы; еще труднѣе запомнить все что извѣстно относительно млечнаго пути. Число составныхъ веществъ, увеличиваемое съ каждымъ днемъ химіею, такъ велико, что немногіе, исключая профессоровъ, могутъ исчислить ихъ, а помнить атомистическое строеніе и свойства всѣхъ этихъ составныхъ веществъ, не обративъ химію въ постоянное занятіе — едва ли возможно. Огромная масса явленій, представляемыхъ земною корою, и еще бо̀льшее количество явленій, представляемыхъ содержащимися въ ней ископаемыми, вотъ предметы, на изученіе которыхъ студентъ геологіи долженъ посвятить нѣсколько прилежныхъ лѣтъ. Всѣ главные отдѣлы физики—звукъ, теплота, свѣтъ, электричество—заключаютъ въ себѣ такое множество фактовъ, что желающій изучить всѣ ихъ легко можетъ быть приведенъ въ смущеніе. Обратившись къ органическимъ наукамъ,

мы видимъ, что необходимость усилій памяти еще болѣе увеличивается. Въ одной человѣческой анатоміи количество подробностей такъ велико, что молодой лѣкарь долженъ обыкновенно нѣсколько разъ повторить ихъ прежде чѣмъ запомнить навсегда. Число видовъ растеній различаемыхъ ботаниками доходитъ до 320.000, а разнообразныхъ формъ животной жизни, которою занимаются зоологи, насчитывается до 2.000,000. Накопленіе фактовъ, представляющееся людямъ науки, такъ обширно, что только раздѣляя и подраздѣляя свои труды они могутъ заниматься наукою. Къ подробному знанію своего собственнаго отдѣла каждый прибавляетъ только общія понятія изъ сродныхъ отдѣловъ, въ соединеніи, можетъ быть, съ элементарнымъ знакомствомъ съ нѣкоторыми другими. Такимъ образомъ, наука, разрабатываемая даже въ малыхъ размѣрахъ, доставляетъ достаточное упражненіе памяти. Можно по крайней мѣрѣ признать, что она настолько же развиваетъ эту способность, какъ и изученіе языковъ.

Между тѣмъ какъ для развитія обыкновенной памяти наука настолько же, если не болѣе, полезна, какъ и языки, она имѣетъ огромное преимущество въ томъ родѣ памяти, который она

изощряетъ. При изученіи языка, связь идей, которая должна утвердиться въ умѣ, соотвѣтствуетъ фактамъ, которые въ значительной степени случайны; при изученіи же науки связь идей, получаемая въ умѣ, соотвѣтствуетъ фактамъ, большею частью неизбѣжнымъ. Правда, отношенія словъ къ ихъ значенію въ нѣкоторомъ смыслѣ естественны; происхожденіе этихъ отношеній можетъ быть прослѣжено на извѣстномъ разстояніи, хотя рѣдко впрочемъ до самаго источника, и законы этого происхожденія составляютъ отрасль умственной науки—науки филологіи, однако никто не станетъ утверждать, что при принятомъ изученіи языковъ показываются эти естественныя отношенія между словами и ихъ значеніями и объясняются ихъ законы: надо согласиться, что обыкновенно отношенія эти изучаются какъ случайныя. Съ другой стороны, отношенія, представляемыя наукою, причинны, и при правильномъ преподаваніи такъ и понимаются. Изученіе языковъ ознакомляетъ съ нераціональными отношеніями, наука знакомитъ съ отношеніями раціональными, и если первое упражняетъ только память, вторая упражняетъ какъ память, такъ и разсудокъ.

Замѣтимъ далѣе, что большее преимущество

науки предъ языками, какъ дисциплинирующими средствами, состоитъ въ томъ, что она развиваетъ сужденіе. Такъ, въ своей лекціи объ умственномъ воспитаніи, читанной въ Royal Institution, профессоръ Фарадэй справедливо замѣтилъ, что самый общій недостатокъ въ отношеніи развитія собственно мыслительной способности — есть отсутствіе развитія сужденія. „Общество, говоря вообще", замѣчаетъ онъ, „не только невѣжественно въ отношеніи воспитанія сужденія, но оно даже и не замѣчаетъ своего невѣжества". Причина, которой онъ приписываетъ такое состояніе, есть недостатокъ научнаго образованія. Справедливость его заключенія очевидна. Правильность сужденія объ окружающихъ предметахъ, событіяхъ и обстоятельствахъ дѣлается возможною только чрезъ знаніе, въ какой зависимости окружающія явленія находятся одно отъ другаго. Никакое знакомство съ значеніями словъ не можетъ гарантировать правильнаго заключенія относительно причинъ и слѣдствій. Только привычка дѣлать выводы изъ положеній, и затѣмъ провѣрять эти выводы наблюденіемъ и опытомъ можетъ развить способность правильнаго сужденія. Въ томъ и состоитъ неизмѣримое преимущество науки, что она побуждаетъ къ этой привычкѣ.

Наука затѣмъ полезна не только для умственной, но и для *нравственной* дисциплины. Изученіе языковъ ведетъ, главнымъ образомъ, къ увеличенію и безъ того излишняго уваженія къ авторитету: таково-то значеніе такихъ-то словъ, говоритъ учитель или словарь; таково-то правило въ этомъ случаѣ, говоритъ грамматика.

Ученикъ принимаетъ всѣ эти предписанія за неоспоримыя. Обычное состояніе его ума есть подчиненіе догматическому ученію, неизбѣжнымъ результатомъ чего является стремленіе принимать безъ разбора все, что разъ установлено. Совершенно противоположное умственное направленіе получается при научномъ образованіи. Наука постоянно ссылается на индивидуальное сужденіе. Ея истины признаются не только по авторитету, но всѣ свободны провѣрять ихъ, во многихъ же случаяхъ отъ ученика требуется даже чтобы онъ дѣлалъ свои собственныя заключенія. Каждый шагъ научнаго изслѣдованія предлагается его обсужденію. Его не заставляютъ принимать то, что онъ самъ не признаетъ истиннымъ. Возникающая вслѣдствіе этого увѣренность въ своихъ силахъ увеличивается далѣе тѣмъ однообразіемъ, съ которымъ природа оправдываетъ его

выводы каждый разъ какъ они вѣрны. Изъ всѣхъ проистекающихъ отсюда качествъ эта независимость есть наиболѣе цѣнный элементъ въ характерѣ. Однако это не единственная нравственная выгода, приносимая научнымъ образованіемъ: если оно продолжается, какъ это должно бы быть всегда,—насколько возможно подъ видомъ самобытныхъ изслѣдованій, оно развиваетъ стойкость и искренность. Вотъ что говоритъ профессоръ Тиндаль объ индуктивномъ изслѣдованіи: „Оно требуетъ терпѣливаго труда и покорнаго и добросовѣстнаго принятія того, что открываетъ природа. Первое условіе успѣха состоитъ въ правильной воспріимчивости и въ готовности отказаться отъ всѣхъ прежде составленныхъ, хотя бы даже дорогихъ мнѣній, если они окажутся противорѣчащими истинѣ. Повѣрьте мнѣ, самоотверженіе, имѣющее въ себѣ нѣчто благородное и о которомъ люди ничего не знаютъ, часто предписывается въ изслѣдованіяхъ истиннаго приверженца науки“.

Наконецъ намъ остается еще заявить, — и мы не сомнѣваемся, что это заявленіе возбудитъ крайнее удивленіе,—что научная дисциплина выше нашего обыкновеннаго воспитанія еще потому, что даетъ воспитаніе религіозное.

Конечно, мы не употребляемъ здѣсь слова научный и религіозный въ ихъ обыкновенномъ ограниченномъ смыслѣ, но въ самомъ ихъ обширномъ и высшемъ значеніи. Безъ сомнѣнія, наука находится въ антагонизмѣ съ тѣми суевѣріями, которыя носятъ имя религіи но не съ дѣйствительною религіею, которую, эти суевѣрія только затемняютъ; несомнѣнно также, что большая часть принятой науки проникнута духомъ нечестія, но этого нельзя сказать объ истинной наукѣ, которая перешла отъ поверхностнаго къ глубокому.

„Истинная наука и истинная религія“,—говоритъ профессоръ Гексли въ заключеніе недавняго курса своихъ лекцій,—„суть близнецы, разлученіе которыхъ неизбѣжно приводитъ къ смерти обоихъ. Наука преуспѣваетъ именно настолько, насколько она религіозна, а религія процвѣтаетъ соразмѣрно научной глубинѣ и прочности своего основанія. Великія дѣла философовъ были менѣе плодомъ ихъ разума, нежели управленія ихъ разума въ высшей степени религіознымъ духомъ. Истина сдавалась скорѣе ихъ терпѣнію, любви, чистосердечію и самоотверженію, чѣмъ ихъ логической проницательности“.

Не наука нечестива, какъ думаютъ многіе,

а напротивъ того нечестиво пренебрегать наукою и отвергать изученіе окружающаго творенія. Возьмите любой примѣръ. Предположите писателя, котораго ежедневно привѣтствовали бы похвалами въ самыхъ избранныхъ выраженіяхъ. Предположите, что умъ, величіе, красота его сочиненій служатъ постояннымъ предметомъ расточаемыхъ ему похвалъ. Предположите теперь, что тѣ, кто безпрестанно восхваляетъ его сочиненія, довольствуются только разсматриваніемъ ихъ съ внѣшней стороны, но никогда не открываютъ и не стараются понять ихъ. Какое значеніе можемъ мы придавать ихъ похваламъ? Что должны мы думать о ихъ искренности? Однако таковъ образъ дѣйствія всѣхъ людей вообще по отношенію къ вселенной; въ этомъ случаѣ они поступаютъ даже хуже они не только не изучаютъ тѣхъ вещей, которыя ежедневно провозглашаютъ столь чудесными, но часто осуждаютъ тѣхъ, кто тратитъ время на наблюденіе природы, смѣются надъ тѣми кто выказываетъ дѣйствительный интересъ къ чудесному. И такъ, повторяемъ, не наука, а небрежное отношеніе къ наукѣ нечестиво. Преданность наукѣ есть безмолвное поклоненіе, безмолвное признаніе достоинства изучаемыхъ предметовъ а слѣдовательно и ихъ

причины. Это не пустое почтеніе на словахъ, а уваженіе выражаемое дѣлами, не только заявляемое вниманіе, но вниманіе доказываемое посвященіемъ времени, мысли и труда.

И не только поэтому истинная наука существенно религіозна: она религіозна также потому, что пораждаетъ глубокое уваженіе и безусловную вѣру въ то единообразіе дѣйствія, которое проявляется во всѣхъ предметахъ. Накопленіемъ опытности ученый пріобрѣтаетъ полную вѣру въ неизмѣняемость отношеній между явленіями, въ неизмѣняемость связи между причиною и слѣдствіемъ, въ неизбѣжность хорошихъ или дурныхъ результатовъ. Вмѣсто наградъ и наказаній традиціоннаго вѣрованія, которыя люди неопредѣленно надѣются получить или избѣгнуть, не смотря на нарушеніе законовъ, онъ находитъ, что награды и наказанія скрываются въ опредѣленномъ строѣ вещей, и что дурные результаты неповиновенія законамъ неизбѣжны. Онъ видитъ, что законы, которымъ мы должны подчиняться, въ одно и тоже время неумолимы и благодѣтельны. Онъ видитъ, что, при сообразности съ ними, ходъ дѣлъ всегда направляется къ большему совершенству и высшему счастію. Поэтому онъ склоненъ всегда слѣдовать законамъ, и приходитъ

въ негодованіе, когда пренебрегаютъ ими. И такимъ образомъ, настаивая на вѣчныхъ принципахъ вещей и на необходимости повиноваться имъ, онъ оказывается существенно религіознымъ.

Прибавьте, наконецъ, дальнѣйшій религіозный характеръ науки: она одна можетъ дать намъ истинное понятіе объ насъ самихъ и о нашемъ отношеніи къ тайнамъ существованія. Открывая намъ все, что можетъ быть нами узнано, она въ тоже время указываетъ предѣлъ, далѣе котораго мы ничего не можемъ узнать. Она учитъ насъ невозможности понять конечную причину вещей не при помощи догматическаго утвержденія; но ясно доводитъ насъ до признанія этой невозможности, приводя насъ во всѣхъ направленіяхъ къ предѣламъ, перейти которые мы не можемъ, Она такъ ясно представляетъ намъ ничтожность человѣческаго ума въ сравненіи съ тѣмъ, который стоитъ выше его, какъ ничто иное не можетъ этого сдѣлать. Между тѣмъ, какъ она можетъ гордо относиться къ человѣческимъ преданіямъ и авторитетамъ, положеніе ея предъ непроницаемымъ покрываломъ, скрывающимъ абсолютное, смиренно-справедливая гордость и должное смиреніе. Только искренній человѣкъ науки (а подъ этимъ име-

немъ мы подразумѣваемъ не тѣхъ, кто высчитываетъ разстоянія, или анализируетъ смѣси, или кропотливаго зоолога; но тѣхъ, кто, съ помощью менѣе важныхъ истинъ, до высшихъ и высочайшихъ истинъ)—только чистосердечный человѣкъ науки, говоримъ мы, можетъ дѣйствительно знать, насколько неизмѣримо выше не только человѣческаго знанія, но и человѣческаго пониманія, та Всемірная сила, проявленія которой—природа, жизнь и мысль.

Мы заключаемъ, слѣдовательно, что, какъ для дисциплины, такъ и для руководства, наука имѣетъ огромную цѣнность. Во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ, изученіе значенія предметовъ полезнѣе изученія словъ. И въ интеллектуальномъ, и въ нравственномъ, и религіозномъ воспитаніи, изученіе окружающихъ предметовъ имѣетъ неизмѣримое преимущество надъ изученіемъ грамматикъ и словарей.

И такъ, на нашъ вопросъ—какое знаніе наиболѣе цѣнно?—самый простой отвѣтъ есть—наука. Таково рѣшеніе для всѣхъ положеній. Для непосредственнаго самосохраненія, или для поддержанія жизни и здоровья, самое необходимое знаніе есть—наука. Для косвеннаго самосохраненія, которое мы называемъ добываніемъ пропитанія, наиболѣе цѣнное знаніе

есть—наука. Для надлежащаго выполненія родительскихъ обязанностей, лучшимъ руководствомъ служитъ — наука. Для объясненія національной жизни, прошедшей и настоящей, безъ чего гражданинъ не можетъ регулировать своего образа дѣйствій, необходимый ключъ представляетъ—наука. Для созданья наиболѣе совершенныхъ произведеній и для высшаго наслажденія искусствомъ во всѣхъ его видахъ, необходимую подготовку точно также находимъ мы въ наукѣ. Для цѣлей дисциплины — интеллектуальной, нравственной и религіозной—самое существенное знаніе опять-таки заключается въ наукѣ. Вопросъ, который вначалѣ казался столь запутаннымъ, послѣ нашего изслѣдованія сталъ значительно проще. Намъ не къ чему разбирать степени важности различныхъ разрядовъ человѣческой дѣятельности и различныхъ предметовъ ученія особенно приспособляющихъ къ нимъ, такъ какъ мы видимъ, что изученіе науки, въ самомъ обширномъ ея смыслѣ, есть наилучшая подготовка ко всѣмъ родамъ дѣятельности. Намъ нѣтъ нужды рѣшать между необходимостью знанія, имѣющаго большую, но условную цѣнность, и знанія, имѣющаго меньшую, но существенную цѣнность; такъ какъ мы видимъ, что то знаніе, которое ока-

зывается наиболѣе цѣннымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ и наибольшую существенную цѣнность: достоинство его не зависитъ отъ чьего-либо мнѣнія, оно также опредѣленно, какъ и отношеніе человѣка къ окружающему міру. Такъ какъ научныя истины необходимы и вѣчны, то вся наука принадлежитъ всему человѣчеству во всѣ времена. Какъ въ настоящее время, такъ и въ отдаленное будущее, должно имѣть огромную важность для регулированія поступковъ людей пониманіе ими науки жизни, физической, умственной и соціальной; и пониманіе ими всякой другой науки, какъ ключа къ наукѣ жизни.

Однако это изученіе, далеко превосходящее въ значеніи всякое другое, въ вѣкъ внѣшней образованности, пользуется наименьшимъ вниманіемъ. Между тѣмъ, если бы не наука, мы никогда не достигли бы того, что мы называемъ цивилизаціей, наука все-таки едва ли сколько нибудь цѣнится въ нашемъ, такъ называемомъ, цивилизованномъ воспитаніи. Не смотря на то, что прогрессу наукъ мы обязаны тѣмъ, что милліоны находятъ теперь себѣ пропитаніе тамъ, гдѣ прежде могли прокормиться только тысячи; изъ этихъ милліоновъ весьма немногія тысячи отдаютъ должное почтеніе тому, что сдѣлало возможнымъ ихъ существованіе. Не смотря

на то, что увеличивающееся знаніе свойствъ и отношеній вещей, не только способствовало кочующимъ племенамъ возрасти до многолюдныхъ націй, но и доставило безчисленнымъ членамъ этихъ націй удобства и удовольствія, о которыхъ немногіе голые предки ихъ не имѣли никакого понятія и не могли даже думать, только теперь этотъ родъ знанія начинаетъ признаваться нашими высшими воспитательными учрежденіями. Постепенно возрастающему знакомству съ единообразіемъ въ сосуществованіи и послѣдовательности явленій, установленію неизмѣнныхъ законовъ обязаны мы своимъ освобожденіемъ отъ грубѣйшихъ суевѣрій. Безъ науки, мы до сихъ поръ поклонялись бы идоламъ, или гекатомбами жертвъ умилостивляли злыхъ духовъ. И не смотря на то, что наука, вмѣсто самаго унизительнаго понятія о вещахъ, дала намъ идеи о величіи творенія, противъ нее возстаютъ наши богословскія сочиненія и слышатся непріязненные отзывы съ нашихъ кафедръ.

Примѣняя къ этому случаю одну восточную басню, мы можемъ сказать, что въ семьѣ знаній, наука есть работница въ семьѣ, которая, въ неизвѣстности скрываетъ непризнанныя совершенства. На нее возложена вся работа; при

помощи ея искусства, ума и преданности достигаются всѣ удобства и удовольствія; и не смотря на это, ее постоянно держатъ на заднемъ планѣ, чтобы ея высокомѣрныя сестры могли щеголять своими лоскутьями предъ глазами свѣта. Параллель эта продолжается и далѣе: мы быстро подвигаемся къ развязкѣ, и тогда положенія измѣнятся; между тѣмъ какъ тщеславныя сестры подвергнутся заслуженному пренебреженію, наука, провозглашенная высшею по достоинству и красотѣ, займетъ первенствующее мѣсто.

ГЛАВА II.

Умственное воспитаніе.

Между послѣдовательными системами воспитанія и соціальными состояніями, существующими одновременно, не можетъ не быть родства. Такъ какъ учрежденія каждой эпохи, каково бы ни было ихъ спеціальное назначеніе, имѣютъ одинъ общій источникъ, національный характеръ, то между ними должно быть родственное сходство. Когда люди получали свою вѣру и ея толкованія отъ непогрѣшимаго авторитета, не дававшаго никакихъ объясненій, тогда, естественно, и обученіе дѣтей должно было быть чисто догматическимъ. Когда правиломъ церкви было „вѣруй и не распрашивай“, это же правило было удобопримѣнимо и въ школахъ. Теперь же, когда протестантизмъ доставилъ взрослымъ право личнаго сужденія,

и ввелъ въ обыкновеніе ссылаться на разумъ, подобную же перемѣну мы видимъ и въ образованіи юношества, которое обратилось въ процессъ объясненій, ссылающихся на разумъ. Рядомъ съ политическимъ деспотизмомъ, непреклоннымъ въ своихъ повелѣніяхъ, управлявшимъ силою страха, наказывавшимъ смертью за самые ничтожные проступки и неумолимо мстившимъ за измѣну—неизбѣжно возникала и столь же суровая школьная дисциплина — дисциплина безчисленныхъ предписаній и наказаній за нарушеніе ихъ; дисциплина неограниченной автократіи, поддерживаемой розгами, ферулами и заточеніями. Съ другой стороны увеличеніе политической свободы, отмѣненіе законовъ, ограничивающихъ идивидуальныя дѣйствія, улучшеніе уголовнаго свода законовъ, сопровождаются сходнымъ прогрессивнымъ движеніемъ къ уничтоженію насильственныхъ воспитательныхъ мѣръ: ученикъ менѣе стѣсненъ принужденіемъ, и для управленія имъ употребляются не наказанія, а иныя средства. Въ тѣ аскетическія времена, когда люди, дѣйствуя по принципу крайней нищеты, думали, что чѣмъ болѣе они налагаютъ на себя лишеній, тѣмъ они добродѣтельнѣе, естественно, и самымъ лучшимъ воспитаніемъ считалось то, которое наи-

болѣе стѣсняло желанія дѣтей и пресѣкало самопроизвольную дѣятельность словами: „вы не должны дѣлать этого“. Напротивъ того, теперь, когда счастье начинаетъ признаваться законною цѣлью каждаго—когда сокращаются рабочіе часы и устраиваются народныя увеселенія; родители и наставники начинаютъ понимать, что большая часть дѣтскихъ желаній спокойно можетъ быть удовлетворяема, что слѣдуетъ поощрять дѣтскія игры, и что стремленія развивающагося ума вовсе не такія дьявольскія, какъ прежде предполагалось. Въ тотъ вѣкъ, когда всѣ думали, что ремесла должны поддерживаться поощреніями и запрещеніями; что фабрикантамъ необходимо предписывать матеріалы, которые они должны употреблять, качества товаровъ и цѣну ихъ; и что цѣнность монеты можетъ быть опредѣлена закономъ; въ тотъ вѣкъ, неизбѣжно, всѣ держались мнѣнія, что умъ ребенка можетъ быть сдѣланъ по приказанію, что воспитатель можетъ надѣлить его способностями; что это вмѣстилище, въ которое можно вложить знаніе и соорудить его согласно идеалу наставника. Между тѣмъ, въ нашъ вѣкъ свободной торговли, когда мы узнали, что вещи управляются сами собой гораздо болѣе, чѣмъ думали прежде; что

трудъ, торговля, земледѣліе и мореплаваніе могутъ идти успѣшнѣе безъ надзора, чѣмъ при немъ; что политическое управленіе, чтобы имѣть силу, должно возникать само собою, а не навязываться извнѣ; мы поняли, также, что существуетъ естественный процессъ умственнаго развитія, препятствіе которому не можетъ обойтись безъ вреда; что мы не можемъ насильственно придать развивающемуся уму свои искуственныя формы; но что и физіологія представляетъ намъ законъ предложенія и спроса, съ которымъ мы должны сообразоваться, если не хотимъ нанести вреда. Такимъ образомъ, старая система воспитанія, какъ по своему пророческому догматизму, такъ и по своей суровой дисциплинѣ, многочисленнымъ ограниченіямъ, исповѣданію аскетизма и вѣрѣ въ назначеніе людей, походила на современную соціальную систему; точно также, ниспроверженіе этихъ характеристическихъ чертъ въ нашихъ новѣйшихъ способахъ воспитанія соотвѣтствуетъ теперешнимъ болѣе либеральнымъ религіознымъ и политическимъ учрежденіямъ.

Намъ остается еще сказать о дальнѣйшемъ сходствѣ, на которое мы до сихъ поръ не обращали вниманія: о сходствѣ процессовъ, которыми вырабатываются эти относительныя

перемѣны и на сходство различныхъ мнѣній, къ которымъ онѣ привели. Нѣсколько столѣтій тому назадъ господствовало однообразіе въ мнѣніяхъ—религіозномъ, политическомъ и воспитательномъ. Всѣ были католики, всѣ были монархисты, и всѣ послѣдователи Аристотеля; никто и не думалъ усомниться въ той школьной рутинѣ, которой подвергались всѣ. Во всѣхъ случаяхъ, одна и та же сила замѣняла это однообразіе постепенно возрастающимъ различіемъ. То стремленіе къ признанію личности, которое сначала способствовало великому протестантскому движенію, а потомъ постоянно увеличивавшемуся числу сектъ—стремленіе, которое было причиною политическихъ партій, и изъ первоначальныхъ двухъ, развило въ новѣйшіе дни безчисленное множество ихъ, которое привело къ Беконовскому возмущенію противъ школъ и тѣмъ породило всюду различные новые образы мыслей,—это стремленіе причинило распаденіе и умноженіе воспитательныхъ методовъ. Какъ внѣшнія слѣдствія однихъ и тѣхъ же внутреннихъ перемѣнъ, процессы эти совершались болѣе или менѣе одновременно. Паденіе авторитета, папскаго, философскаго, королевскаго, или учительскаго, въ сущности одно и тоже явле-

ніе; во всѣхъ своихъ видахъ, стремленіе къ свободному дѣйствію проявляется какъ въ вырабатываніи самой перемѣны, такъ и въ новыхъ теоретическихъ и практическихъ формахъ, которыя пораждаются этою перемѣною.

Въ то время, какъ многіе могутъ быть недовольны этимъ умноженіемъ системъ юношескаго образованія, свѣдущій наблюдатель увидитъ въ немъ средство обезпеченія окончательнаго установленія раціональной системы. Что бы ни думали о теологическомъ несогласіи, очевидно, что несогласіе въ воспитаніи ведетъ къ облегченію вопроса раздѣленіемъ труда. Если бы мы обладали надлежащимъ методомъ, уклоненіе отъ него, конечно, было бы вредно; но такъ какъ мы доискиваемся надлежащаго метода, то усилія многихъ независимыхъ искателей, производящихъ свои изслѣдованія въ различныхъ направленіяхъ, представляютъ лучшее средство къ отысканію его, чѣмъ всякое другое. Каждый изъ нихъ бываетъ пораженъ какою нибудь новою идею, которая, вѣроятно, болѣе или менѣе поддерживается фактами — каждый изъ нихъ ревностно работаетъ въ пользу своего плана, имѣетъ множество средствъ доказать его правильность и неутомимо трудиться надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать извѣстными

его успѣхи — каждый изъ нихъ безпощадно преслѣдуетъ критикою остальнихъ; такимъ соединеніемъ силъ, всѣ они должны постепенно приближаться къ истинѣ. Какую бы часть нормальнаго метода ни открылъ кто нибудь изъ нихъ, послѣ постояннаго предъявленія ея результатовъ, она непремѣнно будетъ принята. Тѣ ошибочныя примѣненія, которыя войдутъ въ нее, послѣ повторявшихся опытовъ и неудачь, будутъ отвергнуты. Такимъ соединеніемъ истинъ и изгнаніемъ ошибокъ необходимо долженъ развиться правильный и полный сводъ доктринъ. Изъ трехъ фазисовъ, чрезъ которые проходитъ человѣческое мнѣніе — единодушіе невѣждъ, несогласіе изслѣдователей и единодушіе людей знающихъ—второй очевидно есть источникъ третьяго. Таковъ порядокъ не только во времени, но и порядокъ причинъ. Поэтому какъ бы нетерпѣливо ни относились мы къ настоящему противорѣчію воспитательныхъ системъ, и какъ бы ни огорчало насъ сопровождающее его зло, мы должны признать, что это есть необходимая переходная ступень, благодѣтельная въ своихъ окончательныхъ результатахъ.

Между тѣмъ, не можемъ ли мы подвести выгодный итогъ нашего прогресса? Послѣ пяти-

десятилѣтнихъ споровъ, опытовъ и сравненій результатовъ, не можемъ ли мы надѣяться, что уже сдѣлано нѣсколько полезныхъ шаговъ къ цѣли? Нѣсколько старыхъ методовъ должны были уже выйти изъ употребленія; нѣсколько новыхъ — утвердиться; и многіе другіе приближаются къ тому, чтобы быть отвергнутыми или принятыми. Сопоставивъ эти различныя перемѣны, мы вѣроятно увидимъ въ нихъ сходныя характеристическія отличія — да найдемъ общее ихъ стремленіе; и такимъ образомъ, посредствомъ вывода, мы можемъ узнать нить того направленія, по которому ведетъ насъ опытъ и получить указанія для дальнѣйшаго усовершенствованія. Поэтому, въ видѣ вступленія къ болѣе глубокому обсужденію вопроса, разсмотримъ главный контрастъ между воспитаніемъ прошедшаго и настоящаго времени.

Отмѣна всякаго заблужденія обыкновенно сопровождается временнымъ впаденіемъ въ другое, противоположное; вслѣдствіе этого, произошло то, что послѣ того какъ единственною цѣлью всѣхъ было физическое развитіе, послѣдовалъ вѣкъ, когда все вниманіе было обращено только на умственную культуру—когда дѣтей начинали учить между двумя и тремя годами, и когда

пріобрѣтеніе знаній считалось единственною необходимою вещью. Затѣмъ, какъ всегда случается, что послѣ одной изъ такихъ реакцій слѣдующій шагъ впередъ состоитъ въ соглашеніи противоположныхъ заблужденій и въ признаніи ихъ за двѣ противолежащія крайности одной и той же истины; такъ мы теперь дошли до убѣжденія, что тѣло и умъ требуютъ одинаковой заботы, и оба должны развиваться одновременно. Принудительная система многими оставлена, и преждевременное развитіе встрѣчаетъ порицанія. Люди начали понимать, что главное условіе успѣха въ жизни—быть хорошимъ человѣкомъ. Извѣстно, что самый лучшій мозгъ принесетъ небольшую пользу при недостаткѣ жизненной энергіи для разработки его; поэтому, для пріобрѣтенія одного жертвовать источникомъ другаго, считается въ настоящее время безуміемъ, что и доказывается постоянною слабостью дѣтей геніевъ. Такимъ образомъ мы открыли мудрость поговорки, что секретъ воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы „умѣть разумно тратить время“.

Ученіе наизусть, бывшее нѣкогда во всеобщемъ употребленіи, съ каждымъ днемъ все болѣе лишается довѣрія. Всѣ новѣйшіе авторитеты осуждаютъ старый механическій спо-

собъ обученія азбуки. Таблица умноженія въ настоящее время часто преподается практически. Школьный методъ изученія языковъ замѣняется методомъ, основаннымъ на самопроизвольномъ процессѣ, съ помощью котораго ребенокъ самъ научается родному языку. Отчетъ Баттерсійской воспитательной школы, описывая методы, употребляемые въ ней, говоритъ слѣдующее: „Весь приготовительный курсъ состоитъ преимущественно изъ словеснаго обученія и при объясненіяхъ на сколько возможно ссылаются на природу". Тоже самое происходитъ и повсюду. Система заучиванія наизусть, какъ и другія современныя ей системы, придаютъ болѣе значенія формамъ и символамъ, чѣмъ подразумѣваемымъ подъ ними вещамъ. Повторять правильно слова было все; понимать ихъ значеніе—ничего; и такимъ образомъ умъ жертвовался буквѣ. Наконецъ замѣтили, что въ этомъ случаѣ, какъ и во всякомъ другомъ, подобные результаты не случайны, а неизбѣжны—что по мѣрѣ увеличенія вниманія къ знакамъ, должно уменьшаться вниманіе къ предметамъ, выражаемымъ этими знаками или что — какъ много лѣтъ тому назадъ сказалъ Монтень — Savoir par coeur n'est pas savoir (знать наизусть не есть знаніе).

Вмѣстѣ съ заучиваніемъ наизусть приближается къ паденію и близко подходящее къ нему изученіе правилъ. Сначала частности, а потомъ обобщенія, таковъ новый методъ, который, какъ замѣчаетъ Отчетъ Баттерсійской школы, хотя „представляетъ обратную сторону общепринятаго метода, состоящаго въ томъ, что ученику прежде всего преподаются правила“, однако правильность котораго подтверждается опытомъ. Изученіе правилъ въ настоящее время осуждается, такъ какъ оно приводитъ только къ эмпиричесмому знанію—пониманію внѣшнему, а не дѣйствительному. Сообщеніе чистаго продукта изслѣдованія, обходя самое изслѣдованіе, которое приводитъ къ нему, считается и разслабляющимъ и безплоднымъ. Общія истины, чтобы принести дѣйствительную и прочную пользу, должны вырабатываться. Поговорка „легко приходитъ, легко и уходитъ“ настолько же примѣнима къ знанію, какъ и къ богатству. Между тѣмъ какъ правила, оставаясь разобщенными въ умѣ и не соединенныя съ остальнымъ его содержаніемъ, какъ съ общимъ основаніемъ—постоянно забываются; принципы, выражаемые порознь этими правилами, разъ постигнутые умомъ, обращаются въ прочное достояніе. Между тѣмъ какъ юноша заучившій правила,

внѣ этихъ правилъ, сбивается съ толку; юноша, освоившійся съ принципами, объясняетъ каждый новый фактъ также легко какъ и старый. Между знаніемъ правилъ и знаніемъ принциповъ существуетъ такая же разница, какъ между безпорядочною грудою матеріаловъ и тѣми же матеріалами, представляющими устроенное цѣлое, всѣ части котораго находятся въ связи между собою. Изъ этихъ двухъ родовъ знаній, послѣднее имѣетъ преимущество надъ первымъ нетолько потому, что его составныя части лучше удерживаются, но еще болѣе потому, что оно ведетъ къ изслѣдованію, къ самостоятельному мышленію, къ открытіямъ— для этихъ цѣлей первое совершенно безполезно. Не думайте, чтобы это было только уподобленіе: это буквальная истина. Соединеніе фактовъ въ обобщенія *есть* организація знанія, какъ бы оно не разсматривалось: какъ явленіе объективное или субъективное; и умственная сила можетъ измѣряться размѣрами, которыхъ достигаетъ эта организація.

Замѣненіе правилъ принципами и связанное съ нимъ обыкновеніе не давать никакихъ отвлеченныхъ выводовъ, пока умъ ребенка не усвоитъ фактовъ, изъ которыхъ они извлечены, было причиною того, что нѣкоторыя занятія,

начинавшіяся прежде слишкомъ рано, откладываются теперь до болѣе зрѣлаго возраста; такъ напримѣръ, отброшена крайне нелѣпая привычка учить дѣтей грамматикѣ. Г. Марсель говоритъ: „Не мало не колеблясь можно утверждать, что грамматика есть не камень основанія а орудіе окончательной отдѣлки". Г. Вайзъ утверждаетъ: „Грамматика и Синтаксисъ представляютъ собраніе законовъ и правилъ. Правила собираются на практикѣ это результаты выводовъ, къ коромъ мы приходимъ послѣ долгаго наблюденія и сравненія фактовъ. Это есть наука, философія языка. Слѣдуя естественому процессу, ни отдѣльныя личности, ни націи никогда не доходятъ *прежде всего* до науки. На языкѣ говорятъ, пишутъ поэзію, гораздо ранѣе, чѣмъ подумаютъ о грамматикѣ или просодіи. Для сужденія люди не дожидались того, чтобы Аристотель изложилъ свою логику". Однимъ словомъ, такъ какъ грамматика вошла въ употребленіе позже языка, то и изучать ее слѣдуетъ позже: необходимость этого вывода должна признаваться всѣми, кто признаетъ родство между развитіемъ расы и развитіемъ отдѣлной личности.

Изъ новыхъ обыкновеній, возникшихъ при паденіи старыхъ, наиважнѣйшее есть система-

тическое упражненіе способности наблюденія. Послѣ долгихъ вѣковъ слѣпоты, люди увидѣли наконецъ, что самопроизвольная дѣятельность наблюдательныхъ способностей дѣтей имѣетъ огромное значеніе и приноситъ немалую пользу. Что прежде считалось только безцѣльнымъ дѣйствіемъ, или забавою, или вредомъ, смотря по обстоятельствамъ, признается теперь процессомъ пріобрѣтенія знанія, на которомъ основываются всѣ послѣдующія знанія. Отсюда возникла хорошо задуманная, но дурно выполняемая система *нагляднаго обученія*. Слова Бэкона, что физика есть мать всѣхъ наукъ получило смыслъ въ воспитаніи. Безъ точнаго знакомства съ видимыми и осязаемыми свойствами предметовъ, наши понятія ложны, наши выводы ошибочны, наши дѣйствія безуспѣшны. „При небрежномъ воспитаніи внѣшнихъ чувствъ, все остальное воспитаніе должно быть медленно, безтолково, недостаточно, и исправить этого невозможно.“ И дѣйствительно, разсмотрѣвъ вопросъ, мы найдемъ, что неутомимое наблюденіе есть главное условіе всякаго значительнаго успѣха. Оно необходимо нетолько художнику, натуралисту и ученому, врачу для правильности діагностики, инженеру, который проводитъ для этого нѣсколько лѣтъ въ мастерскихъ, —

мы видимъ; что и философъ постоянно *наблюдаетъ* соотношенія предметовъ, которыя другими остаются не замѣченными, и что поэтъ *видитъ* прекрасные факты природы, которые признаютъ всѣ послѣ того какъ они имъ указаны, но которыхъ они сперва не замѣчали. Самое настоятельное требованіе заключается въ признаніи живыхъ и полныхъ впечатлѣній существенно-важными. Не возможно создать здравый умъ изъ испорченнаго сыраго матеріала.

Послѣ того какъ старый методъ абстрактнаго представленія истинъ вышелъ изъ употребленія, былъ принятъ новый методъ конкретнаго представленія ихъ. Основные факты точной науки стали теперь изучаться чрезъ непосредственное созерцаніе, какъ изучаются ткани вкусы и цвѣта. Такъ напримѣръ для первыхъ уроковъ арифметики употребляются шарики. Тоже самое видимъ мы и въ придуманномъ профессоромъ Де-Морганомъ способѣ объясненія десятичнаго счисленія. М. Марсель, справедливо отвергнувъ старую систему таблицъ, объясняетъ вѣсъ и мѣры, показывая дѣйствительные ярды и футы, фунты и унціи, галлоны и четверти; а открытіе ихъ соотношеній предоставляетъ опыту. Сюда же относится и употребленіе гео-

графическихъ моделей и образцовъ правильныхъ тѣлъ, служащихъ введеніемъ географіи и геометріи. Очевидно, общая черта этихъ методовъ состоитъ въ томъ, что умъ каждаго ребенка совершаетъ тотъ-же путь, какимъ шло все человѣчество. Истины числа, формы и относительнаго положенія первоначально выведены были изъ предметовъ; и представлять ребенку эти истины конкретно, значитъ доводить до нихъ ребенка тѣмъ же путемъ, какимъ доходила до нихъ раса. Современемъ, можетъ быть, увидятъ, что иначе онъ и не можетъ научиться имъ; сколько бы ни заставляли его повторять отвлеченныя истины, онѣ не будутъ имѣть для него никакого смысла, пока онъ не пойметъ, что онѣ простыя выраженія того, что онъ видитъ въ дѣйствительности.

Но изъ всѣхъ происшедшихъ перемѣнъ самая главная есть возрастающее желаніе обратить пріобрѣтеніе знаній скорѣе въ удовольствіе, чѣмъ въ мученіе—желаніе, основанное на болѣе или менѣе ясномъ сознаніи, что въ каждомъ возрастѣ, для ребенка благодѣтельно только то умственное занятіе, которое онъ любитъ и наоборотъ. Мы видимъ въ этомъ возникновеніе мнѣнія, что появленіе потребности какого нибудь рода знанія доказываетъ, что развивающійся умъ

сдѣлался способнымъ къ воспріятію его и что онъ нуждается въ немъ для своего роста и что, съ другой стороны, отвращеніе къ какому нибудь знанію служитъ признакомъ того, что оно сообщается или преждевременно, или въ неудобопонятной формѣ. Отсюда произошли старанія сдѣлать раннее воспитаніе занимательнымъ, и все послѣдующее пріятнымъ. Отсюда произошли лекціи о значеніи игръ и защита дѣтскихъ стихотвореній и волшебныхъ сказокъ. Съ каждымъ днемъ мы все болѣе и болѣе сообразуемъ свои планы воспитанія съ юношескими вкусами. Мы постоянно спрашиваемъ себя: Будетъ ли занимательно для ребенка то или другое занятіе? Полюбитъ ли онъ его? „Его естественная склонность къ разнообразнію не должна быть стѣснена; — говоритъ М. Марсель—а удовлетвореніе его любознательности должно соединяться съ пользою". „Уроки —замѣчаетъ онъ далѣе—должны прекращаться прежде, чѣмъ на ребенкѣ замѣтно будетъ утомленіе". Тоже самое и въ дальнѣйшемъ воспитаніи. Небольшіе промежутки между учебными часами, загородныя прогулки, занимательное чтеніе, хорное пѣніе и другія подобныя обыкновенія служатъ доказательствами этой перемѣны. Аскетизмъ исчезаетъ изъ воспитанія, какъ и изъ

жизни; и обычное правило политическаго законодательства—его стремленіе доставить счастіе—становится въ значительной степени и правиломъ законодательства школъ и дѣтскихъ.

Въ чемъ заключается общая характеристическая особенность всѣхъ этихъ перемѣнъ? Не въ увеличившейся ли сообразности съ естественнымъ методомъ? Подтвержденіемъ этому служитъ то, что раннее насиліе, противъ котораго возмущается природа, отвергнуто и первые годы предназначаются для упражненія членовъ и внѣшнихъ чувствъ. Это подтверждается тѣмъ, что ученіе наизусть замѣнено словеснымъ и практическимъ обученіемъ, также уроками въ полѣ и во время игръ. Это подтверждается неупотребленіемъ заучиванія правилъ которое замѣнено изученіемъ принциповъ, то есть, сообщеніе обобщеній тогда, когда извѣстны частные факты, на которыхъ они основываются. Это подтверждается системою нагляднаго обученія, и конкретнымъ изученіемъ научныхъ основъ, вмѣсто абстрактнаго. И сверхъ всего, стремленіе это выражается въ разнообрано-направленныхъ усиліяхъ выставить знаніе въ привлекательной формѣ и усвоеніе его сдѣлать такимъ образомъ пріятнымъ. Какъ въ природѣ, во всѣхъ твореніяхъ, удовлетвореніе,

сопровождающее выполненіе необходимыхъ функцій служитъ стимуломъ къ ихъ выполненію — такъ во время самообученія ребенка, наслажденіе, доставляемое разгрызываніемъ гремушекъ и ломкою игрушекъ, побуждаетъ его къ дѣйствіямъ, которыя раскрываютъ ему свойства предметовъ; слѣдовательно, при избраніи ряда предметовъ и способовъ обученія, наиболѣе занимательныхъ для ребенка, мы исполняемъ предписанія природы и приноравляемъ наши дѣйствія къ законамъ жизни.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, мы приближаемся къ принятію доктрины, нѣсколько времени тому назадъ высказанной Песталоцци, что воспитаніе, какъ въ своей послѣдовательности, такъ и методахъ, должно сообразоваться съ естественнымъ процессомъ умственнаго развитія; что способности самопроизвольно развиваются въ извѣстномъ порядкѣ и при своемъ развитіи требуютъ извѣстнаго разряда знаній; и что наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы понять этотъ порядокъ и доставить этотъ разрядъ знаній. Всѣ улучшенія, указанныя выше, суть отдѣльныя примѣненія этаго общаго принципа. Смутное понятіе объ немъ оказываетъ въ настоящее время вліяніе на преподавателей и на него все болѣе и болѣе напираютъ сочине-

нія о воспитаніи. „Методъ природы есть первообразъ всѣхъ методовъ“, говоритъ М. Марсель. „Жизненный принципъ, которому мы должны слѣдовать, состоитъ въ приспособленіи ученика къ правильному самообразованію“, пишетъ Г. Вайзъ. Чѣмъ болѣе наука знакомитъ насъ съ строеніемъ вещей, тѣмъ болѣе замѣчаемъ мы въ нихъ самоудовлетворительности. Высшее знаніе постоянно стремится ограничить наше вмѣшательство въ жизненные процессы. Какъ въ медицинѣ прежнее „геройское лѣченіе“ уступило мѣсто умѣренному лѣченію, а часто даже предписывается только нормальная діэта, такъ и теперь было бы безполезнымъ исправлять тѣла малютокъ, перевязывая ихъ на манеръ папуасовъ или иначе, какъ въ тюрьмахъ было открыто, что никакая хитро придуманная нами дисциплина не въ состояніи произвести такого преобразованія, какъ естественная дисциплина самоохраненія посредствомъ производительнаго труда—такъ поняли и мы, что въ воспитаніи успѣхъ достигается только тогда, когда мы подчиняемъ свои дѣйствія тому самопроизвольному развитію, чрезъ которое проходитъ каждый умъ, подвигаясь постепенно къ зрѣлости.

Конечно, этотъ основной принципъ обуче-

нія, состоящій въ распредѣленіе и предметовъ и методовъ соотвѣтственно порядку развитія и степени дѣятельности способностей—принципъ столь неоспоримо вѣрный, что разъ установленный онъ кажется уже очевиднымъ самъ собою—никогда не оставлялся совершенно въ сторонѣ. Преподаватели, неизбѣжно согласовали съ нимъ въ нѣкоторой степени свои учебные курсы, по той простой причинѣ, что воспитаніе возможно только при такомъ условіи. Мальчикамъ никогда не преподавали тройнаго правила до тѣхъ поръ пока они не знали сложенія. Ихъ не сажали за письменныя упражненія пока они не умѣли писать. Коническимъ сѣченіямъ всегда предшествовалъ Евклидъ. Но ошибка старыхъ методовъ заключалась въ томъ, что они не признавали въ частностяхъ того, что имъ необходимо было признавать въ общемъ. Принципъ этотъ однако господствуетъ во всемъ. Если съ того времени, какъ дитя становится способнымъ понимать относительное положеніе двухъ предметовъ, должно пройти нѣсколько лѣтъ прежде чѣмъ оно будетъ въ состояніи составить себѣ вѣрное понятіе о землѣ, какъ о сферѣ, состоящей изъ земли и моря, покрытой горами, лѣсами, рѣками и городами, обращающейся вокругъ своей оси и вокругъ

солнца — если оно пріобрѣтаетъ одно понятіе за другимъ только постепенно — если промежуточныя понятія, составляемыя имъ, послѣдовательно расширяются и усложняются; то не очевидно ли, что существуетъ общая послѣдовательность, которую оно не можетъ обойти; что каждое болѣе широкое понятіе составляется изъ соединенія болѣе мелкихъ, которыя оно предполагаетъ въ себѣ; и что представлять какое нибудь сложное понятіе, прежде чѣмъ ребенокъ освоился съ его составными частями почти стольже нелѣпо, какъ представлять окончательные выводы прежде начальныхъ понятій? Обладаніе каждаго знанія требуетъ извѣстную послѣдовательность въ пріобрѣтеніи все болѣе и болѣе сложныхъ идей. Развитіе соотвѣтствующихъ способностей состоитъ въ усвоеніи этихъ идей; что въ дѣйствительности невозможно, если онѣ не восприняты умомъ въ нормальномъ порядкѣ. Результатомъ нарушенія этаго порядка бываетъ то, что онѣ воспринимаются апатично или съ отвращеніемъ и если ученикъ недостаточно разуменъ для того, чтобы самому пополнить пробѣлы, то онѣ остаются въ его памяти мертвыми фактами, которые могутъ принести или незначительную пользу или быть вовсе безполезными.

„Но къ чему заботиться о какой нибудь системѣ?“ могутъ насъ спросить. „Если справедливо, что умъ подобно тѣлу имѣетъ уже опредѣленный ходъ развитія — если онъ развивается самопроизвольно — если его послѣдовательная склонность къ тому или другому роду свѣдѣній возникаетъ тогда, когда каждое изъ нихъ дѣлается необходимымъ для его питанія — если надлежащій видъ дѣятельности въ надлежащее время подсказывается самъ собою, то къ чему послужитъ какое бы то ни было вмѣшательство съ нашей стороны? Отчего же не предоставить дѣтей *вполнѣ* дисциплинѣ природы?—Отчего же намъ не оставаться совершенно безучастными и не предоставить имъ пріобрѣтать знаніе, какъ они съумѣютъ. Отчего же не быть вѣрнымъ себѣ до конца? Вопросъ этотъ, повидимому, затруднителенъ. Правдоподобно доказывая, что система полнѣйшаго предоставленія вещей самимъ себѣ есть логическій выводъ изъ изложенныхъ выше доктринъ, онъ повидимому служитъ опроверженіемъ ихъ, приводя ихъ къ нелѣпости. Въ дѣйствительности же, правильно понятыя, онѣ вовсе не ставятъ насъ въ такое беззащитное положеніе. Взглядъ на физическія аналогіи ясно докажетъ это. Чѣмъ сложнѣе рождающійся

организмъ, тѣмъ бо̀льшій періодъ времени онъ зависитъ въ пищѣ и въ защитѣ отъ организма родительскаго—таковъ общій законъ жизни. Различіе между крошечною, быстро образующеюся и самодвигающеюся спорою нитчатки и медленно развивающимся сѣменемъ дерева, съ его безчисленными покровами и обильнымъ запасомъ пищи, предназначеннымъ для питанія зародыша впродолженіе его первыхъ ступеней роста, изъясняетъ этотъ законъ въ его примѣненіи къ растительному міру. Въ отношеніи животныхъ мы можемъ представить его въ цѣломъ рядѣ контрастовъ, начиная отъ монады, самопроизвольно раздѣляющіяся половины которой въ самую минуту ихъ раздѣленія дѣлаются столь же самостоятельными, какъ и первоначальное цѣлое и до человѣка, дитя котораго не только проходитъ долгій періодъ зачаточнаго состоянія и долго поддерживается кормленіемъ грудью, но и послѣ того когда оно научится само ѣсть, то все таки ему нужно доставлять пищу, одежду и кровъ такъ какъ способность самому содержать себя достигается имъ только между пятнадцатью и двадцатью годами отъ рожденія. Законъ этотъ на столько же примѣнимъ къ уму какъ и къ тѣлу. Относительно умственной

пищи, каждое высшее существо, и преимущественно человѣкъ, точно также вначалѣ зависитъ отъ помощи взрослаго. Не умѣя двигаться, ребенокъ такъ же безсиленъ въ добываніи себѣ матеріаловъ для упражненія своихъ понятій, какъ и въ снискиваніи пищи для желудка. Неспособный приготовить себѣ пищу, онъ точно также неспособенъ приводить различные роды знаній въ надлежащій порядокъ для усвоенія. Языкъ, съ помощью котораго познаются всѣ высшія истины, вполнѣ заимствуется имъ отъ тѣхъ, кто его окружаетъ. И на такомъ примѣрѣ, какъ дикій мальчикъ Авейрона, мы видимъ какъ задерживается развитіе отъ недостатка помощи со стороны родителей или воспитателей. Такимъ образомъ, подготовляя точный разрядъ фактовъ, приведенныхъ въ надлежащій порядокъ и представляя ихъ въ должномъ количествѣ и въ опредѣленное время, мы также дѣятельно руководимъ умомъ ребенка, какъ и его тѣломъ. Какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, главная обязанность родителей заключается въ томъ, чтобы слѣдить за соблюденіемъ *условій*, потребныхъ для роста. Какъ, при снабженіи ребенка пищею, одеждою и жилищемъ, они могутъ выполнять эту обязанность, нисколько не стѣсняя ни въ порядкѣ,

ни въ способѣ самопроизвольное развитіе членовъ и внутренностей; такъ они могутъ доставлять звуки для подражанія, предметы для разсмотрѣнія, книги для чтенія, задачи для разрѣшенія, и, если они не прибѣгаютъ ни къ непосредственному, ни къ косвенному принужденію, то могутъ исполнять это нисколько не препятствуя нормальному процессу умственнаго развитія, а значительно облегчая этотъ процессъ. Отсюда мы видимъ, что принятіе высказанныхъ доктринъ не заключаетъ въ себѣ, какъ многіе могутъ утверждать, отрицаніе обученія, но предоставляетъ широкое поле дѣятельному и выработанному курсу образованія.

Переходя отъ общаго къ спеціальному разсмотрѣнію, мы должны замѣтить, что на практикѣ система Песталоцци, повидимому, едва ли выполнила обѣщанія своей теоріи. Намъ говорятъ о дѣтяхъ, которыя вовсе не интересуются уроками — скорѣе питаютъ къ нимъ отвращеніе и насколько мы могли заключить, школы, основанныя на началахъ Песталоцци, не подготовили особенно много выдающихся личностей: неизвѣстно достигли ли онѣ даже средней пропорціи. Мы, однако, вовсе не удивляемся этому. Успѣхъ всякаго дѣла обусловливается главнымъ образомъ разумнымъ

веденіемъ его. Каждому понятно, что неискусный работникъ, хотя бы имѣлъ и наилучшія орудія, произведетъ дурную работу, а плохіе учителя даже при самыхъ совершенныхъ методахъ не будутъ имѣть успѣха. Конечно, достоинство метода бываетъ въ такомъ случаѣ причиною неуспѣха въ томъ же смыслѣ, какъ — продолжая сравненіе — совершенство орудій въ невѣжественныхъ рукахъ обращается въ источникъ неудовлетворительности результатовъ. Простое, неизмѣнное, почти механическое рутинное обученіе можетъ исполняться самымъ обыкновеннымъ умомъ съ тою незначительною пользою, какую только оно можетъ принести; между тѣмъ какъ законченная система, столь же разнородная въ своихъ примѣненіяхъ, какъ разумъ въ своихъ способностяхъ,— система, предлагающая спеціальныя средства для каждой спеціальной цѣли, требуетъ для правильнаго употребленія ея такихъ дарованій, какими обладаютъ немногіе изъ преподавателей. Каждая учительница женской школы можетъ прослушивать чтеніе по складамъ и плохой учитель способенъ заставить мальчиковъ заучить таблицу умноженія. Но для того, чтобы правильно учить складамъ, употребляя значеніе буквъ, вмѣсто ихъ названія, или научить

численному соображенію посредствомъ экспериментальнаго синтеза — необходима извѣстная доля пониманія, а слѣдованіе подобному раціональному курсу при преподаваніи всѣхъ предметовъ, требуетъ значительнаго ума, изобрѣтательности, разумнаго сочувствія и аналитической способности и все это останется непримѣнимымъ до тѣхъ поръ, пока учительская обязанность не будетъ пользоваться бо̀льшимъ уваженіемъ. Истинное воспитаніе можетъ исполняться только истиннымъ философомъ. Посудите же, какой философскій методъ въ настоящее время можетъ имѣть надежды на выполненіе его! При нашихъ теперешнихъ незначительныхъ знаніяхъ психологіи и при невѣжествѣ нашихъ учителей даже относительно этого знанія, какое вѣроятіе на успѣхъ можетъ имѣть система, принимающая своимъ основаніемъ психологію?

Дальнѣйшія препятствія и затрудненія произошли оттого, что принципъ Песталоцци смѣшивался съ формою, въ которой онъ осуществлялся. Изъ того, что частные планы не отвѣчали ожиданіямъ, возникло недовѣріе къ самой доктринѣ, а были ли эти планы сообразны съ доктриною этого никто не постарался изслѣдовать. Разсуждая, по обыкновенію, болѣе конкрет-

нымъ способомъ, чѣмъ абстрактнымъ, люди осудили теорію за нелѣпое примѣненіе ее. Это тоже самое, какъ первыя неудачныя попытки построить паровую машину считались доказательствомъ того, что паръ не можетъ употребляться, какъ двигательная сила. Намъ слѣдуетъ запомнить, что Песталоцци, хотя и былъ правъ въ своихъ основныхъ идеяхъ, былъ не всегда правъ въ примѣненіяхъ ихъ. Судя даже по описанію почитателей, Песталоцци былъ человѣкомъ, открывавшимъ отдѣльныя истины—человѣкомъ, отличавшимся скорѣе случайными проблесками познанія, чѣмъ систематическимъ мышленіемъ. Первый огромный успѣхъ онъ имѣлъ въ Станцѣ, когда у него не было ни книгъ, ни другихъ пособій обыкновеннаго обученія, и когда „единственнымъ предметомъ его вниманія было найти: какія свѣдѣнія въ каждомъ возрастѣ были особенно необходимы дѣтямъ и какъ наилучшимъ способомъ связать ихъ съ тѣми знаніями, которыми они уже обладаютъ“. Своимъ вліяніемъ онъ обязанъ главнымъ образомъ не спокойно обдуманнымъ планамъ образованія, но глубокой симпатіи, которая доставила ему быстрое пониманіе дѣтскихъ нуждъ и затрудненій. Ему недоставало умѣнья логически

приводить въ порядокъ и развивать тѣ истины, которыя онъ отъ времени до времени такимъ образомъ пріобрѣталъ и долженъ былъ большею частью предоставлять это своимъ помощникамъ — Крюзи, Тоблеру, Буссу, Нидереру и Шмидту. Результатомъ этого было то, что въ подробностяхъ его собственные планы и измышленные его послѣдователями, во многихъ отношеніяхъ, были не зрѣлыми и несостоятельными. Такъ его методъ для дѣтскихъ, описанный въ „Руководствѣ для матерей", начинающійся съ переименованія различныхъ частей тѣла и указанія затѣмъ на ихъ относительное положеніе и на связь ихъ между собою, очевидно, не вполнѣ согласуется съ начальными ступенями умственнаго развитія. Его способъ обученія родному языку посредствомъ формальныхъ упражненій въ значеніи словъ и въ постройкѣ фразъ совершенно неудобенъ и ведетъ ученика къ потерѣ времени, труда и довольства. Предлагаемые имъ уроки географіи крайне непесталоцціевскіе. И часто въ тѣхъ случаяхъ, когда его планы существенно здравы, они или не полны или искажены какимъ нибудь остаткомъ старой системы. Поэтому, защищая цѣликомъ общую доктрину Песталоцци, мы думаемъ, что слѣпое принятіе

его отдѣльныхъ методовъ способно причинить большой вредъ. Постоянное стремленіе человѣчества превозносить формы и способы, въ которыхъ была завѣщана имъ какая нибудь великая истина—ихъ готовность повергать свои умы передъ пророкомъ и клясться каждымъ его словомъ — ихъ склонность ошибочно принимать облаченіе истины за самую истину, дѣлаютъ необходимымъ твердо настаивать на различіи основныхъ принциповъ системы Петалоцци отъ ряда способовъ ихъ примѣненія и убѣждать, что въ то время, какъ одно можетъ считаться установленнымъ, другое есть ничто иное, какъ пробная программа нормальнаго курса. И дѣйствительно, обративъ вниманіе на состояніе нашихъ знаній, мы можемъ быть увѣрены, что мы въ этомъ случаѣ не ошибаемся. Прежде чѣмъ достигнуть того, чтобы воспитательные методы въ своемъ характерѣ и порядкѣ согласовались со способностями въ способѣ и порядкѣ ихъ развитія, необходимо съ извѣстною точностью опредѣлить, какъ развиваются эти способности. До сихъ поръ мы пріобрѣли, въ этомъ отношеніи, только нѣсколько общихъ понятій. Эти общія понятія должны быть подробно разработаны—должны преобразоваться во множество частныхъ положеній, прежде

чѣмъ можно будетъ сказать, что мы обладаемъ тою *наукою*, на которой должно основываться искусство воспитанія. И только послѣ того, какъ мы окончательно узнаемъ въ какой послѣдовательности и совокупности развивается дѣятельность умственныхъ силъ, намъ останется изъ различныхъ возможныхъ способовъ упражненія каждой изъ нихъ, выбрать тотъ, который наиболѣе подходитъ къ естественному процессу. Очевидно, слѣдовательно, что даже наилучшіе наши способы обученія не могутъ считаться даже приблизительно истинными.

Понявъ различіе между принципами и пріемами Песталоцци и заключивъ изъ указанныхъ причинъ, что послѣдніе должны неизбѣжно быть недостаточными, читатель надлежащимъ образомъ оцѣнитъ недовольство системою, часто выражаемое и увидитъ, что идея Песталоцци должна еще только осуществиться. Если же онъ изъ всего сказаннаго нами выведетъ заключеніе, что подобное осуществленіе въ настоящее время невозможно и что всѣ усилія должны быть направлены на предварительное изслѣдованіе, мы возразимъ, что хотя усовершенствованіе содержанія и формы плана образованія невозможно, пока не утвердится

раціональная психологія, тѣмъ не менѣе возможно, съ помощью извѣстныхъ руководящихъ принциповъ, эмпирически приближаться къ совершенному плану. Чтобы подготовить путь къ дальнѣйшему изслѣдованію, мы укажемъ теперь на эти принципы. Нѣкоторые изъ нихъ болѣе или менѣе ясно выражены были на предъидущихъ страницахъ, но здѣсь будетъ весьма полезно изложить ихъ въ логическомъ порядкѣ.

1. Въ дѣлѣ воспитанія мы должны переходить отъ простаго къ сложному — это есть истина, которой въ извѣстной мѣрѣ всегда придерживались, хотя, правда, не явно и не послѣдовательно. Умъ развивается. Какъ и во всемъ, развитіе это подвигается отъ однороднаго къ разнородному и нормальная система воспитанія, будучи объективною, соотвѣтственною частью субъективнаго процесса, должна представлять подобное же прогрессивное движеніе. Сверхъ того, истолковывая ее такимъ образомъ, намъ не трудно замѣтить, что формула эта имѣетъ гораздо болѣе обширное примѣненіе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. *Сущность* ея требуетъ, чтобы мы переходили отъ простаго къ сложному не только при обученіи каждаго отдѣла знанія, но чтобы

мы вообще придерживались того же относительно знанія, какъ цѣлаго. Такъ умъ вначалѣ состоитъ только изъ не многихъ дѣятельныхъ способностей, позднѣе послѣдовательно приводятся въ дѣйствіе его усовершенствованныя способности и на послѣдокъ достигается одновременная дѣятельность всѣхъ ихъ; слѣдовательно и мы должны начинать обученіе съ немногихъ предметовъ постепенно дополнять ихъ и наконецъ уже обучать одновременно всѣмъ предметамъ. Не только въ подробностяхъ, но и въ цѣломъ, образованіе должно идти отъ простаго къ сложному.

2. Развитіе ума, какъ и всякое развитіе есть переходъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному. Вмѣстѣ со всѣми другими частями организма законченнаго строенія, мозгъ достигаетъ только въ зрѣломъ возрастѣ, а до того, насколько строеніе его неполно, настолько дѣйствіямъ его недостаетъ опредѣленности. Поэтому подобно первымъ движеніямъ и первымъ попыткамъ говорить, начальныя понятія и мысли въ высшей степени неопредѣленны. Подобно тому, какъ неразвитой глазъ, замѣчающій сначала только разницу между свѣтомъ и темнотою, достигаетъ впослѣдствіи способности отличать съ величайшею

точностью различные цвѣта, оттѣнки ихъ и подробности формъ, такъ, умъ въ цѣломъ и въ каждой отдѣльной способности, начиная съ грубаго различія предметовъ и дѣйствій, прогрессивно подвигается къ большей отчетливости и ясности въ сферѣ этихъ различій. Съ этимъ общимъ закономъ должны согласоваться наши воспитательные курсы и методы. Вложить точныя идеи въ неразвитой умъ невозможно, а если бы и было возможно, то было бы нежелательно. Правда, возможно сообщить въ раннемъ возрастѣ словесныя формы, въ которыя облекаются подобныя идеи, и учителя, прибѣгающіе къ этому, воображаютъ, что если эти словесныя формы правильно заучены, то и идеи, заключающіяся въ нихъ, пріобрѣтены. Но короткій допросъ ученика докажетъ противное. Оказывается, что онъ или запомнитъ слова, мало или вовсе непонимая ихъ смысла, или же, что пріобрѣтенное имъ понятіе весьма темно. Только тогда, когда увеличившаяся опытность доставляетъ матеріалы для опредѣленныхъ понятій—когда наблюденіе изъ году въ годъ раскрываетъ менѣе явные признаки, отличающіе предметы и процессы, первоначально перемѣшанные между собою—когда каждый разрядъ сосуще-

ствованій и послѣдовательностей сдѣлается понятнымъ, чрезъ повтореніе явленій, входящихъ въ него—когда точно опредѣлится взаимное ограниченіе различныхъ родовъ отношеній, только тогда могутъ дать доступныя точныя опредѣленія высшихъ знаній. Такимъ образомъ, начиная воспитаніе, мы должны довольствоваться поверхностными понятіями, потомъ стараться сдѣлать ихъ постепенно болѣе ясными, облегчая пріобрѣтеніе опытности, съ помощью которой могли бы быть исправлены сначала самыя грубыя, а затѣмъ и менѣе очевидныя заблужденія. Что касается до научныхъ формулъ, то онѣ должны предлагаться только тогда, когда усовершенствуются понятія.

3. Утвержденіе того, что ученіе должно начинаться съ конкретнаго и кончаться отвлеченнымъ можетъ быть разсматриваемо отчасти какъ повторенія перваго изъ предъидущихъ принциповъ. Тѣмъ не менѣе это правило должно быть разобрано, хотя бы только съ цѣлью опредѣлить до извѣстной степени, что собственно подразумѣвается подъ простымъ и сложнымъ: такъ какъ въ этомъ отношеніи встрѣчаются часто недоразумѣнія. Люди, придумавъ общія формулы для выраженія цѣлыхъ

грушъ подробностей и тѣмъ упростивъ свои понятія, соединяя нѣсколько фактовъ въ одинъ, полагаютъ, что формулы эти должны упрощать и понятія ребенка. Они забываютъ, что обобщеніе просто только сравнительно съ цѣлою массою отдѣльныхъ истинъ, которыя въ немъ заключаются—что оно болѣе сложно, чѣмъ каждая изъ этихъ истинъ въ отдѣльности — что обобщеніе можетъ оказать облегченіе памяти и помощь разсудку только тогда, когда пріобрѣтены многія отдѣльныя истины—и что всякое обобщеніе останется тайною для ума, незнакомаго съ этими простыми истинами. Такимъ образомъ, смѣшивая два рода упрощенія, учителя постоянно впадали въ ошибку, начиная съ „основныхъ принциповъ", а такой образъ дѣйствій явно, не согласуется съ первоначальнымъ правиломъ, которое требуетъ, чтобы умъ знакомился съ принципами посредствомъ примѣровъ, и такимъ образомъ направлялся бы отъ частнаго къ общему—отъ конкретнаго къ абстрактному.

4. Воспитаніе ребенка, какъ въ способахъ такъ и порядкѣ должно согласоваться съ воспитаніемъ всего человѣчества, разсматриваемаго исторически. Другими словами развитіе знанія индивидуума должно идти тѣмъ же путемъ,

какъ и развитіе знанія цѣлой рассы. Собственно говоря, принципъ этотъ получается самъ собой, путемъ вывода: такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою процессы развитія, то оба они должны подчиняться однимъ и тѣмъ же общимъ законамъ, о которыхъ было говорено выше, а слѣдовательно и согласоваться одно съ другимъ. Эта строгая частная параллельность цѣнна въ томъ отношеніи, что доставляетъ намъ надлежащее руководство. Изъясненіемъ этого общество обязано кажется, Конту, и можно принять этотъ пунктъ его философіи, вовсе не полагаясь на нее въ остальномъ. Мы можемъ поддерживать эту доктрину по двумъ причинамъ, совершенно независящимъ отъ какой нибудь отвлеченной теоріи и каждая изъ нихъ достаточна для установленія ея. Одна изъ нихъ выводится изъ закона наслѣдственной передачи, разсматриваемаго въ самомъ обширномъ значеніи его. Если справедливо то, что люди походятъ на своихъ предковъ по наружности и характеру—если справедливо, что извѣстныя умственныя явленія, какъ напр. сумашествіе, обнаруживаются въ въ потомкахъ одного и того же рода, въ одномъ и томъ же возрастѣ—если, переходя отъ индивидуальныхъ случаевъ, гдѣ черты многихъ

умершихъ предковъ, смѣшавшись съ чертами немного живущихъ значительно затемняютъ законъ, мы обратимся къ національнымъ типамъ и замѣтимъ какъ постоянно различіе между ними—если мы вспомнимъ, что всѣ эти типы происходятъ отъ общаго корня и что поэтому настоящее явное различіе между ними должно было возникнуть отъ измѣненія обстоятельствъ, дѣйствовавшихъ на послѣдовательныя поколѣнія, изъ которыхъ каждое передавало накопленные признаки своимъ потомкамъ—если мы видимъ, что различіе это сдѣлалось въ настоящее время органическимъ, такъ что французскій ребенокъ выростаетъ въ взрослаго француза, если даже будетъ воспитываться между иностранцами—и если общій фактъ, подтверждающійся такимъ образомъ, вѣренъ и относительно всѣхъ свойствъ, включая и умъ,—то изъ этого слѣдуетъ, что если существуетъ порядокъ, въ которомъ человѣчество достигало различныхъ родовъ знанія, то̀ и въ ребенкѣ будетъ проявляться наклонность пріобрѣтать эти роды знанія въ томъ же порядкѣ. Даже если бы порядокъ былъ не особенно важенъ, то онъ помогалъ бы воспитанію вести индивидуальный умъ по тѣмъ же ступенямъ, которыя проходилъ умъ всего человѣчества. Но порядокъ этотъ не

безразличенъ въ сущности, и вотъ въ чемъ основная причина того, что воспитаніе должно быть повтореніемъ цивилизаціи въ маломъ видѣ. Можно доказать какъ то, что историческая послѣдовательность, въ своихъ главныхъ чертахъ, была необходимою, такъ и то, что причины, опредѣлявшія ея, вліяютъ и на ребенка точно также какъ и на расу. Не перечисляя подробно этихъ причинъ достаточно будетъ указать здѣсь, что, такъ какъ умъ человѣчества, окруженный явленіями, которыя онъ стремился постигнуть, послѣ безконечныхъ сравненій, размышленій, опытовъ и теорій, дошелъ, наконецъ, до своего настоящаго знанія предметовъ, то мы можемъ изъ этого весьма разумно заключить, что родство между умомъ и явленіями таково, что не допускаетъ достигнуть этого знанія инымъ путемъ; а такъ какъ умъ каждаго ребенка состоитъ въ томъ же родствѣ съ явленіями, то доступъ и къ нимъ возможенъ только тѣмъ же путемъ. Поэтому въ опредѣленіи вѣрнаго метода воспитанія намъ поможетъ изслѣдованіе цивилизаціи.

5. Одно изъ заключеній, къ которымъ приводитъ подобное изслѣдованіе, состоитъ въ томъ, что въ каждомъ отдѣлѣ образованія мы должны направляться отъ эмпирическаго къ

раціональному. При обще-человѣческомъ процессѣ, каждая наука развивалась изъ соотвѣтствующаго ей искусства. Изъ того, что мы поставлены въ необходимость, какъ индивидуально такъ и въ цѣломъ, достигать абстрактнаго конкретнымъ путемъ, слѣдуетъ, что практическое упражненіе и увиличивающаяся опытность, съ ея эмпирическими обобщеніями, должны предшествовать наукѣ. Наука есть организованное знаніе, а прежде чѣмъ знаніе можетъ быть организовано, оно должно быть пріобрѣтено. Изученіе каждаго предмета должно, поэтому, имѣть чисто экспериментальное вступленіе и только послѣ того, какъ накопится обширный запасъ наблюденій, должно начинаться разсужденіе. Для изъясненія примѣненія этого правила мы можемъ привести въ примѣръ новѣйшее обыкновеніе обучать прежде языку и потомъ грамматикѣ, а не наоборотъ или — изучать перспективы съ практическаго рисованія. Тотчасъ мы укажемъ и на дальнѣйшія примѣненія этого правила.

6. Второй выводъ изъ предъидущаго общаго принципа, на которомъ нельзя достаточно сильно настаивать, тотъ, что въ воспитаніи долженъ насколько возможно болѣе поощряться процессъ саморазвитія. Дѣтей слѣдуетъ побуж-

дать къ тому, чтобы они дѣлали собственныя изслѣдованія и выводили личныя заключенія. Имъ слѣдуетъ *говорить* какъ можно менѣе и доводить ихъ насколько возможно болѣе до *открытій*. Человѣчество шло впередъ единственно съ помощью самообразованія. И замѣчательные успѣхи само-образующихся людей постоянно доказываютъ, что для достиженія наилучшихъ результатовъ, каждый умъ долженъ развиваться по возможности тѣмъ же способомъ. Люди, воспитанные въ обыкновенной школьной рутинѣ и вынесшіе убѣжденіе, что только такого рода воспитаніе и возможно, найдутъ безнадежнымъ стараніе сдѣлать дѣтей ихъ собственными учителями. Если же они захотятъ подумать о томъ, что наиважнѣйшее знаніе окружающихъ предметовъ, получаемое ребенкомъ въ ранніе годы, пріобрѣтается безъ посторонней помощи—если они захотятъ вспомнить, что дитя само собою научается говорить на родномъ языкѣ—если они захотятъ оцѣнить ту сумму жизненной опытности, ту внѣ-школьную мудрость, которую каждый мальчикъ накопляетъ самъ для себя—если они захотятъ замѣтить ту необыкновенную понятливость, оставленнаго безъ всякаго присмотра лондонскаго gamin, которую онъ выказываетъ

всюду, на что бы ни употреблялись его способности—если затѣмъ они захотятъ подумать, сколько умовъ безъ всякой помощи выходили побѣдителями изъ борьбы нетолько съ тайнами нашей безразсудной системы, но со множествомъ другихъ препятствій, — то имъ не покажется безсмысленнымъ заключеніе, что если только предметы будутъ представлены въ надлежащемъ порядкѣ и видѣ, то всякій ученикъ съ самыми обыкновенными способностями постепенно преодолѣетъ всѣ затрудненія при весьма ничтожной помощи. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ слѣдить за безпрерывными наблюденіями, изслѣдованіями и выводами происходящими въ умѣ ребенка, или слушать его острыя замѣчанія о предметахъ, стоящихъ въ предѣлахъ его способностей, и не замѣчать, что если тѣ силы, которыя онъ проявляетъ будутъ систематически направлены на предметы, то онъ быстро постигнетъ ихъ безъ посторонней помощи? Необходимость безпрерывныхъ толкованій есть слѣдствіе нашей безтолковости, а не безтолковости ребенка. Мы отвлекаемъ его отъ фактовъ, которые его занимаютъ и которые онъ дѣятельно усвоиваетъ самъ собою. Мы предлагаемъ ему факты, слишкомъ сложные для его пониманія и потому

непріятные для него. Увидѣвъ, что онъ не хочетъ добровольно пріобрѣсть эти факты, мы вбиваемъ ихъ въ его голову силою угрозъ и наказаній. Такимъ образомъ, отказывая ему въ томъ знаніи, къ которому онъ стремится, и начиняя его такимъ, котораго онъ не въ силахъ переварить, мы приводимъ его способности въ болѣзненное состояніе, а вслѣдствіе этого отвращаемъ его и отъ знанія вообще. Когда же, частью — вслѣдствіе причиненой нами глупой лѣни, частью вслѣдствіи того, что занятія продолжаютъ быть не по силамъ, ребенокъ ничего не въ состояніи понять безъ объясненій и дѣлается пассивнымъ пріемникомъ нашего ученія, то мы заключаемъ, что воспитаніе необходимо должно идти такимъ образомъ. Причинивъ своимъ методомъ безпомощность, мы утверждаемъ, что нашъ методъ необходимъ при этой безпомощности. Отсюда ясно, что опытность педагоговъ не можетъ служить опроверженіемъ защищаемой нами системы. И кто пойметъ это, тотъ убѣдится, что мы безопасно можемъ слѣдовать во всемъ дисциплинѣ природы—можемъ, при искусномъ веденіи дѣла, довести умъ до такого же постояннаго саморазвитія и въ позднѣйшемъ періодѣ, какое встрѣчается въ раннихъ годахъ,—

и что поступая только такимъ образомъ, мы можемъ породить высшую силу и дѣятельность.

7. Послѣднимъ мѣриломъ при оцѣнкѣ какого нибудь плана образованія, является вопросъ— производитъ ли онъ пріятное впечатлѣніе на учениковъ? При малѣйшемъ сомнѣніи согласуется ли извѣстный способъ или порядокъ съ предъидущими принципами, или нѣтъ, мы смѣло можемъ положиться на этотъ критерій. Даже въ томъ случаѣ, когда съ теоричиской точки зрѣнія предлагаемый курсъ покажется намъ наилучшимъ, мы отвергнемъ его, если онъ не занимателенъ, или менѣе занимателенъ чѣмъ другіе, потому что интеллектуальные инстинктивы ребенка надежнѣе нашихъ разсужденій. Въ отношеніи познавательныхъ способностей, мы можемъ смѣло положиться на общій законъ, что при нормальныхъ условіяхъ, здравая дѣятельность доставляетъ удовольствіе, а та, которая причиняетъ страданіе не можетъ быть здравою. Хотя въ настоящее время природа душевныхъ движеній далеко не вполнѣ подчиняется этому закону, однако умственная природа, или покрайней мѣрѣ тѣ ея стороны, которыя проявляются въ дѣтяхъ, находятся почти въ полномъ согласіи съ нимъ. Отвра-

щеніе къ тому или другому занятію, которое огорчаетъ обыкновеннаго учителя, не врожденно, а проистекаетъ изъ его нелѣпой системы. Фелленбергъ говоритъ, „опытъ научилъ меня, что лѣнь въ молодыхъ людяхъ до такой степени прямо противоположна ихъ естественной склонности къ дѣятельности, что если она не есть слѣдствіе дурнаго воспитанія, то почти всегда связана съ какимъ нибудь органическимъ порокомъ“. А самопроизволная дѣятельность, къ которой такъ склонны дѣти есть просто стремленіе къ удовольствію доставляемому здравымъ упражненіемъ ихъ способностей. Правда, что нѣкоторыя изъ высшихъ умственныхъ силъ, которыя до сихъ поръ мало развиты въ человѣчествѣ и которыми отъ природы одарены въ значительной степени только самыя передовыя личности, уклоняются отъ тѣхъ усилій, которыя отъ нихъ требуются. Но они, въ силу ихъ сложности, при нормальномъ образованіи, будутъ упражняться послѣдними и поэтому на нихъ не будутъ возлагаться никакія требова- до тѣхъ поръ, пока ученикъ достигнетъ того возраста, когда могутъ быть приведены въ дѣйствіе отдаленныя побудительныя причины, а косвенное удовольствіе будетъ способно преодолѣвать прямое неудовольсвтіе. Во всѣхъ же

другихъ способностяхъ стоящихъ ниже этихъ, нормальнымъ стимуломъ служитъ непосредственное наслажденіе, слѣдующее за дѣятельностью и при хорошемъ надзорѣ это единственно необходимый стимулъ. Если намъ приходится прибѣгать къ какому нибудь другому, то мы должны считать это за доказательство того, что мы находимся на ложномъ пути. Опытъ съ каждымъ днемъ съ большею очевидностью доказываетъ намъ, что всегда долженъ быть найденъ такой методъ, который былъ бы нетолько занимательнымъ, но даже доставлялъ наслажденіе и всегда окажется, что этотъ методъ вѣренъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Для большинства эти руководящіе принципы будутъ имѣть небольшое значеніе, если ихъ оставить въ этой отвлеченной формѣ. Поэтому, чтобы изъяснить примѣрами примѣненіе ихъ, отчасти же съ цѣлью дать нѣкоторые особые совѣты, мы предлагаемъ теперь перейти отъ теоріи воспитанія къ ея практикѣ.

Мнѣніе, что воспитаніе всякаго рода должно начинаться съ колыбели, было высказано Песталоцци и съ тѣхъ поръ постоянно поддерживалось. Кто внимательно наблюдалъ, какъ пристально, широко раскрывъ глаза, смотритъ младенецъ на окружающіе предметы, тому хо-

ропо извѣстно, что воспитаніе *начинается* уже съ этого возраста и что схватываніе пальцами и сосаніе всѣхъ вещей, которыя онъ можетъ захватить, это прислушиваніе къ каждому звуку съ открытымъ ртомъ, составляютъ первыя ступени того ряда, который заканчивается открытіемъ невидимыхъ планетъ, изобрѣтеніемъ числительныхъ машинъ, великими произведеніями живописи или композиціей симфоній и оперъ. Такъ какъ эта дѣятельность способностей съ самыхъ первыхъ дней самопроизвольна и неизбѣжна, весь вопросъ состоитъ въ томъ, должны ли мы доставлять достаточно разнообразные матеріалы, на которыхъ эти способности могли бы упражняться сами собою? На поставленный такимъ образомъ вопросъ только и можно отвѣчать утвердительно. Однако, какъ мы уже говорили: принятіе теоріи Песталоцци не должно вести за собою принятія его практическихъ пріемовъ. Возьмемъ для примѣра слѣдующій случай. Трактуя объ обученіи складамъ, онъ говоритъ:—

„Азбука дожна заключать въ себѣ всѣ звуки языка и изученіе ихъ должно начинаться въ каждомъ семействѣ съ младенчества. Дитя, которое учится азбукѣ, должно бы повторять эти звуки младенцу въ колыбели, прежде чѣмъ онъ

будетъ способенъ произносить ихъ, для того, чтобы съ помощью повторенія они могли твердо запечатлѣться въ его памяти.“

Сопоставивъ это разсужденіе съ совѣтами относительно „метода дѣтской“, изложенными въ его „Руководствѣ для матерей“, гдѣ онъ для первыхъ уроковъ предлагаетъ названія, положенія, связь, число, свойства и употребленіе членовъ тѣла, становится очевиднымъ, что Песталоцци имѣлъ слишкомъ незрѣлое понятіе о раннемъ умственномъ развитіи, и потому не могъ предложить разумнаго плана. Разсмотримъ порядокъ, который предписывается психологіею.

Первыя впечатлѣнія, которыя можетъ усвоить умъ состоятъ изъ неразлагаемыхъ ощущеній, производимыхъ сопротивленіемъ, свѣтомъ, звукомъ, и т. д. Ясно, что разлагаемыя состоянія сознанія немогутъ существовать прежде самаго сознанія, изъ котораго они слагаются, Понятіе о формѣ не можетъ существовать безъ знакомства со степенями и свойствами свѣта, или съ различною силою сопротивленія; потому что, какъ извѣстно, мы познаемъ видимую форму посредствомъ измѣненій свѣта, а осязаемую форму посредствомъ измѣненій сопротивленія. Подобно этомуже, невозможно познаніе со-

ставнаго звука, пока неизвѣстны простые звуки, изъ которыхъ онъ составляется. Такъ должно быть и въ другихъ случаяхъ. И такъ, слѣдуя необходимому закону прогрессивнаго перехода отъ простаго къ сложному, мы должны доставлять ребенку достаточное количество предметовъ, представляющихъ различныя степени и роды сопротивленія, достаточное количество предметовъ, отражающихъ свѣтъ въ его различной силѣ и съ его различными свойствами, достаточное количество звуковъ, различающихся въ силѣ, тонѣ и *тэмбрѣ*. До какой степени это апріористическое заключеніе подтверждается дѣтскими инстинктами, будетъ очевидно для всѣхъ, кто вспомнитъ съ какимъ наслажденіемъ каждое дитя разгрызаетъ свои игрушки, ощупываетъ блестящія пуговицы на курткѣ брата и дергаетъ за усы отца — какъ онъ углубляется въ разсматриваніе ярко раскрашеннаго предмета, который онъ называетъ „красивымъ,“ если можетъ выговорить это слово единственно по яркости его красокъ — и какъ лице его расширяется въ улыбку при болтовнѣ няни, щельканьѣ пальцами гостя, или при звукѣ, который онъ прежде не слышалъ. Къ счастью, обыкновенныя занятія въ дѣтской значительно удовлетворяютъ этой ранней потреб-

ности воспитанія. Многое, однако, предстоитъ еще выполнить и то, что остается сдѣлать— важнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Каждая способность во время самопроизвольной дѣятельности, сопровождающей ея развитіе, воспринимаетъ болѣе живыя впечатлѣнія, чѣмъ во всякій другой періодъ. Сверхъ того, такъ эти простѣйшія начальныя знанія должны быть пріобрѣтены, и такъ какъ для этихъ знаній, когда бы оно ни пріобрѣталось, необходимо время то мы должны сберегать его, употребляя первые годы дѣтства, когда не возможна никакая другая умственная дѣятельность, на полное ознакомленіе съ этими началами во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ. Не слѣдуетъ упускать и того факта, что вслѣдствіе постояннаго удовлетворенія, происходящаго отъ надлежащаго количества впечатлѣній, которыя каждый ребенокъ воспринимаетъ съ такою жадностью, усовершенствуется какъ характеръ такъ и здоровье его. Весьма полезно было бы дать здѣсь нѣкоторые совѣты относительно болѣе систематическаго содѣйствія этимъ простѣйшимъ понятіямъ. Но такъ какъ объемъ нашего сочиненія не дозволяетъ намъ этого, то мы должны удовольствоваться указаніемъ на то, что подобное содѣйствіе, признавая общій законъ раз-

витія отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, должно основываться на томъ заключеніи, что при развитіи каждой способности прежде всего познаются наиболѣе противоположныя впечатлѣнія; что поэтому прежде всего должны доставляться звуки, наиболѣе различающіеся по сильности и тонѣ, цвѣта, наиболѣе противоположные между собою и вещества наиболѣе несходныя по твердости и составу и что во всѣхъ случаяхъ переходъ къ болѣе сходнымъ впечатлѣніямъ долженъ совершаться постепенно.

Переходя къ наглядному обученію, которое, очевидно, составляетъ естественное продолженіе первоначальнаго упражненія внѣшнихъ чувствъ, слѣдуетъ замѣтить, что та система, которой обыкновенно придерживаются находится въ полномъ несогласіи съ методомъ природы, какъ онъ проявляется въ дѣтствѣ, въ зрѣломъ возрастѣ и въ ходѣ всей цивилизаціи. „Ребенку“, говоритъ г. Марсель, „должно *показывать*, въ какомъ отношеніи находятся всѣ части предмета, и т. д.“; а въ различныхъ руководствахъ для нагляднаго обученія подробно перечисляются факты, которые должны быть *сообщены* ребенку относительно каждаго, показываемаго ему предмета. Между тѣмъ, довольно

одного взгляда на ежедневную жизнь ребенка, чтобы увидѣть, что свѣдѣнія о предметахъ, которыя пріобрѣтаются прежде умѣнья говорить, пріобрѣтаются сами собою — что свойства твердости и вѣса, соединенныя съ извѣстными явленіями, особая наружность и цвѣтъ извѣстныхъ личностей, особые звуки, издаваемые животными извѣстнаго вида, все это— явленія, которыя ребенокъ замѣчаетъ самъ. Точно также и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, за отсутствіемъ учителей, наблюденія и выводы, постоянно необходимые для руководства, должны исполняться безъ посторонней помощи и успѣхъ въ жизни зависитъ отъ той точности и полноты, съ какою они исполняются. Вѣроятно послѣ этого, чтобы періодъ развитія между дѣтствомъ и возмужалостью требовалъ противоположнаго процесса, когда этотъ процессъ проявляется какъ въ развитіи всего человѣчества вообще, такъ и въ ребенкѣ и въ взросломъ, да къ тому же въ такихъ простыхъ вещахъ, какъ знакомство съ свойствами предметовъ? Не очевидно ли, что одного и того же метода слѣдуетъ придерживаться всегда? И не предписывается ли безпрерывно этотъ методъ природою, если бы у насъ достало ума, чтобы понять, и покорности чтобы принять его? Что можетъ быть очевиднѣе

стремленія дѣтей къ умственной симпатіи? Замѣтьте, какъ дитя, сидя у васъ на колѣняхъ, суетъ вамъ въ лице игрушки, чтобы вы также могли видѣть ихъ. Посмотрите на ребенка, когда онъ скрипитъ своимъ мокрымъ пальцемъ по столу, какъ онъ оборачивается и нѣсколько разъ поглядываетъ на васъ, какъ бы говоря— „послушайте этотъ новый звукъ". Посмотрите на дѣтей постарше, какъ они вбѣгаютъ въ комнату, восклицая—„мама, посмотри, какая это вещь", „мама, посмотри на это, посмотри на то", и привычку эту они никогда не оставили бы, еслибы не разумная мать не запретила имъ безпокоить себя. Замѣтьте, что когда дѣти гуляютъ съ няней, то каждый подбѣгаетъ къ ней съ новымъ цвѣткомъ, который сорветъ, чтобы показать какой онъ красивый и чтобы и ее также заставить сказать, что цвѣтокъ красивъ. Прислушайтесь, какъ бойко каждый мальчикъ описываетъ всякую новость, которую онъ увидитъ; если только найдется человѣкъ, который будетъ его слушать со вниманіемъ. Не обнаруживается развѣ выводъ самъ собою? Не ясно ли, что мы должны сообразовываться въ своемъ образѣ дѣйствій съ этими умственными инстинктами—что мы должны только приводить въ систему естественный процессъ—что

мы должны выслушивать все, что намъ станетъ говорить ребенокъ о каждомъ предметѣ; должны побуждать его, чтобы онъ высказывалъ все, что можетъ думать о такомъ то предметѣ; должны при случаѣ обращать его вниманіе на факты, которые онъ еще не замѣчалъ, для того, чтобы онъ могъ замѣтить ихъ самъ, если они когда нибудь повторятся; должны непрерывно мало по малу указывать или доставлять ему новые ряды предметовъ для подобнаго же подробнаго изслѣдованія? Замѣтьте какимъ способомъ, основываясь на этомъ методѣ, благоразумная мать ведетъ свои уроки. Мало по малу она знакомитъ своего маленькаго сына съ названіями самыхъ простыхъ свойствъ, твердости, мягкости, цвѣта, вкуса, размѣровъ: поступая такимъ образомъ, она видитъ, что онъ усердно помогаетъ ей, принося ей то одну вещь, чтобы она могла посмотрѣть, что она краснаго цвѣта, то другую, чтобы она могла осязать ея твердость—по мѣрѣ того, какъ научается отъ нея названіямъ этихъ свойствъ. Каждое прибавочное свойство, на которое она указываетъ ему въ каждомъ новомъ предметѣ, который онъ приноситъ ей, она старается привести въ связь съ свойствами, ему уже извѣстными; для того, чтобы онъ, вслѣдствіе естественнаго стремленія къ подражанію,

могъ привыкнуть повторять ихъ одно за другимъ. Мало по малу, когда случится, что онъ не назоветъ одного или нѣсколькихъ свойствъ, съ которыми онъ уже ознакомился, она вводитъ обыкновеніе распрашивать его не можетъ ли онъ еще чего нибудь сказать объ извѣстномъ ему предметѣ. Можетъ быть онъ не пойметъ вопроса. Тогда, оставивъ его на нѣкоторое время въ замѣшательствѣ, она объяснитъ ему и можетъ быть посмѣется немного надъ его затрудненіемъ. Послѣ повторенія подобныхъ опытовъ онъ понимаетъ, чего отъ него требуютъ. Когда въ слѣдующій разъ она говоритъ ему, что она знаетъ болѣе о предметѣ, чѣмъ онъ сказалъ ей, самолюбіе его затронуто; онъ внимательно разсматриваетъ предметъ; припоминаетъ все, что онъ слышалъ и если задача не трудная, онъ быстро разрѣшаетъ ее. Онъ вполнѣ радуется своему успѣху, и мать сочувствуетъ ему. Какъ и всякій ребенокъ, онъ радуется открытію своихъ способностей. Онъ желаетъ дальнѣйшихъ побѣдъ, старается узнать болѣе предметовъ, о которыхъ онъ могъ бы разсказать ей. Въ то время какъ развиваются его способности она прибавляетъ одно качество за другимъ къ его списку: переходя постепенно отъ твердости и мягкости, къ шероховатости и гладкости, отъ

цвѣта къ лоску, отъ простыхъ тѣлъ къ сложнымъ—постоянно усложняетъ, такимъ образомъ, задачи по мѣрѣ того, какъ изощряются его способности, постоянно все болѣе и болѣе напрягаетъ его вниманіе и память, постоянно поддерживаетъ въ немъ интересъ, доставляя ему новыя впечатлѣнія какія только можетъ усвоить его умъ и постоянно награждаетъ его побѣдами надъ тѣми трудностями, которыя онъ можетъ преодолѣть. Поступая такимъ образомъ, она, очевидно, только продолжаетъ тотъ самопроизвольный процессъ, который совершался еще въ самый ранній періодъ—содѣйствуетъ только саморазвитію, и тѣмъ именно способомъ, какой внушается ей инстинктивными поступками сына. Очевидно также, что принятый ею способъ наиболѣе пригоденъ для развитія привычки основательнаго наблюденія, въ чемъ состоитъ главная цѣль этого обученія. *Разсказывать* ребенку то и *показывать* другое, не значитъ научать его наблюдать, а только дѣлать его преемникомъ наблюденій другихъ: такое веденіе дѣла скорѣе ослабляетъ чѣмъ укрѣпляетъ его способности къ самообразованію —. лишаетъ его тѣхъ удовольствій, которыя доставляются успѣшною дѣятельностью—обращаетъ это наиболѣе занимательное знаніе въ формальное ученіе—и

такимъ образомъ порождаетъ то равнодушіе и даже отвращеніе, которое нерѣдко питаютъ дѣти къ наглядному обученію. Съ другой стороны, слѣдовать выше описаному способу, значитъ доставлять уму свойственную ему пищу; присоединять къ умственнымъ стремленіямъ ихъ естественныхъ помощниковъ—самолюбіе и потребность симпатіи и соединеніемъ этимъ возбуждать напряженную внимательность, которая ведетъ къ живому и полному знанію, а также съ самаго начала пріучать умъ къ самодѣятельности, которая необходима ему и въ послѣдующей жизни.

Наглядное обученіе должно не только исполняться способомъ совершенно отличнымъ отъ общепринятаго, но должно распространяться на гораздо болѣе обширный разрядъ предметовъ и продолжаться гораздо дольше, чѣмъ теперь. Оно не должно ограничиваться содержаніемъ дома, но должно включать въ себя и то, что встрѣчается на поляхъ и изгородяхъ, каменоломняхъ и морскихъ берегахъ. Оно не должно прекращаться съ первыми годами дѣтства, но продолжаться и въ юношествѣ, чтобы потомъ незамѣтно перейти въ изслѣдованія натуралистовъ и ученыхъ. Тутъ опять должны идти по тому направленію, которое указываетъ

намъ природа. Можно ли видѣть бо̀льшую радость, чѣмъ та, которая выказывается дѣтьми, когда они срываютъ незнакомые имъ цвѣты и наблюдаютъ за новымъ насѣкомымъ; или собираютъ камни и раковины? И кто при этомъ не замѣчаетъ, что если выказать имъ сочувствіе, то можно побудить ихъ къ нѣкоторому изслѣдованію свойствъ и строенія этихъ вещей? Каждый ботаникъ, котораго сопровождали дѣти по полямъ и лѣсамъ долженъ былъ замѣтить съ какою готовностью раздѣляли они его труды, какъ жадно отыскивали они для него растенія, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили они за тѣмъ, какъ онъ разсматривалъ эти растенія, какъ осыпали они его вопросами. Основательный послѣдователь Бэкона—„слуга и толкователь природы“, увидитъ, что намъ необходимо покорно принять столь ясно указываемый намъ способъ культуры. Ознакомившись съ простѣйшими свойствами неорганическихъ предметовъ, дитя должно тѣмъ же самымъ путемъ доходить до подробнаго разсмотрѣнія вещей, которыя онъ собираетъ при своихъ ежедневныхъ прогулкахъ — прежде всего должны разсматриваться только наименѣе сложные факты: въ растеніяхъ—цвѣтъ, число и форма лепестковъ

и форма стеблей и листьевъ; въ насѣкомыхъ— число крыльевъ и ногъ, усики и цвѣтъ. Когда это будетъ вполнѣ извѣстно и прочно усвоено, могутъ постепенно раскрываться и дальнѣйшіе факты: въ одномъ случаѣ, число тычинокъ и пестиковъ, форма цвѣтковъ, ихъ лучевая или двусторонняя симметрія, расположеніе и характеръ листьевъ, супротивные ли они или поперемѣнные, черешковые или сидячіе, гладкіе или шереховатые, зазубренные или зубчатые; въ другомъ, — раздѣленіе тѣла, части брюшной полости, мѣтки на крыльяхъ, число суставовъ въ ногахъ и форма болѣе мелкихъ органовъ. Такая система, если слѣдовать ей во всемъ, ведетъ къ тому, что ребенокъ будетъ гордиться тѣмъ, что въ состояніи разсказать о каждомъ найденномъ имъ предметѣ все, что только возможно о немъ сказать. Далѣе, когда ребенокъ достигнетъ соотвѣтствующаго возраста, можно, въ видѣ поощренія, доставить ему средства сохраненія этихъ растеній, столь занимательныхъ теперь для него въ силу тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ пріобрѣлъ о нихъ; затѣмъ, въ видѣ еще большей награды, можно снабдить его снарядомъ для храненія личинокъ нашихъ обыкновенныхъ бабочекъ и мотыльковъ во время ихъ превращеній—это занятіе, какъ мы

можемъ лично засвидѣтельствовать, доставляетъ большое наслажденіе и съ жаромъ продолжается многіе годы, а въ соединеніи съ составленіемъ энтомологической коллекціи придаетъ большое значеніе субботнимъ послѣобѣденнымъ экскурсіямъ, и служитъ лучшимъ введеніемъ къ узученію физіологіи.

Мы вполнѣ увѣрены, что многіе скажутъ намъ, что все это ведетъ только къ потерѣ времени и силы, что гораздо полезнѣе заставлять дѣтей переписывать прописи или учить денежному счету и такимъ образомъ подготовлять ихъ къ практической жизни. Мы сожалѣемъ, что до сихъ поръ господствуетъ такое грубое воззрѣніе на задачу воспитанія и такое узкое понятіе о пользѣ. Не говоря ничего о необходимости систематической культуры мыслительной способности и о значеніи вышеозначенныхъ занятій, какъ содѣйствующихъ этой культурѣ—мы готовы защищать ихъ ради того знанія, которое съ помощью ихъ достигается. Если бы люди должны были быть только чиновниками, только счетоводами, безъ всякаго понятія о вещахъ, не входящихъ въ ихъ ремесла—если бы достаточно было походить на тѣхъ ротозѣевъ, которые считаютъ высшимъ сельскимъ удовольствіемъ сидѣть въ

увеселительномъ саду, куря трубки и распивая портеръ, или на тѣхъ господъ, которые смотрятъ на лѣса, какъ на мѣста для охоты, на дикія растенія, какъ на сорную траву и подраздѣляютъ животныхъ на дичь, гады и домашнія животныя — въ такомъ случаѣ, конечно, безполезно всякое знаніе, не ведущее непосредственно къ наполненію денежныхъ ящиковъ и кладовыхъ. Если же существуетъ болѣе достойная цѣль, чѣмъ быть поденщиками—если возможно иное употребленіе окружающихъ насъ вещей, чѣмъ извлеченіе изъ нихъ денегъ, — если должны упражняться болѣе высокія способности, чѣмъ страсть къ пріобрѣтенію и чувственность — если удовольствія, доставляемыя поэзіею, искусствомъ, наукою и философіею, имѣютъ какое нибудь значеніе,—то поощреніе инстиктивной склонности каждаго ребенка къ наблюденію природныхъ красотъ и изслѣдованію естественныхъ явленій весьма желательно. Что касается до того грубаго утилитаризма, который довольствуется появленіемъ на свѣтъ и оставленіемъ его, не зная, что это за свѣтъ и что въ немъ заключается, то онъ можетъ быть пораженъ на своей собственной почвѣ. Мало по малу будетъ признано, что знаніе законовъ жизни важнѣе вся-

каго другаго знанія — что жизненнымъ законамъ подчиняются не только всѣ тѣлесные и умственные процессы, но косвеннымъ путемъ и всѣ событія дома и внѣ дома, вся торговля, политика и нравственность — и что поэтому безъ пониманія ихъ не можетъ регулироваться ни личный, ни соціальный образъ дѣйствія. Люди поймутъ также современемъ, что жизненные законы въ сущности одни и тѣже для всего органическаго міра и что они не могутъ быть вполнѣ поняты въ ихъ сложныхъ проявленіяхъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ изучены въ простѣйшихъ. Вмѣстѣ съ этимъ будетъ также понято и то, что помогая ребенку пріобрѣтать свѣдѣнія, къ которымъ онъ такъ сильно стремится и поощряя его къ пріобрѣтенію свѣдѣній впродолженіи всего юношества, мы только содѣйствуемъ ему въ накопленіи сырого матеріала, который впослѣдствіи долженъ быть организованъ,—въ накопленіи фактовъ, которые когда нибудь приведутъ его къ тѣмъ великимъ обобщеніямъ науки, которыя могутъ правильно руководить дѣйствіями.

То, что рисованіе признается многими однимъ изъ элементовъ воспитанія, есть одинъ изъ признаковъ, что въ настоящее время начинаетъ устанавливаться болѣе раціональный

взглядъ на умственную культуру. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что учителя начинаютъ наконецъ слѣдовать тому пути, который постоянно указывала имъ природа. Всѣмъ извѣстны самопроизвольныя попытки дѣтей изображать людей, дома, деревья и животныхъ, какія они встрѣчаютъ, на аспидной доскѣ, если у нихъ нѣтъ ничего лучшаго, или карандашемъ на бумагѣ, если имъ удастся выпросить ихъ. Разсматриваніе книгъ съ картинами — одно изъ лучшихъ удовольствій для нихъ, а сильная склонность къ подражанію всегда порождаетъ въ нихъ желаніе самимъ рисовать картины. Это стараніе изобразить наиболѣе выдающіеся предметы есть дальнѣйшее инстиктивное упражненіе понятій и ведетъ къ еще болѣе точному и полному наблюденію. Точно также, стараніемъ заинтересовать насъ своими открытіями ощутительныхъ свойствъ предметовъ и своими попытками рисовать они указываютъ намъ, какого именно рода занятія имъ наиболѣе необходимы.

Еслибы учителя руководствовались внушеніями природы, не только въ признаніи рисованія частью воспитанія, но и въ выборѣ способовъ преподаванія его, они достигали бы лучшихъ результатовъ. Что ребенокъ пытается изо-

бразить прежде всего? Наиболѣе крупные предметы, заманчиво окрашенные, предметы, около которыхъ наиболѣе группируются его пріятныя воспоминанія; людей, которые такъ часто были причиною его душевныхъ движеній; коровъ и собакъ, занимательныхъ по тѣмъ явленіяхъ, которыя съ ними связаны; дома, которые онъ ежечасно видитъ и которые поражаютъ своими размѣрами и несходствомъ частей. А который изъ процессовъ изображенія доставляетъ ему наибольшее наслажденіе? Раскрашиваніе. Бумага и карандашъ хороши за недостаткомъ чего нибудь лучшаго; ящикъ съ красками и кисточка—вотъ его сокровища. Рисованіе контуровъ тотчасъ дѣлается второстепенною вещью—и исполняется главнымъ образомъ для того, чтобы было, что разкрасить. Если же ему будетъ дозволено раскрашивать тетрадь съ гравюрами, какое это будетъ наслажденіе! Какъ бы подобный порядокъ ни былъ смѣшонъ, по мнѣнію учителей рисованія, которые отодвигаютъ раскрашиваніе на послѣднее мѣсто и которые учатъ рисовать съ моделей, прибѣгая къ скучной дисциплинѣ копированія линій, мы полагаемъ, что порядокъ указанный нами и есть именно тотъ, котораго слѣдуетъ придерживаться. Преимущество краски надъ формою,

какъ уже мы доказали, имѣетъ психологическое основаніе и должно быть признано съ самаго начала. Точно также съ самаго начала должны предлагаться для рисованія только реальные предметы. Это удовольствіе, доставляемое красками не только дѣтямъ, но часто и взрослымъ впродолженіе всей жизни, должно непрерывно служить естественнымъ стимуломъ къ изученію сравнительно трудной и непривлекательной формы: пріятность послѣдующаго окрашиванія должна считаться будущею наградою за труды, приложенные къ черченію. Должно поощряться и стараніе изображать занимательные предметы съ тѣмъ убѣжденіемъ, что какъ скоро, съ увеличеніемъ опытности, сдѣлаются интересными болѣе простые и обыкновенные предметы ребенокъ будетъ срисовывать и ихъ и что такимъ образомъ рисоаніе его будетъ постепенно все болѣе и болѣе приближаться къ дѣйствительности. Крайняя неопредѣленность этихъ первыхъ попытокъ, вполнѣ сообразная съ закономъ развитія, не можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы мы отворачивались отъ нихъ. Нужды нѣтъ, что краски намазаны. Вопросъ не въ томъ, производитъ ли ребенокъ хорошіе рисунки, а въ томъ, развиваются ли его способности. Прежде

всего ему надобно научиться владѣть пальцами, пріобрѣсти нѣкоторое понятіе о сходствѣ, а при такомъ упражненіи лучше всего достигается эта цѣль, такъ какъ оно самопроизвольно и занимательно. Въ первые годы дѣтства невозможны формальные уроки рисованія. И такъ слѣдуетъ ли намъ отказывать въ содѣйствіи этимъ попыткамъ къ самообученію или обуздывать ихъ? Не должны ли мы поощрять ихъ и руководить ими, какъ нормальными упражненіями понятій и способности владѣть рукою? Позволяя имъ раскрашивать дешевую деревянную рѣзьбу или границы на простой ландкартѣ, мы можемъ не только развить въ нихъ способность различенія цвѣтовъ, но при случаѣ, можемъ нѣсколько ознакомить ихъ съ очертаніями предметовъ и странъ и научить искусно владѣть кистью, а доставляя имъ заманчивыя предметы, мы можемъ поддерживать въ нихъ инстинктивную привычку составлять изображенія хотя-бы и плохія и въ концѣ концовъ, когда наступитъ время уроковъ рисованія, мы непремѣнно замѣтимъ легкость, которая иначе была бы немыслима. Будетъ выиграно время и какъучитель такъ и ученикъ будутъ избавлены отъ излишнихъ трудовъ.

Изъ всего сказаннаго легко заключить, что

мы осуждаемъ обыкновеніе рисовать съ моделей и еще болѣе ту формальную дисциплину черченія прямыхъ, кривыхъ и смѣшанныхъ линій, съ которой начинаютъ многіе учителя. Мы сожалѣемъ, что Общество Искусствъ, въ ряду руководствъ къ „Первоначальному изученію искусствъ", высказало недавно свое одобреніе элементарному рисовальному альбому, книгѣ, въ принципѣ самой нелѣпой, какую мы когда либо видѣли. Мы говоримъ о трудѣ Джонъ Белля, скульптора („Outline from Oue,tlin or from the Flat"). Какъ объясняется въ предисловіи, изданіе имѣетъ въ виду „изложить учащемуся простой, тѣмъ неменѣе логическій способъ обученія" и съ этою цѣлью предлагаетъ, со множествомъ другихъ, слѣдующія опредѣленія:

„Простая линія въ рисованіи есть тонкая черта, проведенная отъ одной точки къ другой.

„Линіи, по своимъ свойствамъ въ рисункахъ, могутъ раздѣляться на два класса, на:

„1. *Прямыя линіи*, или черты, проходящія самый короткій путь между двумя точками, какъ напр. A B";

„2. и *Кривыя*, или черты, не проходящія самый короткій путь между двумя точками, какъ напр. C D".

Затѣмъ слѣдуетъ постепенный переходъ къ горизонтальнымъ, перпендикулярнымъ и косвеннымъ линіямъ, къ различнаго рода угламъ и разнообразнымъ фигурамъ, образующимся изъ угловъ и линій. Въ короткихъ словахъ, это сочиненіе есть грамматика формъ съ упражненіями. И такимъ образомъ система начинанія съ сухаго анализа элементовъ, признанная негодною при обученіи языка, должна возстановиться въ обученіи рисованія. Мы должны начинать съ опредѣленнаго, вмѣсто неопредѣленнаго. Абстрактное предшествуетъ конкретному. Научныя понятія ставятся раньше эмпирическихъ опытовъ. Намъ едва-ли нужно повторять, что это есть извращеніе нормальнаго порядка. Справедливо было замѣчено о привычкѣ начинать изученіе языка съ заучиванія частей рѣчи и ихъ значенія, что она настолько же благоразумна какъ еслибы вздумали предварять искусство ходьбы курсомъ лекцій о костяхъ, мускулахъ и нервахъ ногъ; тоже самое можно сказать и о предложеніи предварять искусство изображенія предметовъ номенклатурою опредѣленій линій, что достигается путемъ анализа. Эти техническія выраженія и отталкиваютъ и безполезны. Они съ самаго начала возбуждаютъ отвращеніе къ занятію,

и все это только изъ за того, что хотятъ учить тому, что при упражненіи узнается само собою. Подобно тому, какъ ребенокъ случайно узнаетъ значенія обыкновенныхъ словъ, безъ помощи словарей, изъ разговора, который онъ слышитъ, такъ же точно онъ при помощи замѣчаній о предметахъ и картинахъ, и своихъ рисунковъ скоро, и не только безъ всякихъ усилій, но даже съ удовольствіемъ, ознакомится съ научными терминами, столь таинственными и скучными для него, когда они преподаются въ началѣ.

Если необходимо нѣкоторое подчиненіе общимъ принципамъ воспитанія, изложеннымъ выше, то процессъ обученія рисованію долженъ во всемъ слѣдовать тѣмъ попыткамъ ранняго дѣтства, поощреніе которыхъ, какъ мы уже указали, столь полезно. Какъ скоро это добровольное упражненіе сообщитъ нѣкоторую твердость рукѣ и нѣкоторыя понятія о размѣрахъ, тотчасъ возникнетъ и неопредѣленная идея о тѣлѣ, какъ представляющемъ три измѣренія въ перспективѣ. Когда же, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ передать это явленіе на бумагѣ, будетъ пріобрѣтено довольно ясное понятіе о томъ, что должно быть сдѣлано и явится желаніе исполнить это, тогда—

съ помощью снаряда, употребляемаго при объясненіи перспективы, какъ науки — можетъ быть данъ первый урокъ эмпирической перспективы. Это покажется страннымъ, но опытъ понятенъ и интересенъ для каждаго мальчика и дѣвочки обыкновенныхъ дарованій. Установивъ предъ ученикомъ вертикально на столѣ стеклянную пластинку и, положивъ съ другой ея стороны книгу или иной простой предметъ, его просятъ, сохраняя одно и тоже положеніе глаза, ставить на стеклѣ чернильныя точки такъ, чтобы они совпадали съ углами видимаго сквозь стекло предмета. Затѣмъ предлагаютъ соединить эти точки линіями причемъ онъ замѣчаетъ, что линіи, которыя онъ проводитъ, совпадаютъ съ контурами предмета. Послѣ того, приложивъ къ обратной сторонѣ стекла листъ бумаги, онъ увидитъ, что проведенныя имъ линіи представляютъ предметъ, какъ онъ его видѣлъ. Онѣ не только кажутся ему изображающими предметъ, но онъ замѣчаетъ, что онѣ и должны изображать его, потому что онъ проводилъ ихъ согласно съ очертаніями предмета. Фактъ новъ и поразителенъ и показываетъ ребенку на опытѣ, что линіи извѣстныхъ протяженій, начерченныя на плоскости въ извѣстныхъ направленіяхъ,

могутъ изображать линіи другихъ протяженій и имѣющія иныя направленія въ пространствѣ. Послѣдовательно измѣняя положеніе предмета, мы дадимъ ему возможность замѣтить, какъ однѣ линіи укорачиваются и исчезаютъ, другія дѣлаются примѣтными и удлиняются. Мало по малу ему можно объяснить подобнымъ же образомъ видимую не параллельность параллельныхъ линій и всѣ главные факты перспективы. Если онъ пріученъ къ самодѣятельности, и если ему предложатъ, то онъ охотно, попытается нарисовать какой нибудь контуръ на бумагѣ, единственно съ помощью глаза, а этимъ скоро въ немъ пробудится желаніе, безъ посторонней помощи воспроизвести изображенія, на сколько возможно подобныя тѣмъ, которыя представлялись на стеклѣ. Такимъ образомъ, помимо безразсуднаго, механическаго упражненія въ копированіи съ другихъ рисунковъ, съ помощью метода простаго и въ тоже время занимательнаго — раціональнаго, хотя и не абстрактнаго—можетъ быть пріобрѣтено познаніе съ линейнымъ видомъ предметовъ и способа передачи ихъ. Ко всѣмъ этимъ выгодамъ прибавьте еще то, что такимъ путемъ, ученикъ уже въ раннемъ возрастѣ, почти незамѣтнымъ образомъ, усвои-

ваетъ истинную теорію изображеній (онъ узнáетъ, что изображеніе есть представленіе преметовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они являются на плоскости, поставленной между ними и глазомъ) и по достиженіи того возраста, когда можетъ быть начато изученіе научной перспективы, ему уже вполнѣ извѣстны тѣ факты, которые составляютъ ея логическое основаніе.

Для указанія раціональнаго способа передачи первыхъ понятій изъ геометріи, мы считаемъ за лучшее привести слѣдующій отрывокъ изъ сочиненія г. Вайза:

„Дитя пріучено употреблять кубы при урокахъ арифметики, пусть оно употребляетъ ихъ также и при начальной геометріи. Я началъ бы съ твердыхъ тѣлъ, противоположно общеупотребительному плану. Этимъ избѣгается вся трудность нелѣпыхъ опредѣленій и плохихъ объясненій о точкахъ, линіяхъ и поверхностяхъ, которыя—ничто иное какъ отвлеченности... Кубъ представляетъ многіе начальные элементы геометріи; на немъ видны и точки, и прямыя, и параллельныя линіи, углы, параллелограмы, и пр., и пр. Кубы могутъ раздѣляться на различныя части. Ученику уже извѣстны подобныя подраздѣленія нумераціи,

а теперь онъ переходитъ къ сравненію ихъ различныхъ частей, и къ сравненію отношеній между этими частями... Далѣе онъ доходитъ до шара, который доставляетъ ему возможность получить элементарныя понятія о кругѣ, о кривыхъ линіяхъ вообще и пр.

„Когда онъ достаточно ознакомится съ твердыми тѣлами, мы можемъ приступить къ плоскостямъ. Переходъ можетъ быть очень легокъ. Заставте, напримѣръ, ученика разрѣзать кубъ на тонкія пластинки и положить ихъ на бумагу, онъ увидитъ, что у него столько же плоскихъ прямоугольниковъ, сколько отдѣльныхъ частей; тѣмъ же способомъ могутъ быть сдѣланы и другія объясненія. Съ шарами можно поступать точно также, такимъ образомъ онъ увидитъ какъ дѣйствительно образуются поверхности, и будетъ въ состояніи легко указать ихъ въ каждомъ твердомъ тѣлѣ.

„Такъ онъ научился азбукѣ и геометріи. Теперь онъ переходитъ къ черченію.

„Самый простый способъ, а слѣдовательно и наилучшій для начала,—положить эти плоскости на бумагу и обвести ихъ карандашемъ. Послѣ многократныхъ повтореній этого, плоскость можно поставить на небольшомъ разстояніи и заставить ребенка срисовать ее и такъ далѣе„.

Послѣ того, какъ пріобрѣтется запасъ геометрическихъ свѣдѣній, приблизительно тѣмъ способомъ, какой рекомендуется г. Вайзомъ, дальнѣйшимъ шагомъ можетъ быть испытаніе правильности фигуръ, нарисованныхъ съ глазу: этимъ возбуждается желаніе составлять правильныя фигуры и въ тоже время скрашивается трудность выполненія этого желанія. Нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что геометрія (что, въ дѣйствительности, подразумѣвается и подъ этимъ словомъ) имѣетъ своимъ началомъ способы, придуманные ремесленниками и другими, для точнаго размѣренія фундаментовъ построекъ, площадей оградъ и тому подобное и что истины ея накоплялись единственно въ виду ихъ непосредственной пользы. Ученикъ долженъ знакомиться съ ними при подобныхъ же обстоятельствахъ. Нарѣзая кусочки для своихъ карточныхъ домовъ, рисуя украшенія для раскраски и, побуждаемый изобрѣтательнымъ учителемъ къ многочисленнымъ поучительнымъ занятіямъ, онъ можетъ, подобно первобытному строителю, съ выгодою употребить нѣкоторое время на экспериментальные способы. Такимъ образомъ онъ узнаетъ по опыту трудность достигнуть цѣли собственными силами. Когда же понятія ребенка достаточно

изощрятся, и онъ достигнетъ соотвѣтствующаго возраста для употребленія циркуля, несмотря на должную оцѣнку имъ этого орудія, какъ способствующаго ему провѣрять глазомѣрный разсчетъ, онъ все еще будетъ задрудняться несовершенствомъ результатовъ.. На этой ступени онъ можетъ оставаться нѣкоторое время: отчасти потому, что слишкомъ молодъ для того, чтобы идти далѣе, отчасти потому, что желательно, чтобы онъ еще сильные убѣдился въ необходимости систематическихъ соображеній. Если пріобрѣтеніе знанія должно непрерывно быть занимательнымъ и если на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи ребенка, какъ и на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи человѣчества, наука имѣетъ цѣну только какъ средство, служащее искусству, то очевидно, что лучшее введеніе въ геометрію — долгое упражненіе въ тѣхъ строительныхъ процессахъ, которые облегчаются геометріей. Замѣтьте, что и здѣсь путь указывается природою. Дѣти выказываютъ сильную склонность къ вырѣзыванію изъ бумаги, составленію и сооруженію различныхъ вещей—склонность эта, при поощреніи и руководствѣ, можетъ не только подготовить путь къ научнымъ планамъ, но и разовьетъ ловкость въ рукахъ которая недостаетъ у многихъ.

Когда наблюдательныя и изобрѣтательныя способности достигнутъ должной силы, ученикъ можетъ приступить къ эмперической геометріи, то есть — геометріи, занимающейся методическими разрѣшеніями, а не доказательствами ихъ. Подобно всѣмъ другимъ переходамъ въ воспитаніи и этотъ долженъ быть не формальнымъ, а случайнымъ и отношеніе къ строительному искусству должно все еще поддерживаться. Дѣланіе изъ папки, четырехъугранника, подобнаго тому, который дадутъ, будетъ задача, которая займетъ ученика и можетъ послужить удобнымъ исходнымъ пунктомъ. Приступая къ ней, онъ найдетъ необходимымъ нарисовать четыре равносторонніе треугольника въ особыхъ положеніяхъ. Будучи не въ состояніи сдѣлать ихъ правильно, за отсутствіемъ точного способа, онъ замѣтитъ, ставя треугольники въ ихъ относительныя положенія, что онъ не можетъ приладить ихъ стороны и что ихъ углы не сходятся въ вершинѣ. Теперь ему можно показать, какъ, начертивъ два круга, каждый изъ трехугольниковъ можетъ быть начерченъ совершенно правильно и безъ помощи догадокъ и послѣ своей неудачи онъ оцѣнитъ свѣдѣніе. Облегчивъ ему такимъ образомъ разрѣшеніе первой задачи, съ

цѣлью указать сущность геометрическаго метода, на слѣдующее время ему слѣдуетъ предоставить самому разрѣшать предлагаемые ему вопросы, какъ онъ съумѣетъ. Раздѣлить на двое линію, провести перпендикулярную линію, начертить квадратъ, раздѣлить на двое уголъ, нарисовать линію, параллельную данной другой, описать шестиугольникъ, все это задачи, которыя при нѣкоторомъ терпѣніи онъ будетъ въ состояніи рѣшить. Послѣ этого его можно постепенно подводить къ болѣе сложнымъ вопросамъ: каждый изъ которыхъ, при разумномъ веденіи дѣла, онъ разгадаетъ безъ посторонней помощи. Безъ сомнѣнія, многіе, воспитанные по старой системѣ, отнесутся скептически къ этому утвержденію. Мы говоримъ, однако, на основаніи фактовъ не рѣдкихъ и не исключительныхъ. Мы видѣли цѣлый классъ мальчиковъ, которые были столь заинтересованы разрѣшеніемъ подобныхъ задачъ, что они ожидали уроковъ геометріи, какъ главное событіе недѣли. Недавно мы слышали объ одной женской школѣ, въ которой нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ добровольно занимаются геометрическими вопросами внѣ классныхъ часовъ и о другой,—гдѣ онѣ не только занимаются этимъ, но одна изъ нихъ проситъ задавать ей задачи

для разрѣшенія ихъ во время праздниковъ. Оба эти факта мы приводимъ опираясь на авторитетъ учителя. Какія сильныя доказательства возможности и неизмѣримаго преимущества саморазвитія! Отрасль знанія, сухая и отталкивающая, когда ее преподаютъ общепринятымъ способомъ, такимъ образомъ, при слѣдованіи природному методу, становится крайне занимательною и въ высшей степени полезною. Мы говоримъ въ высшей степени полезною, потому что вліяніе ея не ограничивается пріобрѣтеніемъ геометрическихъ фактовъ, но часто производитъ переворотъ во всемъ умственномъ состояніи. Нерѣдко случалось, что тѣ, умъ которыхъ былъ притупленъ обыкновеннымъ школьнымъ ученіемъ—его отвлеченными формулами, его скучными уроками и долбней — внезапно развивались умственно, какъ только переставали быть пассивными пріемниками и побуждались къ тому, чтобы сдѣлаться дѣятельными открывателями. Послѣ того, какъ уныніе, вызванное плохимъ ученіемъ уменьшалось нѣкоторымъ сочувтсвіемъ и пробуждалось достаточная настойчивость въ достиженіи первыхъ успѣховъ—возникала бодрость духа, вліяющая на все существо. Они не считали себя болѣе неспособными; они тоже въ состояніи что ни-

будь сдѣлать. И постепенно, по мѣрѣ того какъ одинъ успѣхъ слѣдовалъ за другимъ, тягость отчаянія исчезала и они встрѣчали трудности другихъ знаній съ мужествомъ, которое обезпечивало побѣду.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ того, какъ были изданы въ первый разъ предъидущія замѣчанія, профессоръ Тиндаль, на лекціи въ Королевскомъ институтѣ „О важности изученія физики, какъ отрасли воспитанія“, привелъ нѣсколько убѣдительныхъ доводовъ въ пользу того же вопроса. Его свидѣтельство, основанное на личномъ наблюденіи, имѣетъ столь большое значеніе, что мы не можемъ удержаться, чтобы не привести его. Вотъ оно:

„Одною изъ обязанностей, выпавшихъ на мою долю, впродолженіе того періода, о которомъ я говорилъ, было преподаваніе одному классу математики и я обыкновенно замѣчалъ, что Евклидъ и вообще древняя геометрія, составляли весьма привлекательный предметъ для юношества, если учителю удавалось возбудить интересы въ ученикахъ. Моимъ всегдашнимъ обыкновеніемъ было—удалять мальчиковъ отъ книжной рутины и при обсужденіи вопросовъ, ссылаться на ихъ собственныя силы. Въ началѣ, уклоненіе отъ проложеннаго пути

вызвало обыкновенно нѣкоторое отвращеніе: юноша чувствовалъ себя, подобно ребенку, между чужими, но не было ни одного примѣра, чтобъ я замѣтилъ, что отвращеніе это было продолжительно. Когда мальчикъ приходитъ въ совершенное отчаяніе, я ободрялъ его тѣмъ анекдотомъ о Ньютонѣ, гдѣ онъ приписываетъ разницу между имъ и другими людьми главнымъ образомъ своему терпѣнію, или разсказомъ о Мирабо, какъ онъ приказалъ своему слугѣ, когда тотъ сказалъ, что такая вещь невозможна, никогда болѣе не употреблять это нелѣпое слово. Оживленный такимъ образомъ, онъ возвращался къ своей работѣ съ улыбкою, которая, можетъ быть, и означала нѣкоторое сомнѣніе, но тѣмъ не менѣе доказывала рѣшимость попытаться вновь. Я видѣлъ, какъ сіяли глаза мальчика и наконецъ слышалъ, какъ онъ восклицалъ въ восторгѣ, — въ сравненіи съ которымъ восторгъ Архимеда былъ только слабымъ проблескомъ, — „я понялъ, сэръ". Пробудившееся такимъ образомъ сознаніе собственной силы, имѣло огромное значеніе и оживляясь имъ, успѣхи класса были дѣйствительно замѣчательны. Я часто имѣлъ привычку предоставлять мальчикамъ на выборъ: отыскивать рѣшенія задачъ въ книгѣ, или испыты-

вать свои силы на такихъ, рѣшенія которыхъ нельзя было въ ней найти. Я не зналъ ни одного примѣра, чтобы была избрана книга. Я всегда готовъ былъ оказать помощь, когда считалъ ее необходимою, но мои предложенія помочь обыкновенно отклонялись. Мальчики постигли пріятность умственныхъ побѣдъ и домогались своихъ собственныхъ. Я видѣлъ ихъ діаграммы, выцарапанныя на стѣнахъ, вырѣзанныя на бревнахъ, валяющихся на мѣстахъ ихъ игръ и множество другихъ доказательствъ того живаго интереса, который они принимали въ предметѣ. Что касается лично меня, насколько моя опытность въ преподаваніи позволяетъ мнѣ судить, я былъ только оперяющимся птенцомъ и не зналъ никакихъ правилъ педагогики, какъ называютъ ихъ нѣмцы, но я придерживался направленія, указаннаго въ началѣ этой рѣчи и старался сдѣлать геометрію *средствомъ*, а не *отраслью* воспитанію. Опытъ былъ успѣшенъ и я провелъ нѣсколько самыхъ пріятныхъ часовъ моей жизни, наблюдая за сильнымъ и радостнымъ развитіемъ умственной силы, когда примѣняется къ ней тотъ способъ, который я описалъ".

Эта эмпирическая геометрія, представляющая непрерывный рядъ задачъ, должна непре-

рывно идти, рядомъ съ другими предметами знанія, свойственными извѣстному возрасту и всегда полезно сопровождать ее тѣми конкретными примѣненіями ея принциповъ, которыя служатъ какъ-бы введеніемъ къ ней. Послѣ полнаго знакомства съ кубомъ, осьмигранникомъ и различными формами пирамидъ и призмъ, могутъ разсматриваться болѣе сложныя правильныя тѣла — двѣнадцатигранникъ и двадцатигранникъ—постройка которыхъ, изъ особыхъ кусковъ папки, требуетъ значительнаго остроумія. Затѣмъ естественно можно перейти къ тѣмъ измѣненнымъ формамъ правильныхъ тѣлъ, которыя встрѣчаются въ кристаллахъ — къ усѣченному кубу, кубу съ усѣченными углами, осьмиграннику и разновиднымъ призмамъ точно таже измѣненнымъ. При подражаніи многочисленнымъ формамъ, свойственнымъ различнымъ металламъ и солямъ, представится случай усвоить первоначальные факты минералогіи. Кто хотѣлъ бы найти руководство для вышеописанной системы обученія, найдетъ его въ небольшомъ сочиненіи, озаглавленномъ „Inventional Geometry;“ published G. I. and C. Mozley, Palernoster Row, London.

Послѣ продолжительныхъ упражненій въ такомъ родѣ, раціональная геометрія, какъ мы

полагаемъ, не представитъ никакого затрудненія. Привыкнувъ усматривать отношеніе между формою и величиною и неопредѣленно замѣчая отъ времени до времени необходимость извѣстныхъ результатовъ, достигаемыхъ извѣстными средствами, ученикъ начинаетъ разсматривать доводы Евклида, какъ опущенное дополненіе къ его обыкновеннымъ задачамъ. Его хорошо выработанныя способности приводятъ его въ состояніе легко постигать послѣдовательныя предложенія и цѣнить ихъ важность, и при случаѣ ему доставляютъ удовольствіе доказательства правильности нѣкоторыхъ его собственныхъ способовъ. Такимъ образомъ онъ видитъ наслажденіе въ томъ, что для неподготовленнаго составляетъ скучный трудъ. Остается только прибавить, что скоро умъ его будетъ поставленъ въ тѣ условія, когда станетъ возможнымъ наиболѣе цѣнное упражненіе мыслительныхъ способностей—составленіе оригинальныхъ доводовъ. Скоро для него будутъ возможны теоремы въ родѣ тѣхъ, которыя прилагаются къ отдѣльнымъ выпускамъ Евклида, издаваемыхъ Гг. Чамберсъ и при доказываніи теоремъ процессъ саморазвитія будетъ не только умственный, но и нравственный.

Продолжать долѣе подобныя утвержденія значило бы писать подробный трактатъ о воспитаніи, чего мы не имѣемъ въ виду. Предъидущія начертанія плановъ упражненія понятій въ раннемъ дѣтствѣ, веденія нагляднаго обученія, обученія рисованію и геометріи, должно смотрѣть только какъ на изъясненіе метода, внушаемаго общими, предварительно опредѣленными принципами. Мы надѣемся, что послѣ внимательнаго разбора окажется, что они не только соотвѣтствуютъ переходу отъ простаго къ сложному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ эмпирическаго къ раціональному, но что они удовлетворяютъ и дальнѣйшимъ требованіямъ,—требованіямъ того, чтобы воспитаніе было повтореніемъ цивилизаціи въ маломъ видѣ, чтобы оно, на сколько возможно, было процессомъ саморазвитія и доставляло удовольствіе. Выполненіе всѣхъ этихъ условій какимъ-нибудь методомъ должно въ одно и тоже время оправдывать средства и служить доказательствомъ правильности метода. Замѣтьте притомъ, что такой методъ есть логическій результатъ стремленія, характеризующаго всѣ новѣйшія усовершенствованія въ воспитаніи, — что онъ слѣдуетъ вполнѣ естественной сис-

темѣ, которая прежде принималась только частью, — что полное принятіе имъ естественной системы выражается, какъ въ сообразности съ выше означенными принципами, такъ и въ слѣдованіи внушеніямъ, указываемымъ самимъ развивающимся умомъ, облегчая его самопроизвольную дѣятельность и тѣмъ содѣйствуя развитію, о которомъ заботится сама природа. Въ этомъ мы видимъ достаточную причину заключить, что выше изъясненный способъ дѣйствія весьма близокъ къ истинному.

Намъ слѣдуетъ сдѣлать еще нѣкоторыя добавочныя примѣчанія для дальнѣйшаго истолкованія двухъ общихъ принциповъ, которые наиболѣе важны и наименѣе пользуются вниманіемъ, именно: принципа, что, какъ въ періодъ юношества, такъ и въ раннемъ дѣтствѣ и зрѣломъ возрастѣ, должно поддерживаться самообразованіе и обратнаго принципа, что вызываемая умственная дѣятельность должна быть всегда пріятною. Если прогрессивное восхожденіе отъ простаго къ сложному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, отъ конкретнаго къ абстрактному признается существеннымъ требованіемъ отвлеченной психологіи, въ такомъ случаѣ требованія того, чтобы знаніе достигалось собственными силами и съ удоволь-

ствіемъ, служатъ мѣриломъ, по которому мы можемъ судить выполняются ли предписанія отвлеченной психологіи. Если первое соединяетъ въ себѣ главныя обобщенія *науки* умственнаго роста, послѣднія составляютъ основныя правила *искусства* укрѣпленія этого роста. Если ступени нашей *системы* таковы, что ученикъ можетъ постепенно восходить по нимъ самъ, при незначительной или безъ всякой помощи, то онѣ соотвѣтствуютъ степенямъ развитія его способностей и, очевидно, если послѣдовательное достиженіе этихъ ступеней доставляетъ ему существенное удовольствіе, значитъ, онѣ не требуютъ ничего болѣе, кромѣ нормальнаго упражненія его силъ.

Но обращеніе воспитанія въ процессъ саморазвитія имѣетъ и другія выгоды, кромѣ распредѣленія уроковъ въ должномъ порядкѣ. Прежде всего, оно обезпечиваетъ живость и прочность впечатлѣнія, чего никогда не могутъ произвести обыкновенные методы. Частичка знанія, которую ученикъ пріобрѣлъ самъ собою— задача, которую онъ самъ разрѣшилъ, дѣлаются, въ силу побѣды, вполнѣ его собственностью, чего бы не было при другихъ условіяхъ.

Предварительная дѣятельность ума, отъ которой зависитъ его успѣхъ, сосредоточенность

мысли, необходимая при этомъ, и возбужденіе, слѣдующее за его торжествомъ, благопріятствуютъ въ такой степени запечатлѣнію фактовъ въ памяти, въ какой никогда не могутъ запечатлѣться свѣдѣнія, услышанныя отъ учителя и прочитанныя въ учебникѣ. Если даже ему не удается что-нибудь, то напряженное состояніе, въ которое приходятъ его способности, лучше всякихъ повтореній обезпечиваетъ запоминаніе даннаго ему рѣшенія. Замѣтьте, кромѣ того, что такого рода дисциплина требуетъ непрерывной организаціи пріобрѣтаемаго знанія. По самой природѣ своей факты и выводы, усвоиваемые такимъ образомъ, постепенно обращаются въ первыя посылки дальнѣйшихъ заключеній и служатъ средствами разрѣшенія дальнѣйшихъ вопросовъ. Рѣшеніе вчерашней задачи помогаетъ ученику понять сегодняшнюю. Такимъ образомъ знаніе превращается въ способность, какъ только получается, и немедленно споспѣшествуетъ общему ходу мышленія, а не остается только написаннымъ на страницахъ внутренняго книгохранилища, какъ это бываетъ съ знаніемъ, заученнымъ наизусть. Далѣе обратите вниманіе на нравственное усовершенствованіе, которое ведетъ за собою непрерывная самодѣятельность. Мужество, при

встрѣчѣ трудностей, терпѣливое сосредоточеніе вниманія, твердость при неудачахъ—вотъ характеристическія черты, главнымъ образомъ необходимыя въ послѣдующей жизни и эти характеристическія черты достигаются главнымъ образомъ съ помощью этой системы пріученія ума къ добыванію себѣ пищи. Мы лично, по собственному опыту, можемъ засвидѣтельствовать, что вполнѣ возможенъ подобный способъ обученія, такъ какъ насъ въ юности заставляли рѣшать сравнительно сложныя задачи перспективы. А что лучшіе учителя стремились къ такому направленію, это ясно, какъ изъ словъ Фелленберга, что „индивидуальная, независимая дѣятельность ученика гораздо важнѣе обыкновенной хлопотливой услужливости многихъ, принимающихъ на себя обязанности воспитателей“, такъ и изъ мнѣнія Горація Манна, что „воспитаніе у насъ въ настоящее время состоитъ преимущественно изъ *разсказовъ*, а не *обученія*“. А замѣчаніемъ М. Марсель, что „учащійся лучше знаетъ то, что открываетъ съ помощью умственныхъ усилій, чѣмъ то, что ему разсказываютъ“.

Тоже самое можно сказать и о требованіи, чтобы избираемый методъ культуры долженъ былъ вызывать существенно пріятную дѣя-

тельность — пріятную не по причинѣ внѣшнихъ наградъ, которыя могутъ быть получены, а по ея собственной здравости. Сообразованіе съ этимъ требованіемъ, кромѣ того, что отклоняетъ насъ отъ замедленія нормальнаго процесса развитія, во многихъ случаяхъ обезпечиваетъ положительныя и важныя выгоды. Если только намъ не придется вернуться къ аскетической нравственности (или скорѣе *без*нравственности), поддержаніе юношескаго счастья должно разсматриваться какъ сама по себѣ достойная цѣль. Не останавливаясь на этомъ, мы продолжаемъ утверждать, что хорошее расположеніе духа гораздо болѣе благопріятствуетъ умственной дѣятельности, чѣмъ состояніе равнодушія или отвращенія. Каждому извѣстно, что вещи, прочитанныя, услышанныя или видѣнныя съ интересомъ, запоминаются гораздо лучше, чѣмъ тѣ, которыя читаются, слушаются или разсматриваются съ апатіей. Въ одномъ случаѣ, вызванныя способности дѣятельно заняты представляемымъ предметомъ, въ другомъ, напротивъ, они заняты имъ бездѣйственно и вниманіе постоянно отвлекается болѣе пріятными мыслями, а вслѣдствіе этого, и впечатлѣнія относительно сильны или слабы. Сверхъ того, къ умственной нерадивости, по-

рождаемой въ ученикѣ незанимательностью для него нѣкоторыхъ предметовъ, слѣдуетъ прибавить парализующій страхъ послѣдствій. Страхъ этотъ, отвлекая его вниманіе, увеличиваетъ трудность, которую онъ встрѣчаетъ, останавливая свои мысли на фактахъ, которые для него отвратительны. Ясно, слѣдовательно, что польза ученія, при равенствѣ другихъ условій, будетъ соразмѣрна удовольствію, съ которымъ исполняется урокъ.

Слѣдуетъ притомъ замѣтить, что важныя нравственныя послѣдствія зависятъ отъ постояннаго удовольствія или мученія, доставляемыхъ ежедневными уроками. Каждый, сравнивъ наружность и привычки двухъ мальчиковъ—одного осчастливленнаго усвоеніемъ интересныхъ предметовъ, другаго — несчастнаго, вслѣдствіе отвращенія къ своимъ занятіямъ и проистекающей отсюда неспособности, вслѣдствіе холодныхъ взглядовъ, угрозъ и наказаній—увидитъ, что способности одного получили благопріятное направленіе, а способности другаго притупляются. Кто замѣчалъ дѣйствія успѣха или неудачи на умъ и власть ума надъ тѣломъ, пойметъ, что въ одномъ случаѣ, какъ характеръ, такъ и здоровье поставлены въ весьма выгодныя условія, между тѣмъ какъ въ

другомъ представляется опасность постоянной угрюмости, постоянной робости и даже постоянной физической слабости. Намъ остается еще упомянуть о другомъ не менѣе важномъ косвенномъ послѣдствіи. Отношенія между учителями и учениками, если всѣ другія условія одинаковы, бываютъ дружественны и вліятельны, или враждебны и безсильны, смотря по тому, порождаетъ-ли система обученія счастье или несчастье. Люди состоятъ во власти связанныхъ съ ними идей. Кто ежедневно причиняетъ непріятности, неизбѣжно вызываетъ къ себѣ тайное отвращеніе, и даже ненависть, если онъ не доставляетъ ничего кромѣ огорченій. И наоборотъ, кто постоянно помогаетъ дѣтямъ въ достиженіи ихъ цѣлей, ежечасно доставляетъ имъ наслажденіе побѣдъ, ежечасно ободряетъ ихъ во всѣхъ ихъ затрудненіяхъ и сочувствуетъ ихъ успѣху, тотъ заслужитъ ихъ расположеніе, а если онъ всегда послѣдователенъ въ своемъ образѣ дѣйствій, то они и полюбятъ его. А если мы вспомнимъ, какъ благодѣтельно и дѣйствительно вліяніе учителя, котораго дѣти считаютъ своимъ другомъ, въ сравненіи съ вліяніемъ лица, къ которому они относятся съ отвращеніемъ, или равнодушно,—мы смѣло можемъ заключить, что кос-

венныя выгоды воспитанія, основывающагося на принципѣ счастья, не многимъ уступаютъ выгодамъ непосредственнымъ. Тѣмъ, кто сомнѣвается въ возможности примѣненія предлагаемой нами системы, мы возражаемъ, какъ и прежде, что не только теорія указываетъ намъ на нее, но что она предписывается и самимъ опытомъ. Ко многимъ мнѣніямъ замѣчательныхъ учителей, которые со временъ Песталоцци высказывали тоже самое, слѣдуетъ прибавить еще утвержденіе профессора Пиланса, что „если юношей обучаютъ, какъ слѣдуетъ, то они также счастливы въ школѣ, какъ и во время игръ и хорошо направленное упражненіе умственной энергіи рѣдко доставляетъ имъ меньшее удовольствіе, чѣмъ упражненіе мускульной силы“.

Выставляя послѣднюю причину обращенія воспитанія въ процессъ самообразованія, а поэтому и въ процессъ пріятнаго образованія, мы можемъ привести тотъ фактъ, что, по мѣрѣ того, какъ этотъ планъ выполняется, становится вѣроятнымъ предположеніе, что образованіе не прекратится съ ученическими годами. Пока пріобрѣтеніе знанія будетъ противнымъ, до тѣхъ поръ преобладающимъ стремленіемъ юношей будетъ прекращеніе его, при освобожденіи отъ пону-

жденія родителей и учителей. Когда же пріобрѣтеніе знанія обратится въ удовольствіе, всегда будетъ преобладать стремленіе продолжать безъ надзора, то самообразованіе, которое первоначально подчинялось надзору. Такіе результаты неизбѣжны. Пока законы умственнаго соотношенія останутся вѣрными — пока людямъ будутъ непріятны вещи и мѣста, вызывающія тяжелыя воспоминанія, и будетъ радовать то, что напоминаетъ о прошедшихъ удовольствіяхъ—до тѣхъ поръ скучные уроки будутъ дѣлать знаніе отталкивающимъ, а занятія пріятныя — привлекательнымъ. Люди, для которыхъ въ юности знаніе составляло скучный трудъ, сопровождаемый угрозами наказаній и которыхъ никогда не пріучали къ самостоятельному изслѣдованію, не способны заниматься наукою въ послѣдующіе годы. Между тѣмъ какъ тѣ, кто пріобрѣталъ знаніе естественнымъ путемъ въ надлежащее время, и запоминалъ факты не только потому, что они занимательны сами по себѣ, но и потому что они ведутъ за собою длинный рядъ радостныхъ успѣховъ, безъ сомнѣнія, всю жизнь будутъ продолжать самообразованіе, начатое въ юности.

ГЛАВА III.

Нравственное воспитаніе.

Самый главный недостатокъ нашихъ программъ воспитанія оставленъ въ совершенномъ пренебреженіи. Въ то время, какъ дѣлаются подробныя усовершенствованія какъ въ содержаніи, такъ и въ способахъ примѣненія нашихъ системъ, самый главный недостатокъ не былъ даже признанъ за недостаткомъ. Большинство безмолвно допускаетъ, что подготовленіе юношества къ обязанностямъ жизни, должно быть цѣлью родителей и воспитателей; цѣнность преподаваемыхъ предметовъ и достоинства избираемыхъ методовъ обсуживаются въ настоящее время ихъ соотвѣтственностью этимъ цѣлямъ. Этимъ доказывается необходимость замѣнить исключительно классическое образованіе, образованіемъ, въ которое входили

бы и новѣйшіе языки. Тѣ же причины выставляются и въ пользу расширенія научнаго отдѣла. Но несмотря на то, что обращено нѣкоторое вниманіе на подготовленіе юношей обоего пола къ общественной и гражданской жизни, ничего не дѣлается для подготовленія ихъ къ роли родителей. Тогда какъ необходимость основательной подготовки, для добыванія средствъ жизни понята всѣми, люди повидимому, предполагаютъ, что дѣло воспитанія дѣтей вовсе не нуждается въ подготовленіи. Между тѣмъ какъ многіе годы тратятся мальчикомъ на пріобрѣтеніе тѣхъ познаній, все достоинство которыхъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ получаетъ „воспитаніе свѣтскаго человѣка"; между тѣмъ какъ многіе годы тратятся дѣвочкою на ту внѣшнюю отдѣлку, которая дѣлаетъ ее годною для выѣздовъ въ свѣтъ; ни тѣмъ, ни другою не удѣляется ни одного часа на приготовленіе къ важнѣйшей изъ обязанностей — управленію семьей. Можетъ быть обязанность эта только рѣдкая случайность? Напротивъ того, она выпадаетъ на долю девятерыхъ изъ десяти. Можетъ быть выполненіе ея очень легко? Нисколько: изъ всѣхъ отвѣтственностей, возлагаемыхъ на взрослаго, эта наиболѣе трудная.

Можетъ быть можно быть увѣреннымъ, что каждый самоучкой приспособитъ себя къ обязанности родителей? Нѣтъ: въ этомъ случаѣ нетолько не допускается возможность самообученія, но самая сложность предмета дѣлаетъ его однимъ изъ тѣхъ, въ которомъ самообученіе можетъ имѣть наименьшій успѣхъ. Никакого раціональнаго довода нельзя привести въ пользу исключенія искусства воспитанія изъ учебнаго курса. Какъ для поддержанія счастья самихъ родителей, такъ и для вліянія ихъ на характеръ и жизнь дѣтей и отдаленныхъ потомковъ, мы должны признать, что знаніе правильнаго метода юношеской культуры, физической умственной и нравственной, есть высшей степени важное знаніе. Оно должно быть заключеніемъ курса образованія, проходимаго каждою женщиною и каждымъ мужчиною. Какъ физическая зрѣлость проявляется въ способности производить потомковъ, такъ умственная зрѣлость проявляется въ умѣньи воспитывать этихъ потомковъ. *Предметъ, который заключаетъ въ себѣ всѣ остальные, а слѣдовательно и предметъ, которымъ должно заканчиваться воспитаніе, есть теорія и практика воспитанія.*

За недостаткомъ подготовки руководство дѣ-

тей, и преимущественно нравственное руководство, крайне жалко. Родители или вовсе не обдумываютъ дѣла, или же заключенія ихъ незрѣлы и несостоятельны. Въ большинствѣ случаевъ, и преимущественно со стороны матерей, поступки обусловливаются минутнымъ настроеніемъ: они вытекаютъ не изъ разумнаго обсужденія того, что наиболѣе полезно для ребенка, а просто выражаютъ преобладающія ощущенія родителей, хорошія или дурныя и измѣняются съ каждымъ часомъ, сообразно съ перемѣною ощущеній. Если же внушенія склонностей дополняются какими-нибудь опредѣленными доктринами и методами, то эти послѣдніе или берутся изъ прошедшаго, или соотвѣтствуютъ воспоминаніямъ собственнаго дѣтства, или принимаются отъ нянекъ и служанокъ. Методы эти опредѣляются не просвѣщеніемъ, а невѣжествомъ времени. Изъясняя хаотическое состояніе мнѣній и пріемовъ, относящихся до воспитанія дѣтей, Рихтеръ пишетъ:

„Еслибы тайныя недоразумѣнія обширнаго класса отцовъ могли быть обнаружены, и были бы изложены въ видѣ плана занятій и наставленій для нравственнаго воспитанія, то представили бы нѣчто въ родѣ слѣдующа-

го: Въ первый часъ „чистая нравственность должна преподаваться ребенку или мною или воспитателемъ“; во второй, „смѣшанная нравственность, или та, которая можетъ быть примѣняема къ личной выгодѣ“; въ третій, „развѣ ты не видишь, что твой отецъ поступаетъ такъ и такъ?“; въ четвертый, „ты еще малъ, а это прилично только взрослымъ“; въ пятый, „вся сущность въ томъ, чтобы ты имѣлъ успѣхъ въ свѣтѣ и имѣлъ какое-нибудь значеніе въ государствѣ“; въ шестой, „не временное, а вѣчное опредѣляетъ достоинство человѣка“; въ седьмой, слѣдовательно лучше сносить несправедливость, и быть добрымъ“; въ восьмой, „но защищайся мужественно при нападеніяхъ“; въ девятый, „не слѣдуетъ шумѣть, любезное дитя“; въ десятый, „мальчикъ не долженъ сидѣть такъ смирно“; въ одиннадцатый, „ты долженъ болѣе повиноваться ротителямъ“; въ двѣнадцатый „и воспитывать самъ себя“. Такимъ образомъ, ежечаснымъ измѣненіемъ своихъ правилъ, отецъ прикрываетъ ихъ бездоказательность и односторонность. Что же касается его жены, она не походитъ ни на него, ни даже на того арлекина, который выходитъ на сцену съ связкою бумагъ въ каждой рукѣ и когда у него спрашиваютъ, что у него въ правой рукѣ, онъ

отвѣчаетъ: „приказанія“, а въ лѣвой,—„отмѣна приказаній“. Мать лучше всего можно сравнить съ гигантомъ Бріаріемъ, у котораго сто рукъ и въ каждой по связкѣ бумагъ“.

Такое положеніе вещей не можетъ быстро измѣниться. Пройдутъ многія поколѣнія, прежде чѣмъ можно будетъ надѣяться на значительное улучшеніе. Какъ политическія, такъ и воспитательныя системы не дѣлаются, а выростаютъ и въ теченіе короткаго періода ростъ не замѣтенъ. Хотя и медленное, какъ должно быть каждое усовершенствованіе, это усовершенствованіе требуетъ употребленіе средствъ и однимъ изъ средствъ есть строгое изслѣдованіе.

Мы не принадлежимъ къ числу послѣдователей мнѣнія лорда Пальмерстона, что „всѣ дѣти рождаются добрыми“. Вообще, противоположное ученіе, какъ оно ни бездоказательно, кажется намъ болѣе близкимъ къ истинѣ. Мы не согласны также и съ тѣми, которые думаютъ, что, съ помощью искусной дисциплины, дѣтей можно сдѣлать совершенно такими, какими они должны быть. Напротивъ, мы убѣждены, что хотя природныя несовершенства могутъ быть уменьшены разумнымъ веденіемъ, оно не въ состояніи устранить ихъ совершенно. Предположеніе, что идеалъ человѣчества

легко создать съ помощью совершенной системы воспитанія, очень сходно съ тѣмъ, которое встрѣчается въ поэмахъ Шелли, что все зло въ мірѣ тотчасъ исчезло бы, еслибы человѣчество отбросило всѣ старыя постановленія и предразсудки: ни одно изъ этихъ мнѣній не можетъ быть принято тѣми, кто безпристрасно изучалъ человѣческія дѣла.

Тѣмъ не менѣе, мы можемъ вполнѣ сочувствовать людямъ, питающимъ эти слишкомъ смѣлыя надежды. Энтузіазмъ, доходящій даже до фанатизма, есть полезная двигательная сила—можетъ быть даже необходимая. Ясно, что ревностный политикъ не сталъ бы прилагать большихъ стараній и приносить жертвы, еслибы не былъ убѣжденъ, что реформа, за которую онъ сражается, есть единственное необходимое средство. Членъ общества трезвости дѣйствовалъ бы гораздо менѣе энергично, еслибы не былъ убѣжденъ, что пьянство есть источникъ всѣхъ соціальныхъ бѣдъ. Въ филантропіи, какъ и во всемъ другомъ, большія выгоды проистекаютъ отъ раздѣленія труда, а для того, чтобы раздѣленіе труда было возможно, каждый классъ филантроповъ долженъ быть болѣе или менѣе преданъ своему призванію — долженъ имѣть преувеличенную

вѣру въ свое дѣло. Поэтому мы можемъ сказать про тѣхъ, которые считаютъ воспитаніе умственное и нравственное, всеисцѣляющимъ средствомъ, что ихъ чрезмѣрныя надежды не безполезны и что ихъ непоколебимая вѣра имѣетъ вліяніе на благодѣтельный ходъ вещей.

Даже еслибы было справедливо, что съ помощью возможной системы нравственнаго вліянія, дѣти могутъ принимать желаемый образецъ, и еслибы даже всѣ родители могли изучить эту систему—мы все-таки были бы далеки отъ достиженія цѣли. Многіе забываютъ, что проведеніе подобной системы предполагаетъ, со стороны взрослыхъ ту степень ума, доброты и самообладанія, которой не достигаетъ никто. Заблужденіе людей, обсуждающихъ вопросы домашней дисциплины, происходитъ отъ приписыванія всѣхъ ошибокъ и затрудненій дѣтямъ и ни одного промаха родителямъ. Вообще предполагаютъ, какъ относительно управленія семьей, такъ и относительно управленія націей, что правители соединяютъ въ себѣ добродѣтели, а управляемые—пороки. Судя по теоріямъ воспитанія, мужчины и женщины совершенно измѣняются въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ. Мы знаемъ, что люди, съ которыми мы имѣемъ дѣла, встрѣчаемся въ обществѣ,

существа далеко несовершенныя. Въ ежедневныхъ скандалахъ, въ раздорахъ друзей, въ объявленіяхъ о банкротствѣ, въ тяжебныхъ дѣлахъ, въ полицейскихъ доносахъ, мы постоянно наталкиваемся на распространенное самолюбіе, безчестность и грубость. Когда же мы судимъ объ управленіи въ дѣтской и разсматриваемъ дурное поведеніе юношей, мы обыкновенно бываемъ вполнѣ увѣрены, что эти порочныя лица, избавлены отъ нравственныхъ проступковъ въ дѣлѣ воспитанія ихъ сыновей и дочерей! Это такъ далеко отъ истины, что мы, ни мало не колеблясь, въ дурномъ управленіи родителей видѣли причину въ большинствѣ семейныхъ безпорядковъ, приписываемыхъ обыкновенно испорченности дѣтей. Мы не говоримъ этого, о наиболѣе симпатичныхъ и самовоздержныхъ личностяхъ, къ которымъ, надѣемся, можно причислить большинство нашихъ читателей, но мы утверждаемъ это относительно массы. Какого рода нравственной культуры можно ожидать отъ матери, которая сердито трясетъ своего младенца за то, что онъ не хочетъ сосать, какъ мы это однажды видѣли. Какое понятіе о справедливости можетъ внушить отецъ, который, услышавъ крикъ и увидѣвъ, что ребенокъ прищемилъ палецъ въ окнѣ, на-

чинаетъ бить его, вмѣсто того, чтобы высвободить палецъ? А что есть такіе отцы, это засвидѣтельствовано очевидцемъ. Или, возьмемъ еще болѣе ужасный случай, также подтверждаемъ непосредственнымъ свидѣтельствомъ — что можетъ ожидать отъ воспитанія мальчикъ, котораго встрѣчаютъ наказаніемъ, когда его приносятъ домой съ вывихнутою ногою? Правда, что это рѣдкіе примѣры—примѣры, доказывающіе присутствіе въ людяхъ того слѣпаго инстинкта, который побуждаетъ звѣрей истреблять слабыхъ и беззащитныхъ ихъ собственной породы. Но какъ-бы они ни были рѣдки, они изображаютъ чувства и обращеніе, ежедневно замѣчаемыя во многихъ семьяхъ. Кому не случалось не однократно видѣть, что нянька или родители колотятъ ребенка, за его безпокойное состояніе, которое вѣроятно происходитъ отъ физическаго разстройства? Кто, наблюдая за матерью, подхватывающею упавшаго ребенка, не замѣчалъ въ ея грубыхъ движеніяхъ и рѣзкомъ восклицаніи — „Ахъ ты глупый!“ — гнѣвность, предсказывающую безконечныя ссоры въ будущемъ? Не показываетъ ли суровый голосъ отца, когда онъ приказываетъ дѣтямъ быть смирными, недостатокъ сочувствія къ нимъ? Не проявляется-ли также

этотъ ужасный недостатокъ сочувствія въ постоянныхъ, часто совершенно неумѣстныхъ, остановкахъ, которымъ подвергаются дѣти — въ приказаніяхъ сидѣть смирно, повиноваться которымъ дѣятельный ребенокъ не можетъ безъ страшнаго нервнаго раздраженія, въ приказаніяхъ не смотрѣть въ окно при путешествіи по желѣзной дорогѣ, что для сколько нибудь умнаго ребенка составляетъ важное лишеніе? Дѣло въ томъ, что трудность нравственнаго воспитанія необходимо имѣетъ двоякій источникъ — необходимо проистекаетъ отъ совокупныхъ недостатковъ родителей и дѣтей. Если наслѣдственная передача есть законъ природы, какъ это признается всѣми натуралистами и допускается нашими ежедневными замѣчаніями и ходячими пословицами, значитъ, въ среднемъ числѣ случаевъ, недостатки дѣтей, ничто иное какъ отраженія недостатковъ родителей; — мы говоримъ въ среднемъ числѣ случаевъ потому, что вслѣдствіе усложненія результатовъ наслѣдованіемъ чертъ отъ болѣе отдаленныхъ предковъ, сходство бываетъ не спеціальное, а только общее. А если въ среднемъ числѣ случаевъ существуетъ эта наслѣдственность недостатковъ, значитъ, тѣ дурныя наклонности, которыя родителямъ приходится искоренять въ

дѣтяхъ, подразумѣваютъ подобныя же дурныя наклонности въ нихъ самихъ, скрытыя, можетъ быть, отъ глазъ общества или затемненныя другими качествами, но тѣмъ не менѣе существующія. Очевидно, слѣдовательно, что общее употребленіе какой нибудь идеальной системы воспитанія безнадежно, родители недостаточно совершенны для этого.

Кромѣ того, если бы даже были методы, съ помощью которыхъ желаемая цѣль тотчасъ же могла бы достигаться, и если бы даже отцы и матери имѣли достаточныя свѣдѣнія, симпатію и самообладаніе для послѣдовательнаго употребленія этихъ методовъ,—то и тогда мы могли бы оспаривать пользу преобразовывать семейное управленіе, прежде чѣмъ преобразуются всѣ другія вещи. Чего мы главнымъ образомъ добиваемся? Не того-ли, чтобы воспитаніе какого бы то ни было рода имѣло своею непосредственною цѣлью приготовить ребенка къ жизненнымъ обязанностямъ—приготовить гражданина, который, умѣя вести себя, былъ бы также способенъ проложить себѣ путь въ жизни? А умѣнье проложить себѣ путь въ жизни (подъ этимъ мы разумѣемъ не пріобрѣтеніе богатства, а средства необходимыя для поддержанія семьи) — не значитъ-ли это извѣстное

принаровленіе къ жизни, какова она въ настоящее время и есть? И если бы какая нибудь система воспитанія была въ состояніи произвести идеальное человѣческое существо, не сомнительна ли была бы его годность въ настоящей жизни? Не могли ли бы мы, напротивъ того ожидать, что его слишкомъ живое чувство правдивости и слишкомъ возвышенныя правила поведенія, сдѣлали бы для него жизнь невыносимою и даже невозможною? И какъ бы ни былъ удивителенъ результатъ, разсматриваемый индивидуально, не будетъ ли онъ совершенно недѣйствительнымъ въ отношеніи общества и потомства? Мы имѣемъ гораздо болѣе основанія думать, что вообще какъ относительно націи, такъ и семьи, образъ управленія приблизительно бываетъ настолько хорошъ, насколько это допускается общимъ состояніемъ человѣческой природы. Мы можемъ доказать, что въ обоихъ случаяхъ, общій уровень характера народа опредѣляетъ качество существующаго управленія. Въ обоихъ случаяхъ мы можемъ заключить, что улучшеніе средняго уровня характера ведетъ къ улучшенію системы, и далѣе, что если бы возможно было улучшить систему прежде, чѣмъ улучшится средній уровень характера, то это было бы скорѣе вредно, чѣмъ

полезно. Ту степень суровости, которую дѣти въ настоящее время испытываютъ отъ родителей и учителей, можно считать приготовленіемъ къ еще большей суровости, которую они встрѣтятъ при вступленіи въ свѣтъ. И мы продолжаемъ утверждать, что если-бы родители и учителя, могли обращаться съ дѣтьми вполнѣ справедливо и съ полнымъ сочувствіемъ, то это только усилило бы страданія, которыя имъ причиняло бы впослѣдствіи эгоизмъ людей *).

„Но не слишкомъ-ли далеко заходятъ эти доказательства?“ спросятъ, вѣроятно, нѣкото-

---

*) Такого рода доводъ приводится въ защиту грубаго обращенія, которому подвергаются мальчики въ нашихъ общественныхъ школахъ. Тутъ, какъ говорятъ, они знакомятся со свѣтомъ, въ маломъ видѣ, жестокости котораго подготовляютъ ихъ къ жестокостямъ дѣйствительнаго міра. Слѣдуетъ допустить, что доводъ этотъ имѣетъ нѣкоторую силу, но онъ весьма недостаточенъ. Потому что, хотя домашняя и школьная дисциплина не должна быть слишкомъ хороши въ сравненіи съ дисциплиною взрослой жизни, они должны быть нѣсколько лучше ее. Дисциплина, которую мальчики встрѣчаютъ въ Етонѣ, Винчестерѣ, Гарро, и т. д., хуже дисциплины взрослой жизни—она болѣе жестока и менѣе справедлива. Вмѣсто того, чтобы быть пособіемъ человѣческому прогрессу, чѣмъ должна бы быть всякая культура, культура нашихъ общественныхъ школъ, пріучая мальчиковъ къ деспотической формѣ управленія и сношеніямъ, регулируемымъ грубою силою, готовитъ ихъ къ болѣе низкому состоянію общества, чѣмъ существующее. А такъ какъ наша законодательная власть главнымъ образомъ составляется изъ людей, воспитывающихся въ подобныхъ школахъ, то ихъ одичающее вліяніе дѣлается помѣхою національнаго прогресса.

рые. „Если никакая система нравственнаго воспитанія не можетъ сдѣлать дѣтей такими, какими они должны быть; если бы даже существовала такая система, которая могла бы достигнуть этого, родители настоящаго времени оказались бы слишкомъ несовершенными, чтобы примѣнить ее, и если, даже при успѣшномъ примѣненіи подобной системы, результаты крайне не соотвѣтствовали бы настоящему состоянію общества—то не слѣдуетъ ли изъ этого, что реформа принятой системы не возможна и не желательна?“ Нѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ, только что реформа домашняго управленія должна совершаться параллельно съ другими реформами; что методы дисциплины не могутъ и не должны улучшаться иначе какъ своевременно, что внушенія отвлеченной честности въ жизни неизбѣжно будутъ подчиняться настоящему состоянію человѣческой природы—несовершенству дѣтей, родителей и общества, и они могутъ лучше выполняться только по мѣрѣ улучшенія общаго характера.

„Во всякомъ случаѣ“, могутъ продолжать наши критики, „очевидно безполезно представлять идеальный образецъ семейной дисциплины. Выработка и рекомендація методовъ, опережающихъ время, не можетъ принести ника-

кой пользы". Мы опять стоимъ за противоположное мнѣніе. Какъ въ политическомъ управленіи, хотя совершенная честность можетъ быть въ настоящее время и не примѣнима, необходимо знать въ чемъ заключается истина, для того чтобы при перемѣнахъ возможно было *приближеніе* къ истинѣ, а не *удаленіе* отъ нея. Также и въ домашнемъ управленіи идеалъ долженъ поддерживаться для постепеннаго приближенія къ нему. Намъ нечего опасаться вредныхъ послѣдствій подобнаго идеала. Вообще склонность человѣчества къ консерватизму достаточна сильна, чтобы предупреждать слишкомъ быстрыя перемѣны. Порядокъ вещей таковъ, что пока люди недоростутъ до уровня высшаго вѣрованія, до тѣхъ поръ они не могутъ принять его; они могутъ придерживаться его номинально, но не дѣйствительно. Даже когда истина принимается, то препятствія къ сообразованію съ ней такъ прочны, что могутъ пережить терпѣніе филантроповъ и даже философовъ. Мы можемъ быть увѣрены, слѣдовательно, что препятствія къ нормальному воспитанію дѣтей будутъ всегда достаточны, чтобы обуздать стремленіе осуществить его.

Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій, перейдемъ къ разсмотрѣнію истинныхъ цѣлей

и методовъ нравственнаго воспитанія. Посвятивъ нѣсколько страницъ изложенію общихъ принциповъ,—при чтеніи которыхъ мы заранѣе просимъ читателя быть терпѣливымъ, — мы постараемся примѣрами объяснить истинный методъ поведенія родителей при ежечасно встрѣчающихся затрудненіяхъ семейнаго управленія.

Когда ребенокъ падаетъ или ушибаетъ голову объ столъ, онъ чувствуетъ боль, воспоминаніе о которой заставляетъ его быть болѣе осторожнымъ и послѣ повторенія подобныхъ случаевъ онъ рѣшительно научается управлять своими движеніями. Если онъ схватываетъ рѣшетку отъ камина, сунетъ руку въ пламя свѣчи, или проливаетъ горячую воду себѣ на кожу, то происходящій отъ этого обжогъ или обваръ служитъ ему урокомъ, который не легко забывается. Впечатлѣніе, произведенное однимъ или двумя случаями подобнаго рода, такъ глубоко, что никакое убѣжденіе не заставитъ его впредь пренебрегать законами его сложенія.

Въ этихъ случаяхъ, природа самымъ простымъ образомъ указываетъ намъ истинную теорію и практику нравственной дисциплины. Эта теорія и практика, хотя поверхностный

наблюдатель и можетъ найти ихъ сходными съ обыкновенно примѣняемыми, послѣ подробнаго разсмотрѣнія окажутся весьма отличными отъ этихъ послѣднихъ.

Замѣтьте, вопервыхъ, что въ тѣлесныхъ поврежденіяхъ и наказаніяхъ, слѣдующихъ за ними, мы привели дурное поведеніе и его послѣдствія въ ихъ простѣйшую форму. Хотя слова *хорошее* и *дурное*, въ ихъ обыкновенномъ значеніи, едвали примѣнимы къ поступкамъ, имѣющимъ только непосредственныя тѣлесныя послѣдствія, однако, разобравъ дѣло, мы увидимъ, что и подобные поступки, какъ и всѣ другіе могутъ подходитъ подъ эти опредѣленія. Всѣ теоріи нравственности, изъ какого бы предположенія онѣ ни выходили, согласны, что то поведеніе, всѣ результаты котораго, непосредственные и отдаленные, благотворны, есть хорошее поведеніе; между тѣмъ какъ поведеніе всѣ результаты котораго, непосредственные и отдаленные, вредны, есть дурное поведеніе. *Окончательное* мѣрило, по которому люди судятъ о поступкахъ, есть происходящее отъ нихъ счастіе или бѣдствіе. Мы считаемъ пьянство вредомъ, потому что оно ведетъ за собою физическое разстройство и сопровождающаго его нравственнаго зла, ко-

торые выпадаютъ на долю пьяницы и людей, зависящихъ отъ него. Если бы воровство доставляло удовольствіе какъ берущему такъ и теряющему мы не нашли бы его въ нашемъ спискѣ грѣховъ. Если бы мы думали, что добрые поступки умножаютъ страданія людей, мы осудили бы ихъ—не считали бы ихъ добрыми. Намъ стоитъ только прочесть первую газетную статью, или прислушаться къ разговору объ общественныхъ дѣлахъ, чтобы увидѣть, что дѣйствія парламента, политическія движенія, филантропическія дѣла, точно также какъ и поступки отдѣльныхъ личностей, судятся по тому какіе предвидятся отъ нихъ результаты въ дѣлѣ увеличеніи удовольствія или страданія людей. И если, разобравъ всѣ второстепенныя, добавочныя идеи, мы увидимъ, что дѣйствительно таково наше окончательное мѣрило хорошаго и дурнаго, то мы должны допустить раздѣленіе физическихъ дѣйствій на хорошіе и дурные, согласно тому полезны или вредны ихъ результаты.

Во вторыхъ обратите вниманіе на характеръ наказаній, которыми предупреждаются эти физическія нарушенія. Мы называемъ ихъ наказаніями за неимѣніемъ лучшаго слова, потому что это не наказанія въ буквальномъ

смыслѣ. Это не искусственныя и безполезныя причиненія боли, а только узда для поступковъ, которые существенно несогласуются съ тѣлеснымъ благосостояніемъ—узда, безъ которой жизнь быстро разрушалась бы тѣлесными поврежденіями. Особенность этихъ наказаній, если мы должны ихъ такъ называть, та, что они—*неизбѣжныя слѣдствія* тѣхъ поступковъ, за которыми слѣдуютъ: они ничто иное какъ *неминуемыя противодѣйствія*, вызванныя дѣйствіемъ ребенка.

Далѣе запомните, что эти мучительныя противодѣйствія соразмѣрны нарушеніямъ. Маловажный случай ведетъ за собою легкую боль; болѣе важный—болѣе жестокую боль. Здѣсь не опредѣляется, что если мальчикъ свалился на порогѣ двери, то онъ долженъ пострадать болѣе чѣмъ слѣдуетъ; для того, чтобы сдѣлать его еще болѣе осторожнымъ, чѣмъ можетъ сдѣлать его необходимое страданіе. Но изъ ежедневной опытности ребенокъ узнаетъ большее или меньшее наказаніе за большій или меньшій поступокъ и научается поступать соотвѣтственно этому.

Наконецъ, замѣтьте, что эти естественныя противодѣйствія, которыя слѣдуютъ за дурнымъ поступкомъ ребенка постоянны, непосред-

ственны, непоколебимы и неизбѣжны. Нѣтъ тутъ никакихъ угрозъ, одно безмолвное суровое выполненіе. Если дитя уколитъ палецъ булавкой, слѣдуетъ боль. Если онъ вторично дѣлаетъ это, опять тоже самое послѣдствіе: и такъ безпрерывно. Во всѣхъ его сношеніяхъ съ природою онъ встрѣчаетъ ту неуклонную стойкость, которая не внимаетъ никакимъ оправданіямъ и надъ нею не существуетъ никакого суда и скоро узнавъ эту строгую, хотя и благодѣтельную дисциплину, онъ дѣлается крайне заботливымъ къ избѣжанію нарушеній.

Эти общія истины получатъ въ нашихъ глазахъ еще большее значеніе, если мы вспомнимъ, что они также дѣйствительны впродолженіе жизни взрослаго, какъ и впродолженіе жизни ребенка. Съ помощью опытомъ добытаго знанія естественныхъ слѣдствій, люди останавливаются, когда они идутъ по ложному пути. Когда домашнее воспитаніе прекращается и когда нѣтъ болѣе родителей и учителей, чтобы запрещать тотъ или другой поступокъ, приходитъ въ дѣйствіе дисциплина, подобная той, которая пріучаетъ ребенка къ самоуправленію. Если юноша, вступивъ въ дѣловую жизнь, тратитъ напрасно время, лѣнивъ и неискусно исполняетъ возложенную

на него обязанность, за этимъ вскорѣ слѣдуетъ естественное наказаніе: онъ лишается мѣста и временно терпитъ бѣдствія относительной бѣдности. Человѣкъ неисправный, всегда пропускающій время, назначаемое для дѣлъ и для удовольствій безпрерывно подвергается непріятностямъ, потерямъ и лишеніямъ. Торговецъ, слишкомъ повышающій указный процентъ теряетъ своихъ покупателей и тѣмъ обуздывается въ своей жадности. Уменьшающаяся практика заставляетъ нерадиваго врача болѣе заботиться о своихъ паціентахъ. Слишкомъ легковѣрный кредиторъ и слишкомъ горячій спекуляторъ точно также вслѣдствій затрудненій, въ которые они бываютъ поставлены своею опрометчивостью, привыкаютъ быть болѣе осторожными въ своихъ дѣлахъ. Тоже самое и въ жизни каждаго гражданина. Изъ поговорки, такъ часто употребляемой въ подобныхъ случаямъ—„Обжегшійся ребенокъ страшится огня“ — мы не только видимъ, что всѣми признается аналогія между этою общественною дисциплиною и природною дисциплиною дѣтей, но видимъ также что дисциплина эта имѣетъ огромную важность. И убѣжденіе это нетолько подразумѣваемое, но ясно опредѣленное. Каждому приходилось

слышать признаніе другихъ, что только „дорогою цѣною опыта“ они принуждены были бросить прежній дурной или безумный образъ жизни. Каждый слышалъ, въ разсужденіяхъ о поступкахъ мота или какого нибудь прожектёра, замѣчаніе, что совѣты были безполезны и что кромѣ „горькаго опыта“ ничего не могло имѣть дѣйствія. Ничего, кромѣ испытанія неминуемыхъ послѣдствій. Если нужно еще дальнѣйшее доказательство того, что естественное противодѣйствіе есть не только въ высшей степени дѣйствительное наказаніе, но что оно и не замѣнимо никакимъ наказаніемъ, придуманномъ людьми, то мы можемъ указать на всѣмъ извѣстную безуспѣшность нашихъ различныхъ уголовныхъ системъ. Изъ многихъ методовъ уголовной дисциплины когда либо предлагаемыхъ и узаконяемыхъ, ни одинъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ ихъ защитниковъ. Искусственныя наказанія были безуспѣшны въ исправленіи и во многихъ случаяхъ увеличивали преступность. Единственно успѣшныя частныя исправительныя заведенія, управленіе которыхъ приближается къ методу природы — и которыя не много усиливаютъ естественныя послѣдствія преступнаго поведенія: уменьшая свободу дѣйствій преступника, насколько это

необходимо для безопасности общества и требуя, чтобы онъ самъ содержалъ себя, живя подъ этимъ ограниченіемъ. И такъ мы видимъ, что дисциплина, научающая ребенка управлять своими движеніями, руководитъ и поведеніемъ большинства взрослыхъ и ведетъ ихъ къ большему или меньшему усовершенствованію и и что дисциплина, изобрѣтаемая людьми для самыхъ испорченныхъ взрослыхъ бываетъ неудачна, когда расходится съ дисциплиною, установленною природою, и начинаетъ успѣвать по мѣрѣ приближенія къ ней.

И такъ не представляетъ ли намъ все это руководящій принципъ нравственнаго воспитанія? Не должны ли мы заключить, что система столь благодѣтельная въ своихъ дѣйствіяхъ на дѣтей и взрослыхъ должна быть также благодѣльна и въ періодъ юношества? Возможно ли представить себѣ, чтобы методъ столь удовлетворительный въ первомъ и послѣднемъ отдѣлѣ жизни, не былъ годенъ для средняго возраста? Не ясно ли, что, какъ „служители и толкователи природы", родители обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы дѣти ихъ всегда испытывали дѣйствительныя слѣдствія своихъ поступковъ—естественныя противодѣйствія, которыя не должны ни отклоняться, ни

усиливаться, ни замѣщаться искуственными послѣдствіями? Каждый непредубѣжденный читатель, безъ сомнѣнія, согласится съ нами.

Однако, вѣроятно, найдутся люди, которые станутъ утверждать, что уже большинство родителей поступаютъ такимъ образомъ — что опредѣляемыя ими наказанія большею частью дѣйствительныя послѣдствія дурнаго поведенія—что гнѣвъ родителей, выражающійся въ грубыхъ словахъ и суровомъ обращеніи, есть результатъ проступка ребенка—и что въ страданіяхъ, физическихъ и нравственныхъ, которымъ подвергается ребенокъ, онъ испытываетъ естественное противодѣйствіе своего дурнаго поведенія. Рядомъ съ большими заблужденіями утвержденіе это заключаетъ нѣкоторую долю правды. Неоспоримо, что неудовольствіе отцовъ и матерей есть справедливое послѣдствіе проступка юноши и что изъявленіе этого неудовольствія есть нормальное обузданіе дурныхъ дѣйствій. Брань, угрозы и удары, которые провинившійся ребенокъ получаетъ въ наказаніе отъ вспыльчиваго родителя, безъ сомнѣнія суть слѣдствія, вызванныя виною и по этому они, нѣкоторымъ образомъ, могутъ также считаться естественными противодѣйствіями дурныхъ поступковъ. Мы не говоримъ также, чтобы

этотъ способъ обращенія не былъ относительно хорошъ—то есть, хорошъ въ отношеніи необузданныхъ дѣтей дурно-обузданныхъ родителей, хорошъ въ отношеніи того состоянія общества, когда подобные взрослые составляютъ массу народа. Какъ мы уже говорили, воспитательныя системы, подобно политическимъ и другимъ учрежденіямъ, вообще хороши настолько, насколько состояніе человѣческой природы дозволяетъ имъ быть хорошими. Дикія дѣти дикихъ родителей, вѣроятно, могутъ только обуздываться дикими методами, произвольно употребляемыми подобными родителями и очень можетъ быть, что эти дикіе методы временно могутъ быть лучшею подготовкою дѣтей къ тому дикому обществу, въ которое имъ придется вступить. Напротивъ того, цивилизованные члены цивилизованнаго общества будутъ самопроизвольно менѣе свирѣпо проявлять свое неудовольствіе—употреблять болѣе кроткія мѣры хотя, достаточно строгія для ихъ болѣе добронравныхъ дѣтей. Вотъ въ какомъ смыслѣ справедливо, что,—насколько это касается выраженія родительскихъ чувствъ—всѣ болѣе или менѣе слѣдуютъ принципу естественнаго противодѣйствія. Система домашняго управленія всегда стремится принять свою надлежащую форму.

Кромѣ того, замѣтьте еще два важные факта. Первый состоитъ въ томъ, что при крутыхъ переходахъ, подобныхъ нашимъ, которые свидѣтельствуютъ о безпрерывной борьбѣ между старыми и новыми теоріями, старыми и новыми пріемами, употребляемые воспитательные методы могутъ значительно не соотвѣтствовать духу времени. Изъ уваженія къ догматамъ, годнымъ только для тѣхъ вѣковъ, которые ихъ создали, многіе родители употребляютъ наказанія, которыми они насилуютъ свои чувства и подвергаютъ дѣтей неестественнымъ противодѣйствіямъ; между тѣмъ какъ другіе родители, вѣрящіе возможность непосредственнаго совершенства, впадаютъ въ противоположную крайность. Второй фактъ тотъ, что дисциплина, имѣющая главную цѣнность, заключается не въ испытаніи одобренія или порицанія родителей, но въ испытаніи окончательныхъ результатовъ, вытекающихъ изъ поведенія, независимо отъ родительскаго мнѣнія или вмѣшательства. Дѣйствительно поучительныя и благотворныя слѣдствія не тѣ, которыя причиняются родителями, когда они берутся быть повѣренными природы, но тѣ, которыя налагаются самою природою. Мы постараемся выяснить это различіе примѣрами, которые

покажутъ, что мы подразумѣваемъ подъ естественными противодѣйствіями въ противоположность съ искусственными и въ тоже время доставятъ нѣсколько практическихъ совѣтовъ.

Во всѣхъ семействахъ, гдѣ есть маленькія дѣти ежедневно происходитъ то, что матери и слуги называютъ „дѣланіемъ безпорядка". Ребенокъ вытащитъ свой ящикъ съ игрушками и оставляетъ ихъ разбросанными по полу. Пучекъ цвѣтовъ, принесенный съ утренней прогулки, оказывается разсыпаннымъ по столамъ и стульямъ. Маленькая дѣвочка шьетъ платья кукламъ и обезображиваетъ комнату лоскутьями. Большею частью трудъ исправленія безпорядка налагается не на тѣхъ на кого бы слѣдовало. Если онъ происходитъ въ дѣтской, сама няня беретъ на себя работу, ворча на „скучныхъ шалуновъ; если въ другихъ комнатахъ—то работа достается обыкновенно или одному изъ старшихъ дѣтей или служанкѣ: виновникъ подвергается только выговорамъ. Въ этомъ весьма простомъ случаѣ, однако, многіе родители настолько благоразумны, что придерживаются, болѣе или менѣе послѣдовательно, нормальнаго порядка—заставляютъ самаго ребенка собирать игрушки или лоскутья. Трудъ приведенія вещей въ поря-

докъ есть прямое послѣдствіе причиненнаго безпорядка. Каждый купецъ въ своей конторѣ, каждая женщина въ своемъ хозяйствѣ ежедневно на опытѣ встрѣчаются съ этимъ фактомъ. А если воспитаніе есть подготовленіе къ трудной жизни, въ такомъ случаѣ каждый ребенокъ долженъ съ самаго начала точно также на опытѣ ознакомиться съ этимъ фактомъ. Если естественное наказаніе встрѣчаетъ упорство (что можетъ случиться если вначалѣ употреблялась плохая система нравственной дисциплины), то справедливо заставитъ ребенка почувствовать окончательное противодѣйствіе, вызванное его непослушаніемъ. Когда дитя отказывается или забываетъ собрать и положить на мѣсто разбросанныя имъ вещи и тѣмъ навлекаетъ трудъ исполненія этого на другихъ, его слѣдуетъ, на будущее время, лишить возможности причинять подобное безпокойство. Когда послѣ того онъ проситъ дать ему его ящикъ съ игрушками, отвѣтъ матери долженъ быть таковъ: „въ послѣдній разъ ты оставилъ свои игрушки разбросанными по полу и Аннѣ пришлось убирать ихъ. Анна слишкомъ занята, чтобы каждый день убирать вещи, которыя ты разбрасываешь и я тоже не имѣю возмож-

ности дѣлать этого. И такъ какъ ты не хочешь убирать игрушки, послѣ того какъ кончишь играть, то я не могу дать тебѣ ихъ". Это, очевидно, естественное послѣдствіе, ни усиленное, ни ослабленное и ребенокъ долженъ это сознать. Наказаніе налагается въ ту минуту, когда оно наиболѣе живо чувствуется. Только что возродившееся желаніе встрѣчаетъ препятствіе въ минуту ожидаемаго удовольствія. Это сильное впечатлѣніе, произведенное такимъ образомъ на ребенка, почти не можетъ не повліять на его послѣдующее поведеніе и вліяніе это, при постоянномъ повтореніи, приведетъ къ возможному исправленію недостатковъ. Этимъ способомъ ребенокъ узнаетъ, что въ жизни удовольствія справедливо достигаются только цѣною труда, а знаніе это никогда не можетъ быть слишкомъ раннимъ.

Возьмите другой случай. Не такъ давно намъ часто приходилось слышать выговоры, дѣлаемые одной маленькой дѣвочкѣ, которая почти никогда не была готова во время для ежедневныхъ прогулокъ. Имѣя живой характеръ и способная вполнѣ отдаться занятію минуты, Констанція никогда не думала одѣваться до тѣхъ поръ, пока всѣ другіе уже не были готовы. Гувернанткѣ и другимъ дѣтямъ

почти всегда приходилось ждать ее и отъ матери она почти постоянно получала одни и тѣже выговоры. Система эта была крайне ошибочна, но матери ни разу не пришло на умъ заставить Констанцію испытать естественное наказаніе. Она даже не хотѣла прибѣгнуть къ нему, послѣ того какъ ей это посовѣтовали. Въ жизни, неакуратность лишаетъ многихъ выгодъ, которыя иначе могли бы быть достигнуты: или поѣздъ уходитъ или пароходъ отчаливаетъ предъ глазами или лучшія вещи на рынкѣ распроданы или всѣ хорошія мѣста въ концертной залѣ заняты. И каждый, въ часто повторяющихъ случаяхъ, можетъ видѣть, что только ожидаемое лишеніе заставляетъ людей опаздывать. Не очевиденъ ли выводъ? Не должны ли предусматриваемыя лишенія руководить также и поведеніемъ дѣтей? Если Констанція не готова во время, естественнымъ слѣдствіемъ должно быть то, что она остается дома и лишается прогулки. И послѣ того какъ она одинъ или два раза посидитъ дома, въ то время какъ другія дѣти веселятся на полѣ—и пойметъ, что единственною причиною лишенія такого большаго удовольствія была ея мѣшкотность, она, по, всей вѣроятности, не замедлитъ исправиться.

Во всякомъ случаѣ это средство будетъ болѣе дѣйствительно, чѣмъ безпрерывная брань, порождающая наконецъ нечуствительность къ ней.

Возьмемъ еще примѣръ, когда дѣти съ большею чѣмъ обыкновенною безпечностью ломаютъ или теряютъ подаренныя имъ вещи, естественное наказаніе должно быть то неудобство, которое дѣлаетъ взрослыхъ особъ болѣе заботливыми. Недостатокъ потерянной или испорченноий вещи и издержки на замѣщеніе ее — вотъ испытанія, исправляющія взрослыхъ людей въ подобныхъ случаяхъ; испытанія дѣтей должны быть, по возможности подобны этому. Мы говоримъ не о томъ раннемъ періодѣ, когда игрушки ломаются при процессѣ изученія ихъ физическихъ свойствъ и когда послѣдствія безпечности не могутъ быть поняты, но о болѣе позднемъ возрастѣ, когда понимается значеніе и выгоды собственности. Когда мальчикъ, подростетъ настолько, что можетъ имѣть перочинный ножъ, но получивъ такъ дурно пользуется имъ, что или ломаетъ, или забываетъ въ травѣ у забора, гдѣ онъ срѣзалъ себѣ трость, безразсудный отецъ, или снисходительный родственникъ, обыкновенно, тотчасъ же покупаютъ ему другой, не подозрѣвая, что этимъ поступкомъ, они предупреждаютъ цѣн-

ный урокъ. Въ подобномъ случаѣ, по настоящему, отцу слѣдовало-бы объяснить мальчику, что перочинный ножикъ стоитъ денегъ и что, для пріобрѣтенія денегъ, требуется трудъ; что онъ не въ состояніи покупать новые перочинные ножи, тому, кто теряетъ или ломаетъ ихъ; и что пока онъ не удостовѣрится въ большей заботливости, до тѣхъ поръ онъ долженъ отказаться вознаградить потерю. Подобнымъ же способомъ можетъ обуздываться и расточительность.

Эти немногіе, весьма обыкновенные примѣры, выбранные именно вслѣдствіе той простоты, съ которой они изъясняютъ нашу мысль, сдѣлаютъ каждому понятнымъ различіе между естественными наказаніями, которыя мы считаемъ наиболѣе дѣйствительными, и искуственными, которыми обыкновенно, замѣняютъ ихъ. Прежде разсмотрѣнія высшихъ и наиболѣе искусныхъ примѣненій, изъясненнаго принципа, укажемъ на его многія и важныя преимущества надъ принципомъ, или скорѣе, эмпирическою практикою, господствующею въ большинствѣ семействъ.

Одно изъ преимуществъ заключается въ томъ, что слѣдованіе предлагаемому принципу производитъ правильное понятіе о причинѣ и слѣд-

ствіи, которое путемъ многократнаго и основательнаго опыта достигаетъ наконецъ опредѣленности и полноты. Разумный образъ дѣйствія въ жизни, обезпечивается гораздо вѣрнѣе, тамъ, гдѣ хорошія или бѣдственныя послѣдствія поступковъ поняты, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда они только принимаются на вѣру. Дитя, которое узнаетъ, что безпорядочность, ведетъ за собою трудъ приведенія вещей въ порядокъ, или лишается удовольствія, вслѣдствіе своей мѣшкотности, или терпитъ нужду, въ какой нибудь дорого-цѣнимой имъ вещи, вслѣдствіе своей безпечности, не только живо чувствуетъ послѣдствія, но и пріобрѣтаетъ знаніе причинъ: какъ тѣ, такъ и другія, совершенно подобны тѣмъ, какія представятся въ зрѣлой жизни. Ребенокъ же, который въ подобныхъ случаяхъ подвергается выговору, или искусственному наказанію, не только испытываетъ послѣдствіе, накоторое онъ часто не обращаетъ никакого вниманія, но лишается урока относительно существенныхъ отличій хорошаго и дурнаго поведенія, который онъ могъ бы получить. Недостатокъ принятыхъ системъ искусственныхъ наградъ и наказаній, давно уже замѣченный людьми проницательными, состоитъ въ томъ, что замѣщая естественные результаты дурнаго по-

веденія извѣстными выговорами и наказаніями, тѣмъ порождаютъ радикально ошибочныя правила нравственности. Привыкнувъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ разсматривать неудовольствіе родителей или наставниковъ, какъ главный результатъ запрещеннаго поступка, въ умѣ юноши утверждается связь, между подобнымъ поступкомъ и неудовольствіемъ, какъ между причиною и дѣйствіемъ. Затѣмъ, когда родители и наставники сходятъ со сцены, и нечего болѣе бояться ихъ неудовольствія, препятствія запрещенныхъ дѣйствій, въ значительной мѣрѣ устраняются. Надлежащія препятствія, естественныя противодѣйствія, приходится теперь узнавать изъ горькаго опыта нѣкто, близко знакомый съ этою недальновидною системою пишетъ: „Молодые люди, преимущественно тѣ, которые мало пользуются вліяніемъ родителей, по выходѣ изъ школы, впадаютъ во всевозможныя безразсудства. Они не знаютъ ни какихъ правилъ поведенія — имъ неизвѣстны начала нравственности — у нихъ нѣтъ основъ, на которые они могли-бы опереться— и пока жизнь не проучитъ ихъ, до тѣхъ поръ они остаются крайне вредными членами общества“.

Другое важное преимущество этой естест-

венной дисциплины состоитъ въ томъ, что это есть дисциплина безусловной справедливости и таковою ее признаетъ каждый ребенокъ. Если человѣкъ претерпѣваетъ только то зло, которое естественно проистекаетъ изъ его собственнаго дурнаго поведенія, то гораздо менѣе вѣроятно, чтобы онъ нашелъ, что съ нимъ несправедливо обращаются, чѣмъ въ противномъ случаѣ, когда онъ претерпѣваетъ искусственно причиненное зло. А это должно имѣть вліяніе на дѣтей, какъ и на взрослыхъ. Представимъ себѣ мальчика, нерадиваго къ своей одеждѣ—лазящаго по заборамъ, или необращающаго нималѣйшаго вниманія на грязь. Если его прибьютъ или уложатъ въ постель, онъ готовъ подумать, что съ нимъ дурно обращаются и скорѣе станетъ размышлять о своемъ оскорбленіи, чѣмъ каяться въ проступкѣ. Но предположите, что его заставятъ исправить насколько возможно то, что онъ испортилъ — очистить грязь, которою онъ себя забрызгалъ, или зачинить какъ онъ съумѣетъ разорванное платье. Развѣ онъ не почувствуетъ, что онъ самъ виновникъ этой непріятности? Развѣ онъ, подвергаясь подобному наказанію, не будетъ непрерывно сознавать связь между нимъ и причиною его? Развѣ онъ, не смотря на свое огорченіе, не сознаетъ болѣе

или менѣе ясно справедливость распоряженія? Если нѣсколько подобныхъ уроковъ не ведутъ за собою исправленія—если всѣ платья изнашиваются преждевременно — если отецъ, придерживаясь этой системы дисциплины, отказывается тратить деньги на новыя до истеченія извѣстнаго срока — и между тѣмъ выпадаютъ случаи, когда мальчикъ, за неимѣніемъ приличнаго платья, лишается удовольствія участвовать вмѣстѣ съ остальными членами семейства въ прогулкахъ и праздникахъ, очевидно, что онъ сильно почувствуетъ наказаніе и въ тоже время почти несомнѣнно прослѣдитъ цѣпь причинъ и замѣтитъ, что началомъ всего была его собственная небрежность. Понявъ это, въ немъ не будетъ чувства несправедливости, которое зародилось бы, если бы связь между проступкомъ и наказаніемъ не была столь очевидна.

Сверхъ того, характеръ какъ родителей, такъ и дѣтей менѣе портится при этой системѣ, чѣмъ при обыкновенной. Если, вмѣсто того, чтобы допустить дѣтей испытать тяжелыя послѣдствія, естественно слѣдующія за дурнымъ поведеніемъ, родители сами навлекаютъ на нихъ извѣстныя болѣе тяжелыя послѣдствія, они причиняютъ двойное зло. Умножая, какъ они это

дѣлаютъ, семейные законы и отождествляя свое первенство и достоинство съ охраненіемъ этихъ законовъ, они смотрятъ на каждый проступокъ, какъ на обиду, нанесенную лично имъ, какъ на причину гнѣва съ ихъ стороны. Затѣмъ слѣдуетъ дальнѣйшее безпокойство изъ за того, что они принимаютъ на себя, въ видѣ труда или издержекъ, тѣ дурныя послѣдствія, которыя долженъ бы былъ испытать провинившійся. Тоже самое и въ отношеніи дѣтей. Наказанія, налагаемыя на нихъ неизбѣжнымъ противодѣйствіемъ—наказанія, опредѣляемыя безличнымъ дѣятелемъ, производятъ сравнительно незначительное и мимолетное раздраженіе; между тѣмъ какъ наказанія, налагаемыя родителями и впослѣдствіи разсматриваемыя какъ причиненныя ими, производятъ и гораздо болѣе сильное и болѣе продолжительное раздраженіе. Теперь разсмотримъ, какъ бѣдственны были бы послѣдствія, если бы этотъ эмпирическій методъ примѣнялся съ самаго начала. Представьте себѣ, что было бы возможно родителямъ брать на себя физическую боль, которой подвергаются дѣти по невѣдѣнію, или вслѣдствіе неловкости и что, принимая на себя эти естественныя страданія, они причиняютъ имъ искусственныя, желая показать не-

правоту ихъ поступка. Представьте себѣ, что дитя, которому было запрещено дотрогиваться до котла, обливаетъ себѣ ногу кипяткомъ, а мать беретъ на себя обжогъ и вмѣсто того колотитъ ребенка и такъ бы дѣйствовала и въ другихъ случаяхъ. Не были-ли бы ежедневныя несчастія, источникомъ гораздо большаго гнѣва, чѣмъ настоящій? Не было-ли бы хроническаго дурнаго расположенія духа обѣихъ сторонъ? Однако, точь въ точь подобной политики придерживаются въ послѣдующіе годы. Отецъ, который бьетъ сына за то, что онъ по неосторожности или умышленно сломалъ игрушку сестры, а самъ платитъ за новую игрушку, поступаетъ точно также—на виновника налагаетъ искусственное наказаніе, а естесственное беретъ на себя. Какъ его личныя, чувства такъ и чувства виновника раздражены безполезно. Если бы онъ только потребовалъ замѣщенія вещи, озлобленіе было бы гораздо слабѣе. Если бы онъ сказалъ сыну, что игрушка должна быть куплена на его счетъ и что изъ его денегъ слѣдуетъ вычесть необходимую сумму, неудовольствіе съ обѣихъ сторонъ было бы слабѣе, а между тѣмъ въ послѣдующемъ лишеніи мальчикъ испыталъ бы справедливое и полезное показаніе. Короче сказать, система дисци-

плины путемъ естественныхъ противодѣйствій менѣе вредно вліяетъ на характеръ, такъ какъ дѣти понимаютъ, что она ничто иное, какъ безусловная справедливость, и такъ какъ она въ значительной степени замѣщаетъ личное вмѣшательство родителей безличнымъ посредствомъ природы.

Далѣе очевиденъ выводъ, что такъ какъ при этой системѣ отношенія между родителями и дѣтьми болѣе дружественны, то и вліяніе однимъ, на другихъ будетъ сильнѣе. Вообще какъ для родителей, такъ и для ребенка гнѣвъ вреденъ, чѣмъ бы онъ ни былъ вызванъ и на кого бы онъ ни былъ направленъ. Но гнѣвъ родителей на дѣтей, или дѣтей на родителей особенно вреденъ потому, что, онъ ослабляетъ связь симпатіи, столь необходимую для благодѣтельнаго вліянія. Изъ закона ассоціаціи идей неизбѣжно слѣдуетъ, что и ребенокъ, и взрослый, чувствуетъ отвращеніе къ тѣмъ вещамъ, съ которыми обыкновенно связаны непріятныя ощущенія. Или, если привязанность первоначально существуетъ, она ослабляется, или обращается въ отвращеніе, сообразно количеству доставляемыхъ тяжелыхъ впечатлѣній. Родительская злоба, часто проявляющаяся въ выговорахъ и наказаніяхъ, непремѣнно поведетъ

за собою отчужденіе дѣтей и обратно, злопамятность и упорство дѣтей, не преминетъ ослабить, или наконецъ, и совершенно уничтожить чувствуемую къ нимъ привязанность. Вотъ отчего такъ многочисленны случаи, что къ родителямъ (и преимущественно отцамъ, которымъ обыкновенно предоставляется опредѣленіе наказаній) относятся съ равнодушіемъ, если не съ отвращеніемъ и не менѣе часты случаи, что на дѣтей смотрятъ какъ на несчастіе. И такъ увидѣвъ—а видѣть это долженъ каждый—что отчужденіе подобнаго рода пагубно для здоровой нравственной культуры, мы должны признать, что со стороны родителей никто небудетъ лишнимъ въ дѣлѣ избѣжанія поводовъ къ прямому антагонизму съ дѣтьми и по этому они не могутъ достаточно заботливо пользоваться дисциплиною естесственныхъ послѣдствій, которая, освобождая ихъ отъ карательной обязанности, предупреждаетъ взаимное раздраженіе и отчужденіе.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что методъ нравственной культуры путемъ испытанія нормальныхъ противодѣйствій, самою природою опредѣленный для младенчества и для взрослой жизни, одинаково примѣнимъ и къ промежуточномъ періодамъ дѣтства и юношества. Глав-

ныя преимущества этого метода заключаются: во первыхъ въ томъ, что оно ведетъ къ разумному познанію хорошаго и дурнаго поведенія, проистекающему изъ личнаго испытанія хорошихъ или дурныхъ его послѣдствій; во вторыхъ въ томъ, что ребенокъ, претерпѣвая только тяжелыя слѣдствія своихъ собственныхъ ошибокъ, долженъ болѣе или менѣе ясно сознавать справедливость наказаній; въ третьихъ въ томъ, что, сознавая справедливость наказаній и получая ихъ болѣе отъ безличнаго дѣятеля, чѣмъ отъ людей, характеръ ребенка портится несравненно менѣе, между тѣмъ какъ родители, допуская испытаніе естественныхъ наказаній, исполняютъ сравнительно бездѣйственную обязанность, а потому и сохраняютъ сравнительное душевное спокойствіе; въ четвертыхъ въ томъ, что, вслѣдствіе предупрежденія взаимнаго отвращенія и отношенія между родителями и дѣтьми должны быть болѣе счастливыми и болѣе вліятельными.

„Но какъ поступать въ болѣе важныхъ случаяхъ дурнаго поведенія?“ спросятъ насъ. „Какъ примѣнить этотъ методъ, если совершено незначительное воровство или пущена въ ходъ ложь или обижены младшій братъ или сестра?“ Прежде чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, разсмотримъ нѣсколько изъяснительныхъ фактовъ.

Одинъ изъ нашихъ друзей, живя въ семействѣ своего зятя, взялъ на себя воспитаніе маленькихъ племянника и племянницу. Онъ повелъ это воспитаніе, — можетъ болѣе по природной симпатіи, чѣмъ вслѣдствіе разумнаго убѣжденія, въ духѣ изложеннаго выше метода. Оба ребенка дома были его учениками, а внѣ дома его товарищами. Они ежедневно сопровождали его въ прогулкахъ и ботаническихъ экскурсіяхъ, усердно отыскивали ему растенія, слѣдили за тѣмъ, какъ онъ разсматривалъ и сравнивалъ эти растенія, и такъ или иначе, его общество всегда было для нихъ пріятно и поучительно. Однимъ словомъ, съ нравственной стороны, его отношенія къ нимъ было болѣе родительскія, чѣмъ отношенія ихъ отца и матери. Описывая намъ результаты своей политики, между многими примѣрами онъ привелъ намъ слѣдующій. Какъ-то вечеромъ, ему понадобилась какая-то вещь, находившаяся въ другой части дома и онъ попросилъ племянника принести ее. Мальчикъ былъ въ то время сильно занятъ какою-то игрушкою и, противъ обыкновенія, или выразилъ неохоту, или отказался, — мы забыли, что именно — исполнить просьбу. Его дядя, не допуская принудительныхъ мѣръ, пошелъ самъ затѣмъ, что ему

было нужно, выразивъ только во взглядѣ, какъ непріятенъ ему этотъ дурной поступокъ. И когда позже вечеромъ, мальчикъ просилъ его поиграть съ нимъ, какъ обыкновенно, онъ получилъ серіозный отказъ, дядя выказалъ именно ту холодность, которая естественно произошла въ немъ и такимъ образомъ заставилъ мальчика почувствовать необходимыя послѣдствія его поведенія. На слѣдующее утро, въ обычное время вставанія, нашъ другъ услышалъ за дверью дѣтскій голосъ и вскорѣ затѣмъ вошелъ его маленькій племянникъ, неся ему теплую воду. Смотря вокругъ себя, не надо ли еще чего нибудь сдѣлать, мальчикъ наконецъ воскликнулъ: „А! вамъ нужно принести сапоги,“ и тотчасъ же бросился внизъ за ними. Этимъ и иными способами, онъ показывалъ искреннее раскаяніе въ своемъ проступкѣ. Не обычными услугами онъ старался загладить свою вину. Его лучшія чувства рѣшительно одержали верхъ надъ нисшими и укрѣпились вслѣдствіе побѣды. А испытавъ, что значитъ лишиться дружбы онъ еще больше сталъ дорожить ею, когда заслужилъ ее снова.

Этотъ человѣкъ теперь самъ отецъ; онъ поступаетъ по той-же системѣ и находитъ ее вполнѣ удовлетворительною. Онъ истинный другъ

своихъ дѣтей. Вечеръ ожидается ими съ нетерпѣніемъ, потому что они знаютъ, что отецъ будетъ съ ними, и они особенно наслаждаются въ воскресенье, потому что онъ цѣлый день дома. Такимъ образомъ, пользуясь ихъ полнымъ довѣріемъ и любовью, онъ находитъ, что одно изъявленіе одобренія или порицанія даетъ ему огромную силу вліянія. Если онъ, возвратившись домой, узнаетъ, что кто нибудь изъ дѣтей упрямился, онъ обращается съ тою холодностью, какую онъ ежедневно ощущаетъ вслѣдствіе дурнаго поведенія ребенка и онъ видитъ въ этомъ наиболѣе дѣйствительное наказаніе. Простое воздержаніе отъ обычныхъ ласкъ служитъ источникомъ большаго горя—вызываетъ болѣе продолжительный параксизмъ плача, чѣмъ могли бы вызвать побои. Страхъ этого чисто нравственнаго наказанія, говоритъ онъ, никогда не исчезнетъ въ его отсутствіи и онъ такъ великъ, что часто впродолженіи дня дѣти спрашиваютъ мать, какъ они себя вели и хорошъ ли будетъ отзывъ о нихъ. Не такъ давно, старшій, живой пятилѣтній мальчикъ въ припадкѣ животнаго одушевленія, свойственнаго здоровымъ дѣтямъ, надѣлалъ множество глупостей въ отсутствіе матери—отрѣзалъ клокъ волосъ у своего брата и ранилъ себя бритвою, взятою

изъ туалетнаго ящика отца. Услышавъ объ этомъ происшествіи, отецъ не говорилъ съ мальчикомъ ни въ тотъ день вечеромъ, ни на слѣдующее утро. Кромѣ непосредственнаго сокрушенія, слѣдствіемъ этого было то, что, когда черезъ нѣсколько дней мать собралась куда-то, мальчикъ сталъ просить ее остаться дома и послѣ распросовъ оказалось, что онъ опасался возможности провиниться во время ея отсутствія.

Мы привели эти факты прежде чѣмъ отвѣтили на вопросъ — „какъ поступать въ случаѣ болѣе важныхъ проступковъ?—съ цѣлью показать прежде всего какія отношенія могутъ и должны установляться между родителями и дѣтьми, такъ какъ отъ существованія этихъ отношеній зависятъ успѣшные пріемы при подобныхъ важныхъ ошибкахъ. Дальнѣйшимъ же предварительнымъ пунктомъ должно быть указаніе, что установленіе этихъ отношеній зависитъ отъ принятія защищаемой нами системы. Мы уже показали, что только допуская дѣтей испытывать мучительныя реакціи ихъ собственныхъ дурныхъ поступковъ, родители избѣгаютъ антагонизма и возможности считаться врагами, но намъ остается еще показать, что при дальнейшемъ слѣдованіи по этому пути съ самаго начала возродится чувство дѣйствительной дружбы.

Въ настоящее время, дѣти смотрятъ на отцовъ и матерей, какъ на дружелюбныхъ враговъ. Такъ какъ впечатлѣнія дѣтей неизбѣжно опредѣляются обращеніемъ съ ними и такъ какъ это обращеніе колеблется между баловствомъ и запрещеніями, то между ласкою и бранью, снисхожденіемъ и наказаніемъ, они необходимо составляютъ себѣ два противоположныя мнѣнія о характерѣ родителей. Обыкновенно мать считаетъ достаточнымъ сказать ребенку, что она его лучшій другъ и думаетъ, что если она внушитъ ему, что онъ долженъ вѣрить ей, то онъ станетъ вѣрить. „Все для твоего блага"; „я лучше тебя знаю, что тебѣ полезнѣе"; „ты слишкомъ малъ, чтобъ понимать это теперь, но когда выростешь, будешь благодаренъ мнѣ, что я такъ поступаю"; эти и подобныя имъ увѣренія повторяются ежедневно. Между тѣмъ ребенокъ ежедневно претерпѣваетъ положительныя мученія и ежечасно ему запрещаютъ дѣлать то или другого, что ему хочется. На словахъ онъ слышитъ, что его счастье составляютъ главную цѣль, но на дѣлѣ его постоянно болѣе или менѣе мучатъ. Неспособный еще понимать то будущее, которое имѣетъ въ виду его мать, или какимъ это образомъ обраще-

ніе ведетъ къ счастію въ этомъ будущемъ, онъ судитъ по тѣмъ результатамъ, которые ощущаетъ и не находя никакой пріятности въ этихъ результатахъ, начинаетъ относиться скептически къ ея признаніямъ въ дружественности. И не безсмысленно ли ожидать инаго результата? Не долженъ ли ребенокъ разсуждать на основаніи очевидныхъ данныхъ и не должны ли эти очевидныя данныя повидимому оправдывать его заключенія? На его мѣстѣ мать разсуждала бы точно также. Если бы между ея знакомыми нашелся кто нибудь, кто постоянно противорѣчилъ бы ея желаніямъ, дѣлалъ ей рѣзкіе выговоры и причинялъ настоящія страданія, то она, конечно, не обращала бы никакого вниманія на увѣренія въ заботливости о ея благѣ, сопровождающемъ такой образъ дѣйствія. Почему же она предполагаетъ, что ребенокъ долженъ поступать иначе?

Теперь посмотрите, какъ противоположны были бы результаты, если бы послѣдовательно держались той системы, которую мы отстаиваемъ—если бы мать не только избѣгала, но была бы истиннымъ другомъ ребенка и отвращала отъ него наказанія, налагаемыя природою. Возьмемте самый простой примѣръ, кото-

рый могъ бы изъяснить какъ примѣнять эту систему къ самому раннему возрасту. Предположите, что побуждаемый духомъ изслѣдованія,—столь очевиднымъ въ дѣтяхъ, дѣйствія которыхъ инстинктивно согласуются съ индуктивнымъ методомъ изслѣдованія — ребенокъ забавляется, зажигая кусочки бумаги на свѣчи и наблюдая какъ они сгораютъ. Обыкновенная неразсудительная мать, или не допуститъ его до „вреда", или изъ боязни, что онъ обожжется, велитъ ему перестать, а въ случаѣ неповиновенія отниметъ отъ него бумагу. Но если бы ребенокъ былъ такъ счастливъ, что имѣлъ мать, обладающую нѣкоторымъ разсудкомъ, которая понимала бы, что интересъ съ которымъ онъ наблюдаетъ, какъ горитъ бумага, проистекаетъ изъ здравой любознательности и была бы способна обсудить послѣдствія запрещенія, она разсуждала бы такъ:— „Если я воспрепятствую этому, я помѣшаю ему пріобрѣсть извѣстное знаніе. Правда, что я могу избавить ребенка отъ обжога но что же изъ этого? Онъ навѣрно, когда нибудь обожжется и даже для его безопасности въ жизни ему необходимо по опыту узнать свойства пламени. Если я запрещу ему подвергаться настоящей опасности, то онъ безъ сом-

нѣнія подвергается точно такой же или еще большей опасности въ другое время, когда некому будетъ предостеречь его; если же съ нимъ случится какое нибудь несчастіе при мнѣ, онъ можетъ избѣгнуть другаго большаго вреда. Сверхъ того, если я остановлю его на этотъ разъ, онъ станетъ добиваться того, что само по себѣ есть чисто безвредное и въ сущности поучительное удовольствіе и будетъ смотрѣть на меня болѣе или менѣе злобно. Такъ какъ ему неизвѣстна боль, отъ которой я могу спасти его, и такъ какъ онъ ощутитъ только непріятность отъ противодѣйствія его желанію, то онъ неизбѣжно будетъ смотрѣть на меня, какъ на причину этой непріятности. Спасая его отъ боли, которую онъ не можетъ понять и которая поэтому для него не существуетъ, я причиню ему боль, которую онъ достаточно живо почувствуетъ и, такимъ образомъ, съ его точки зрѣнія, буду орудіемъ зла. Поэтому самое благоразумное съ моей стороны, предостеречь его отъ вреда и быть готовой предупредить серіозную опасность". И поступая согласно этому выводу, она говоритъ ребенку — „Я боюсь, что ты обожжешься, если будешь это дѣлать". Предположите, что ребенокъ настаивая на своемъ, что вѣроятно случится, кон-

чаетъ тѣмъ, что обжигаетъ себѣ руку. Что окажется въ результатѣ? Во первыхъ онъ пріобрѣтаетъ опытность, которая во всякомъ случаѣ должна быть имъ пріобрѣтена и для его же безопасности никогда не можетъ быть пріобрѣтена слишкомъ рано. Во вторыхъ, онъ видитъ, что мать осуждая или предостерегая его имѣла въ виду его пользу: онъ положительно удостовѣряется въ ея благосклонности, еще одну причину полагаться на ея сужденіе и доброту, еще причину любить ее.

Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ рискуетъ сломать себѣ ногу или потерпѣть иной значительный вредъ, необходимы насильственныя мѣры. Но помимо этихъ исключительныхъ случаевъ, слѣдуетъ держаться системы не охраненіе ребенка отъ тѣхъ маловажныхъ опасностей, которымъ онъ подвергается ежедневно, а системы совѣтовъ и предостереженій противъ нихъ. При слѣдованіи этому методу, любовь къ родителямъ будетъ гораздо сильнѣе существующей. Если всюду будетъ допускаться дисциплина естественныхъ противодѣйствій— если дѣтямъ будутъ позволять лазить внѣ дома, гдѣ имъ хочется, и дѣлать различные опыта дома и при этомъ только болѣе или менѣе настоятельно отсовѣтывать имъ то или

другое, смотря по опасности, въ нихъ непремѣнно возникнетъ постоянно возрастающее довѣріе къ дружбѣ и руководству родителей. Принятіе этого метода нетолько, какъ мы показали выше, дастъ родителямъ возможность избѣгать ненависти, которая соединяется съ наложеніемъ положительнаго наказанія, но, какъ мы видимъ теперь, дастъ имъ возможность избѣгать ненависти соединенной съ постоянными противорѣчіями и даже обращать тѣ случаи, которые обыкновенно ведутъ къ ссорамъ, въ средства усиленія взаимнаго сочувствія. Вмѣсто того, чтобы слышать на словахъ, которымъ, повидимому, противорѣчатъ дѣйствія, что родители ихъ лучшіе друзья, дѣти узнаютъ эту истину чрезъ послѣдовательную ежедневную опытность и, узнавъ ее этимъ способомъ, пріобрѣтутъ ту степень довѣрія и привязанности, которая недостижима никакимъ инымъ путемъ.

Теперь, указавъ на наиболѣе сочувственное отношеніе, которое должно произойти отъ употребленія этого метода, возвратимся къ предложенному намъ вопросу. — Какъ примѣнить этотъ методъ къ болѣе важнымъ ошибкамъ?

Замѣтьте прежде всего, что эти болѣе важ-

ныя ошибки должны быть и менѣе часты и менѣе важны при описанномъ нами управленіи, чѣмъ при общеупотребительномъ. Дурное поведеніе многихъ дѣтей есть только слѣдствіе хроническаго раздраженія, до котораго они доведены нелѣпымъ руководствомъ. Уединеніе и антагонизмъ, вызываемые частыми наказаніями необходимо заглушаютъ чувства, а слѣдовательно и даютъ просторъ тѣмъ проступкамъ, которые обуздываются чувствами. Грубое обхожденіе дѣтей одного и того же семейства между собою есть часто, въ значительной степени, отраженіе того грубаго обхожденія, которому ихъ подвергаютъ взрослые— отчасти оно внушается непосредственнымъ примѣромъ, отчасти пораждается дурнымъ расположеніемъ духа и стремленіемъ къ возмездію, слѣдующими за наказаніями выговорами. Невозможно сомнѣваться въ томъ, что большая дѣятельность чувствъ и счастливое расположеніе духа, поддерживаемые въ дѣтяхъ вышеописанною дисциплиною, должны удерживать дѣтей отъ нанесенія другъ другу частыхъ и важныхъ обидъ. Болѣе достойныя порицанія провинности, какъ напримѣръ ложь и мелкое воровство, уменьшатся по той же самой причинѣ. Семейное отчужденіе есть обильный

источникъ подобныхъ преступленій. По закону человѣческой природы, достаточно извѣстному каждому наблюдателю, люди, лишенные высшихъ наслажденій, устремляются на нисшія; не находящіе удовлетворенія въ симпатіи, ищутъ его въ эгоизмѣ; а слѣдовательно и наоборотъ, поддержаніе счастливыхъ отношеній между родителями и дѣтьми способно уменьшить число тѣхъ проступковъ, начало которыхъ кроется въ эгоизмѣ.

Если же подобные проступки случайно произойдутъ и при самой лучшей системѣ, необходимо прибѣгнуть къ той же самой дисциплинѣ послѣдствій и если будутъ существовать выше описанныя узы довѣрія и любви, дисциплина эта окажетъ вліяніе. Каковы же естественныя послѣдствія воровства? Они двоякаго рода — непосредственныя и косвенныя. Прямое послѣдствіе, внушаемое чистою справедливостью, есть возвращеніе взятаго предмета. Справедливый правитель (а всѣ родители должны стараться быть таковыми) потребуетъ, если возможно, чтобы дурный поступокъ былъ заглаженъ хорошимъ; и въ случаѣ требуется или возвращеніе украденной вещи, или, если она истреблена, замѣнить ее равноцѣнной: ребенка слѣдуетъ заставить пріобрѣсти на его

карманныя деньги. Косвенное и болѣе важное послѣдствіе есть серіозный гнѣвъ родителей — послѣдствіе это неизбѣжно между людьми настолько цивилизованными, чтобы считать воровство преступленіемъ. „Но—скажутъ намъ—изъявленіе родительскаго гнѣва, въ словахъ или побояхъ, весьма обыкновенный способъ въ такихъ случаяхъ; методъ вашъ не представляетъ ничего новаго въ этомъ отношеніи“. Совершенно справедливо. Мы уже признали, что, въ нѣкоторыхъ направленіяхъ, многіе самопроизволно придерживаются этого метода. Мы уже показали, что въ воспитательныхъ системахъ существуетъ стремленіе къ правильной системѣ. Здѣсь мы можемъ повторить замѣчаніе, что сила естественной реакціи, по благодѣтельному ходу вещей, должна приноравляться къ требованіямъ время. Родительскій гнѣвъ будетъ выражаться въ грубыхъ мѣрахъ въ сравнительно дикія времена, когда и дѣти также сравнительно дики и проявленія его будутъ менѣе жестоки при болѣе развитомъ соціальномъ состояніи, когда, и обращеніе съ дѣтьми болѣе кроткое. Но преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что изъявленіе строгаго родительскаго неудовольствія, вызваннаго однимъ изъ такихъ порочныхъ дѣйствій, можетъ

повести къ добру только соразмѣрно силѣ привязанности, существующей между родителями и дѣтьми. Совершенно соразмѣрно той послѣдовательности съ какою дисциплина естесвенныхъ послѣдствій примѣнялась въ другихъ случаяхъ, окажется она благотворною и въ этомъ случаѣ. При внимательномъ разсмотрѣніи, каждый найдетъ доказательство этого въ своей опытности.

Развѣ неизвѣстно каждому, что при нанесеніи имъ обиды другому, чувство сожалѣнія (дѣйствительное чувство, оставляя въ сторонѣ мірскіе разсчеты) всегда соразмѣрно степени симпатіи къ обиженному лицу? Развѣ онъ не сознаетъ, что когда обиженная личность его врагъ, причиненіе ей непріятности служитъ скорѣе источникомъ тайнаго удовольствія, чѣмъ досады? Не припомнитъ ли онъ, что когда замѣчалъ недовѣріе къ себѣ совершенно чуждаго ему лица, это тревожидо его гораздо менѣе, чѣмъ въ такомъ случаѣ, если бы недовѣріе проявилось въ близкомъ другѣ? Точно также не причиняетъ ли каждому гнѣвъ уважаемаго и любимаго друга дѣйствительное горе, долго и живо ощущаемое? И такъ, дѣйствіе родительскаго неудовольствія на дѣтей должно точно также быть соразмѣрно прежде

установившимся отношеніямъ. Если существуетъ отчужденіе, провинившійся ребенокъ будетъ ощущать чисто эгоистическій страхъ угрожающаго физическаго наказанія или лишенія, а послѣ того какъ онъ подвергнется имъ, проистекающій отсюда вредный антагонизмъ и отвращеніе увеличатъ это отчужденіе. Напротивъ того, если существуетъ теплая привязанность къ родителямъ, возникшая вслѣдствіе постоянной родительской дружбы, нравственое огорченіе причиненное родительскимъ гнѣвомъ, не только служитъ на слѣдующее время ограниченіемъ дурныхъ поступковъ въ томъ же родѣ, но и приноситъ существенную пользу.

Нравственное страданіе, слѣдующее за временною потерею сильно любимаго друга, замѣщаетъ физическую боль, обыкновенно причиняемую и оказывается столь же, если не болѣе, дѣйствительною. Вмѣсто страха и мстительности, вызываемыхъ однимъ способомъ, другимъ пробуждается сочувствіе къ гнѣву родителей, искреннее раскаяніе въ поводѣ къ этому гнѣву и желаніе какъ нибудь загладить вину и тѣмъ возстановить дружественныя отношенія. Вмѣсто того, чтобы давать волю эгоистическимъ страстямъ, преобладаніе которыхъ есть источникъ преступныхъ дѣйствій,

тутъ развиваются самыя справедливыя чувства, обуздывающія преступныя дѣйствія. Такимъ образомъ дисциплина естественныхъ послѣдствій столь же примѣнима къ крупнымъ, какъ и къ пустяшнымъ недостаткамъ и употребленіе ее ведетъ не только къ обузданію, но и къ искорененію этихъ недостатковъ.

Въ короткихъ словахъ, вся истина въ томъ, что жестокость порождаетъ жестокость, а кротость пораждаетъ кротость. Дѣти, съ которыми обращаются безъ сочувствія, дѣлаются безчувственными между тѣмъ какъ обращеніе съ ними съ должнымъ сочувствіемъ есть средство развитія въ нихъ сочувствія. Въ семейномъ управленіи какъ и въ политическомъ, суровый деспотизмъ самъ пораждаетъ большую часть преступленій, которыя ему приходится обуздывать; съ другой стороны кроткое и свободное правленіе избѣгаетъ многихъ поводовъ къ раздору и настолько улучшаетъ общее направленіе чувствъ, что ослабляетъ стремленіе къ преступленіямъ. Джонъ Лосккъ высказалъ слѣдующее вѣрное замѣчаніе: „Крайняя строгость наказаній приноситъ малую пользу, скорѣе большой вредъ, въ воспитаніи и я увѣренъ, что современемъ поймутъ, что при равенствѣ другихъ условій, тѣ дѣти которыхъ часто наказываютъ

рѣдко дѣлаются хорошими людьми. Въ подтвержденіе этого мнѣнія, мы можемъ привести фактъ, недавно обнародованный М-ромъ Роджерсомъ, капелланомъ Пентонвильской тюрьмы, что юные преступники, которые подвергались тѣлесному наказанію, чаще всего возвращаются въ тюрьму. Напротивъ того, благодѣтельное дѣйствіе мягкаго обращенія достаточно свидѣтельствуется фактомъ, разсказаннымъ намъ одною француженкою, въ домѣ которой мы недавно останавливались въ Парижѣ. Извиняясь въ безпокойствѣ, ежедневно причиняемомъ маленкимъ мальчикомъ, съ которымъ не могли справиться ни дома, ни въ школѣ, она высказала опасеніе, что исправить его можно только однимъ средствомъ, которое успѣшно подѣйствовало на старшаго брата, именно, пославъ его въ англійскую школу. Она объяснила, что въ различныхъ парижскихъ школахъ этотъ старшій оказывался совершенно неукротимымъ, что въ отчаяніи послѣдовали совѣту отправить его въ Англію, и что возвратившись домой, мальчикъ былъ настолько же хорошъ, насколько прежде былъ дуренъ. Эту замѣчательную перемѣну она вполнѣ приписывала сравнительной мягкости англійской дисциплины.

Послѣ предыдущаго изложенія принциповъ,

остальныя страницы лучше всего могутъ быть заняты нѣкоторыми изъ главныхъ положеній и правилъ, которыя могутъ быть выведены изъ этихъ принциповъ и для большей краткости мы представимъ ихъ въ видѣ совѣтовъ.

Не ожидайте отъ ребенка значительнаго нравственнаго совершенства. Въ ранніе годы каждый цивилизованный человѣкъ проходитъ фазисъ развитія, свойственный варварскому племени, отъ котораго онъ происходитъ. Какъ черты лица ребенка—плоскій носъ, открытыя прямо ноздри, широкія губы, широко разставленные глаза, и т. д.—такъ и инстинкты его походятъ на черты и инстинкты дикихъ. Поэтому и склонности къ жестокости, воровству, лжи, столь обыкновенные въ дѣтяхъ—принадлежатъ къ тѣмъ склонностямъ, которыя даже безъ помощи дисциплины болѣе или менѣе измѣняются съ годами, точно также какъ и черты лица. Распространенное въ народѣ мнѣніе, что дѣти „невинны", хотя и справедливо относительно *познанія* зла, но вполнѣ ошибочно относительно дурныхъ *побужденій*; получасовое наблюденіе въ дѣтской можетъ каждаго удостовѣрить въ этомъ. Мальчики, предоставленные самимъ себѣ, какъ въ общественныхъ школахъ, обращаются другъ

съ другомъ болѣе жестоко, чѣмъ взрослые, а если бы эта свобода представлялась имъ въ болѣе ранніе годы, жестокость ихъ была бы еще болѣе очевидна.

Не только неразумно установлять высокія правила хорошаго поведенія для дѣтей, но даже неразумно прибѣгать къ слишкомъ настойчивому побужденію къ хорошему поведенію. Уже многіе вредныя послѣдствія умственной скоропѣлости признанны, остается еще признать фактъ, что *нравственная скороспѣлость* имѣетъ также вредныя послѣдствія. Наши высшія нравственныя, какъ и высшія умственныя способности сравнительно сложны. Слѣдовательно какъ тѣ, такъ и другія развиваются сравнительно поздно и ранняя дѣятельность какъ тѣхъ, такъ и другихъ, выззванная поощреніемъ, разовьется на счетъ будущихъ свойствъ. Вотъ причина не рѣдкой аномаліи, что люди, бывшіе въ дѣтствѣ образцами юношеской даровитости, мало по малу претерпѣваютъ, повидимому, необъяснимую перемѣну къ худшему и кончаютъ тѣмъ, что становятся не выше, а ниже посредственности между тѣмъ, какъ сравнительно образцовые люди часто выходятъ изъ весьма мало обѣщающихъ дѣтей.

Довольствуйтесь, поэтому, умѣренными мѣ-

рами и умѣренными результатами. Запомните навсегда, что высшая нравственность, какъ и высшій разумъ достигаются медленнымъ развитіемъ и тогда вы будете терпѣливо относиться къ несовершенствамъ, ежечасно выказываемымъ вашимъ ребенкомъ. Вы будете менѣе склонны къ тѣмъ безпрерывнымъ выговорамъ, угрозамъ и запрещеніямъ, которыми многіе родители пораждаютъ хроническое семейное раздраженіе, въ безумной надеждѣ, что этимъ способомъ они сдѣлаютъ дѣтей такими, какими они должны быть.

Эта свободная форма семейнаго управленія, не посягающаго на деспотическое опредѣленіе всѣхъ подробностей поведенія ребенка, необходимо вытекаетъ изъ защищаемой нами системы. Довольствуйтесь наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы ребенокъ всегда испытывалъ естественныя послѣдствія своихъ дѣйствій и вы избѣгнете того излишняго контроля, который спутываетъ многихъ родителей. Предоставьте его по возможности дисциплинѣ опытности и вы избавите его отъ той тепличной добродѣтели, которая порождается излишнимъ вмѣшательствомъ въ податливыхъ натурахъ, и отъ— того развращающаго антагонизма, который пораждается имъ въ натурахъ независимыхъ.

Стараясь, чтобы дѣти во всѣхъ случаяхъ подвергались естественной реакціи ихъ поступковъ, вы съ пользою обуздаете и свой собственный характеръ. Методъ нравственаго воспитанія, котораго придерживаются многіе и едва ли не большинство родителей, состоитъ въ томъ, что гнѣвъ выражается тѣмъ способомъ, какой внушается въ первую минуту. Удары, толчки и брань, которые ребенокъ получаетъ отъ матери за свои проступки (многіе изъ нихъ въ сущности вовсе и не проступки) обыкновенно показываютъ только необузданность ея чувствъ и происходятъ скорѣе отъ внушеній этихъ чувствъ, чѣмъ изъ желанія добра виновнику. Но остановившись при каждомъ проступкѣ, для того чтобы обсудить каковы его нормальныя послѣдствія и какъ они лучше всего могутъ подѣйствовать на виновника, у васъ будетъ время овладѣть собою; первоначальный слѣпой гнѣвъ обратится въ менѣе раздраженное чувство, а слѣдовательно и заблужденіе будетъ менѣе вѣроятно.

Не старайтесь, однако, быть безстрастными орудіями. Не забывайте, что кромѣ естественныхъ противодѣйствій поступковъ ребенка, навлекаемыхъ на него самымъ порядкомъ вещей, ваше личное осужденіе или одобреніе есть столь

же естественное противодѣйствіе и узаконенное средство для руководства имъ. Мы возстаемъ противъ ошибочнаго *замѣщенія* опредѣляемыхъ природою, наказаній, родительскимъ неудовольствіемъ и наказаніями искуственными. Если же родительское неудовольствіе не будетъ *замѣщать* эти естественныя слѣдствія, то мы отнюдь не противъ чтобы оно *сопровождало* ихъ. Если *второстепенный* родъ наказаній не завладѣваетъ областью *первостепеннаго*, онъ можетъ, въ нѣкоторой степени, справедливо дополнять его. Огорченіе или негодованіе, которое вы чувствуете должны выражаться въ словахъ или обращеніи, подчиняясь, конечно, критикѣ разсудка. Родъ и степень вашихъ чувствъ будетъ необходимо зависѣть отъ вашего личнаго характера и потому безполезно говорить каковы они должны быть. Старайтесь однако, измѣнять ваши чувства въ такія, которыя по вашему мнѣнію должны поддерживаться. Остерегайстесь преимущественно двухъ крайностей не только относительно степени, но и продолжительности вашего неудовольствія. Съ одной стороны, избѣгайте той слабой возмущаемости, свойственной многимъ матерямъ, которыя бранятъ и забываютъ все почти въ одно мгновеніе. Съ другой сто-

роны, не выказывайте слишкомъ продолжительно своихъ непріязненныхъ чувствъ, чтобы не пріучить ребенка обходиться безъ вашей дружбы и не утратить такимъ образомъ своего вліянія на него. Нравственная реакція, вызываемая въ васъ дѣйствіями ребенка, должна насколько возможно уподобляться той, какая, по вашему мнѣнію, произошла бы въ наиболѣе совершенномъ родителѣ.

Будьте умѣренны въ приказаніяхъ. Приказывайте только тогда, когда другія средства непримѣнимы или безъ успѣшны. „Частыя приказанія направлены болѣе къ выгодѣ родителей, чѣмъ ребенка, говоритъ Рихтеръ. Какъ въ первобытныхъ обществахъ нарушеніе закона наказывается не столько потому, что оно вредно, а доказываетъ неуваженіе къ власти правителя, возмущеніе противъ него, такъ и во многихъ семействахъ, виновникъ наказывается менѣе вслѣдствіе осужденія проступка, чѣмъ вслѣдствіе гнѣва за непослушаніе. Прислушайтесь къ обыкновеннымъ рѣчамъ—„Какъ ты *смѣешь* не слушаться меня?—Я говорю тебѣ, что я *заставлю* тебя это сдѣлать.—Ты узнаешь скоро кто *господинъ*“—и затѣмъ разсмотрите, что подразумѣвается въ словахъ, голосѣ и манерахъ. Въ нихъ гораздо болѣе видна рѣшимость под-

чинить ребенка, чѣмъ забота о его благѣ. Въ настоящее время цѣль воспитателей мало отличается отъ цѣли деспота, рѣшающагося наказать непокорнаго. Справедливый родитель, однако, подобно чловѣколюбивому законодателю, будетъ находить удовольствіе не въ понужденіе, а въ избѣжаніи его. Онъ будетъ обходиться безъ законовъ тамъ, гдѣ могутъ успѣшно употребляться другіе способы руководства; ему будетъ тяжело прибѣгать къ закону, когда законъ необходимъ. Какъ замѣчаетъ Рихтеръ—„Говорятъ, что лучшее правило политики *неслишкомъ управлять*. Это правило столь же вѣрно и въ воспитаніи". Родители, въ которыхъ страсть къ власти сдерживается вѣрнымъ пониманіемъ своей обязанности, добровольно сообразуясь съ этимъ правиломъ, будутъ добиваться, чтобы дѣти ихъ управляли на сколько возможно сами собою, а къ неограниченной власти будутъ прибѣгать какъ къ послѣдному средству.

Но когда вамъ приходится приказывать, приказывайте рѣшительно и настоятельно. Если условія дѣйствительно таковы, что иной образъ дѣйствія невозможенъ, объявите свое рѣшеніе и послѣ того уже не уклоняйтесь отъ него. Обсудите какъ слѣдуетъ то, къ чему вы при-

ступаете; взвѣсьте всѣ послѣдствія; обдумайте достаточно ли твердо ваше намѣреніе и издавъ послѣ этого законъ, требуйте повиновенія во что бы то ни стало. Пусть наказанія ваши, подобно наказаніямъ, налагаемымъ неодушевленною природою, будутъ неизбѣжны. Горячій уголь обжигаетъ ребенка, когда онъ въ первый разъ его схватываетъ, точно также и во второй и третій, и каждый разъ, какъ онъ это дѣлаетъ, и ребенокъ вскорѣ научается не дотрогиваться до горячаго угля. Если вы точно также постоянны—если, послѣ того какъ вы сказали ребенку, что въ случаѣ извѣстныхъ поступковъ его ожидаютъ такія-то послѣдствія, послѣдствія эти однообразны, ребенокъ скоро начнетъ уважать ваши законы, какъ онъ уважаетъ законы природы. И уваженіе это разъ установившись, будетъ предупреждать безконечныя семейныя непріятности. Наихудшее изъ всѣхъ золъ въ воспитаніи это непослѣдовательность. Какъ въ обществѣ, преступленія умножаются, когда не существуетъ извѣстнаго отправленія правосудія, такъ въ семействѣ значительное умноженіе проступковъ происходитъ отъ нерѣшительности или неправильнаго опредѣленія наказаній. Слабая мать, которая постоянно угрожаетъ и рѣдко приводитъ въ дѣй-

ствіе угрозы—которая установляетъ правила въ поспѣшности и впослѣдствіи кается въ нихъ—къ одной и той же ошибкѣ одинъ разъ относится строго, а другой — снисходительно, смотря по расположенію духа, накопляетъ бѣдствія для себя и для своихъ дѣтей. Она заставляетъ ихъ смотрѣть на нее съ презрѣніемъ; она подаетъ имъ примѣръ необузданности чувствъ; она поощряетъ ихъ къ дурнымъ поступкамъ, подавая надежду на вѣроятную безнаказанность; она причиняетъ безконечныя ссоры и тѣмъ портитъ свой собственный характеръ и характеры своихъ дѣтей; она доводитъ ихъ чувства до нравственнаго хаоса, который впослѣдствіи съ трудомъ приводится въ порядокъ горькимъ опытомъ. Даже варварская форма домашняго управленія, если она послѣдовательна, благопріятнѣе болѣе мягкой, но непослѣдовательной. И такъ мы повторяемъ, избѣгайте, по возможности, насильственныхъ мѣръ, если же вы находите, что деспотизмъ дѣйствительно необходимъ, будьте деспотичными неуклонно.

Помните, что главною цѣлью вашей дисциплины должно быть воспитеніе существа, способнаго *управлять самимъ собою*, а не *существа управляемаго другими*. Еслибы дѣтямъ вашимъ было предназначено быть всю жизнь

рабами, вы должны были бы пріучать ихъ къ рабству въ періодъ дѣтства, но такъ какъ они становятся свободными людьми, и не будутъ имѣть никого ктобы повѣрялъ ихъ ежедневный образъ дѣйствія, то вы не обязаны пріучать ихъ къ самоуправленію пока они остаются подъ вашимъ надзоромъ. Это то и дѣлаетъ систему дисциплины естественныхъ послѣдствій особенно сообразною съ тѣмъ соціальнымъ состояніемъ, котораго мы теперь достигли въ Англіи. Въ феодальныя времена, когда гражданину приходилось болѣе всего опасаться гнѣва властей, въ періодъ дѣтства родительское мщеніе могло быть главнымъ средствомъ управленія. Но въ настоящее время, когда гражданину болѣе некого опасаться— когда добро или зло, которому онъ подвергается главнымъ образомъ, по самому порядку вещей, проистекаютъ изъ его личнаго поведенія, онъ долженъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ знакомиться, на опытѣ, съ хорошими или дурными послѣдствіями, сопровождающими тотъ или другой поступокъ. Старайтесь, поэтому, уменьшать родительское управленіе, какъ скоро въ умѣ ребенка его мѣсто можетъ занять самоуправленіе, возникающее изъ предвидѣнія результатовъ. Въ самые первые годы неограниченная

власть въ значительной степени необходима. Трехлѣтняго мальчугана, играющаго съ открытою бритвою, нельзя допустить подвергнуться дисциплинѣ послѣдствій, такъ какъ послѣдствія могутъ быть слишкомъ серіозны. Но съ возрастаніемъ разума, число настоятельныхъ препятствій можетъ и должно уменьшаться, имѣя въ виду постепенное прекращеніе ихъ вмѣстѣ съ приближеніемъ къ зрѣлости. Всѣ быстрые переходы опасны; опаснѣе же всѣхъ переходъ отъ ограниченій въ семейномъ кругу къ отсутствію ограниченій въ свѣтѣ. Вотъ почему и важно держаться того метода, который мы защищаемъ, метода который, приучаетъ ребенка къ самоограниченію, постепенно доводя его до состоянія непосредсвеннаго безпрепятственнаго самообузданія и сглаживая обыкновенно внезапный и опасный переходъ отъ юношества, управляемаго внѣшнею силою, къ зрѣлости, управляющейся силою внутреннею. Пусть исторія вашихъ семейныхъ правилъ представляетъ, въ маломъ видѣ, исторію правилъ политическихъ: вначалѣ, должны быть неограниченная власть, когда она дѣйствительно необходима; мало по малу долженъ возникать конституціонализмъ, при которомъ свобода людей до извѣстной степени уже ясно признается а затѣмъ постепенное расширеніе

этой свободы долженъ кончается отреченіемъ отъ родительской власти.

Не смущайтесь проявленіемъ въ дѣтяхъ значительнаго своеволія. Оно имѣетъ соотношеніе съ уменьшеніемъ насилія, столь замѣтнымъ въ новѣйшемъ воспитаніи. Большее стремленіе утвердить свободу дѣйствій съ одной стороны соотвѣтствуетъ меньшему стремленію къ деспотизму съ другой. Какъ то, такъ и другое указываетъ на приближеніе къ той системѣ дисциплины, которую мы отстаиваемъ, при которой дѣтей будутъ все болѣе и болѣе доводить до того, чтобы они управляли сами собою путемъ испытанія естественныхъ послѣдствій и какъ то, такъ и другое, принадлежности нашего болѣе совершеннаго соціальнаго положенія. Независимый англійскій мальчикъ—отецъ независимаго взрослаго англичанина и безъ перваго не можетъ быть послѣдняго. Нѣмецкіе воспитатели говорятъ, что они предпочли бы имѣть подъ своимъ надзоромъ двѣнадцать нѣмецкихъ мальчиковъ, чѣмъ одного англійскаго. Должны ли мы поэтому желать, чтобы англійскіе мальчики обладали послушаніемъ нѣмецкихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подобострастіемъ и политическимъ рабствомъ взрослыхъ нѣмцевъ? Или намъ выгоднѣе допускать въ мальчикахъ

тѣ чувства, которыя дѣлаютъ человѣка свободнымъ, и сообразно тому измѣнять наши методы?

Наконецъ, помните всегда, что правильное воспитаніе непростая и легкая задача, но весьма сложная и въ высшей степени трудная, самый тяжелый трудъ достающійся взрослымъ. Только самые посредственные и неразвитые умы могутъ дѣйствительно прибѣгать къ грубому и неразборчивому способу домашняго управленія. Побои и ругательства суть наказанія, которыя подсказываются сами собою какъ наименѣе прирученному дикарю, такъ и самому тупоголовому мужику. Даже и животныя способны употреблять этотъ методъ дисциплины, что вы можете замѣтить въ ворчаніи и укушеніяхъ, которыми собака обуздываетъ слишкомъ требовательнаго щенка. Но если вы захотите съ успѣхомъ проводить раціональную, выработанную систему, вы должны быть подготовлены къ значительнымъ умственнымъ усиліямъ—къ нѣкоторому размышленію, остроумію, терпѣнію и самообладанію. Вамъ придется непрерывно обсуждать каковы во взрослой жизни послѣдствія извѣстнаго образа дѣйствій и при этомъ вы должны будете придумывать способы, по которымъ одинакія поступки вашихъ дѣтей

могли бы всегда сопровождаться одинакими результатами. Ежедневно необходимо будетъ анализировать побужденія юношескаго поведенія, чтобы отличать дѣйствительно хорошіе поступки отъ тѣхъ, которые, хотя и подобны имъ, вытекаютъ изъ нисшихъ побужденій; въ тоже время вамъ придется быть постоянно на сторожѣ противъ грубыхъ ошибокъ, въ которыя впадаютъ многіе, и которыя состоятъ въ томъ, что безраличныя дѣйствія относятъ къ проступкамъ, приписывая ихъ худшимъ побужденіямъ чѣмъ тѣ, которыя имѣлись. Вы должны болѣе или менѣе измѣнять вашъ методъ, чтобы приноравляться къ склонностямъ каждаго ребенка; и должны быть готовы дѣлать дальнѣйшія измѣненія со вступленіемъ способностей каждаго ребенка въ новый фазисъ. Ваша вѣра будетъ часто подвергаться испытанію, когда встрѣтится надобность упорно держаться той системы, которая повидимому мало или вовсе не производитъ никакого дѣйствія. Особенно если вамъ придется имѣть дѣло съ дѣтьми прежде дурно веденными, вы должны быть готовы къ продолжительному испытанію терпѣнія, прежде чѣмъ лучшіе методы будутъ имѣть успѣхъ, потому что дѣло нелегкое даже тогда, когда чувства съ самаго начала получили

правильное направленіе, становится гораздо труднѣе, когда приходится исправлять ложное направленіе. Вамъ придется постоянно анализировать не только побужденія вашихъ дѣтей, но и ваши собственныя чувства, чтобы различать тѣ внутреннія внушенія, которыя вытекаютъ изъ чисто родительской заботливости, отъ тѣхъ источниковъ, которыхъ причиной вашъ личный эгоизмъ, ваша любовь къ покою и ваша страсть къ власти. И тогда, продолжая испытывать себя, вамъ необходимо будетъ не только открывать, но и обуздывать эти нисшія побужденія. Однимъ словомъ, воспитывая своихъ дѣтей, вамъ придется перенести ваше собственное высшее воспитаніе. Въ умственномъ отношеніи, вы должны съ полезною цѣлью выработывать самый сложный изъ всѣхъ предметовъ—человѣческую природу и ея законы, проявляющіеся въ дѣтяхъ, въ васъ самихъ и вовсемъ свѣтѣ. Въ нравственномъ, вы должны постоянно упражнять свои высшія чувства и обуздывать нисшія. Намъ остается еще признать истину, что послѣдняя степень умственнаго развитія каждаго мужчины и каждой женщины достигается только посредствомъ точнаго выполненія родительскихъ обязанностей. Когда же истина эта будетъ признана, люди увидятъ, какъ прекрасенъ

порядокъ, который ведетъ человѣческія существа къ тому, что съ помощью своихъ сильнѣйшихъ привязанностей, они подвергаются той дисциплинѣ, которую иначе миновали бы ихъ.

Между тѣмъ какъ нѣкоторые взглянутъ съ сомнѣніемъ и недовѣріемъ на это понятіе о воспитаніи какимъ оно должно быть, другіе, какъ мы думаемъ, замѣтятъ въ возвышенномъ идеалѣ, который оно представляетъ, доказательство его истинности. Изъ того, что понятіе это не можетъ осуществиться людьми необузданными, безчувственными и близорукими, но требуетъ высшихъ качествъ человѣческой природы, они убѣдятся на сколько оно согласуется съ болѣе совершеннымъ состояніемъ человѣчества. Хотя оно требуетъ большаго труда и самопожертвованія, они поймутъ, что оно обѣщаетъ обильный возвратъ счастья, и непосредственнаго, и отдаленнаго. Они увидятъ, какъ вдойнѣ вредна дурная система въ своемъ вредномъ вліяніи на родителей и на дѣтей, и въ тоже время какъ вдвойнѣ благодѣтельна хорошая система, которая осчастливливаетъ того, кто воспитываетъ, и того, кто воспитывается.

ГЛАВА IV.

Физическое воспитаніе.

Послѣ политическаго вопроса дня, уходъ за животными составляетъ предметъ наиболѣе возбуждающій общее участіе, какъ за обѣдомъ сквайра, послѣ удаленія дамъ, такъ и за общимъ столомъ фермеровъ въ торговый день и въ сельскомъ трактирѣ. Разговоръ охотниковъ по возвращеніи домой обыкновенно сводится на разведеніе лошадей и ихъ родословную, и на обсужденіе того или другаго полезнаго качества и почти невѣроятно, чтобъ день въ степи кончился безъ нѣкоторыхъ замѣчаній о разведеніи собакъ. Направляясь чрезъ поля изъ церкви, арендаторы смежныхъ фермъ всегда склонны перейти отъ сужденій о проповѣди къ сужденіямъ о погодѣ, урожаѣ и скотѣ и затѣмъ вступить въ разбирательство различныхъ родовъ корма и ихъ питательныхъ качествъ.

Работники, сравнивъ свои замѣчанія о свиныхъ хлѣвавъ, доказываютъ своими выводами, что они наблюдали за скотомъ и овцами своихъ хозяевъ и затѣмъ какое дѣйствіе производитъ на нихъ тотъ или другой родъ обхожденія. И распоряженія относительно псарней, конюшень, хлѣвовъ и овчарней, составляютъ любимый предметъ разговора не одного сельскаго населенія. Въ городахъ, также, многіе ремесленники, держащіе собакъ, молодые люди достаточно богатые, чтобы по временамъ предаваться псовой охотѣ, и болѣе степенные господа, толкующіе объ агрономическомъ прогрессѣ или читающіе ежегодные отчеты г. Меки и письма г. Керди въ „Times“,—всѣхъ этихъ господъ занимаетъ вопросъ о разведеніи животныхъ. Возьмите взрослыхъ мужчинъ всего королевства, вы замѣтите, что огромное большинство ихъ интересуется разведеніемъ, дрессировкою той или другой породы животныхъ и уходомъ за ними. Но слышалъ ли кто нибудь въ послѣ-обѣденныхъ разговорахъ или при другихъ подобныхъ сношеніяхъ, какія нибудь замѣчанія о воспитаніи дѣтей? Послѣ того какъ помѣщикъ побываетъ, по обыкновенію, въ конюшнѣ, лично осмотритъ состояніе и обстановку своихъ лошадей; взглянетъ на болѣе мелкій скотъ и дастъ наставленія относительно нихъ;

а много ли разъ онъ взойдетъ въ дѣтскую и освѣдомится какова въ ней діэтетика, образъ жизни и освѣженіе воздуха? На его книжныхъ полкахъ можно найти: „*Ветеринарное искусство*“ Уайта, *О „фермахъ“* Стефенса, *„Объ условіяхъ охотниковъ“* Нимрода, и съ содержаніемъ этихъ книгъ онъ болѣе или менѣе знакомъ; но много ли онъ прочиталъ книгъ объ уходѣ за младенцами и дѣтьми? Утучняющія свойства масляныхъ лепешекъ, относительныя достоинства сѣна и рубленой соломы, вредъ отъ безмѣрнаго употребленія клевера—пункты, о которыхъ каждый помѣщикъ, каждый фермеръ и крестьянинъ, имѣютъ нѣкоторыя свѣдѣнія, между тѣмъ многіе ли изъ нихъ освѣдомляются, приспособлена ли пища, которую они даютъ своимъ дѣтямъ, къ органическимъ потребностямъ роста мальчиковъ и дѣвочекъ? Можетъ быть намъ укажутъ на торговыя дѣла этихъ классовъ, какъ на причину этой аномаліи. Объясненіе это, однако, недостаточно, такъ какъ тотъ же контрастъ замѣчается и между другими классами. Изъ двадцати человѣкъ городскаго населенія едва ли окажется кто нибудь незнакомымъ съ фактомъ, что не годится употреблять въ работу лошадь скоро послѣ того какъ она поѣла, напротивъ того, изъ тѣхъ

же двадцати, предполагая ихъ всѣхъ отцами, вѣроятно не найдется никого, кто слѣдилъ бы за тѣмъ достаточно ли прошло времени между обѣдомъ дѣтей и возвращеніемъ ихъ къ урокамъ. И безъ сомнѣнія, потребовавъ объясненія этого, мы открыли бы чуть ли не въ каждомъ изъ нихъ скрытое убѣжденіе, что жизнь въ дѣтской его вовсе не касается. „О, я предоставляю всѣ эти дѣла женщинамъ", услышали бы мы, вѣроятно, въ отвѣтъ. И въ большинствѣ случаевъ въ тонѣ этого отвѣта выразилось бы убѣжденіе, что подобныя хлопоты не совмѣстны съ достоинствомъ мужчины. Со всякой другой точки зрѣнія, кромѣ принятой, кажется страннымъ, что образованные люди охотно посвящающіе время и мысль такому занятію какъ разведеніе первоклассныхъ быковъ, считаютъ воспитаніе нѣжныхъ человѣческихъ существъ дѣломъ недостойнымъ ихъ вниманія. Матери, которымъ преподавались только языки, музыка и искусства, пріятныя въ обществѣ, вмѣстѣ съ няньками одержаными разными предразсудками,— считаются способными опредѣлять пищу, одежду и занятія дѣтей. Между тѣмъ отцы читаютъ книги и періодическія изданія, посѣщаютъ земледѣльческіе митинги, дѣлаютъ опыты, вступаютъ въ разсужденія и все это ради открытія

способовъ откормливанія призовыхъ свиней! Мы видимъ безконечныя заботы о произведеніи скаковой лошади, которая выиграла бы призъ, и никакихъ заботъ о произведеніи современнаго атлета. Если бы Гулливеръ разсказалъ о лапутанахъ, что они соперничали одинъ съ другимъ въ изученіи способовъ лучшаго воспитанія потомковъ другихъ существъ и вовсе не заботились о томъ какъ бы лучше воспитать своихъ собственныхъ потомковъ, онъ привелъ бы параллель къ другимъ нелѣпостямъ, которыя онъ приписываетъ имъ.

Дѣло, однакоже, очень важно. Какъ ни смѣшно противоположеніе, тѣмъ не менѣе фактъ, который оно изъясняетъ, крайне печаленъ. Какъ говоритъ одинъ писатель, достойный уваженія, главное условіе успѣха въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы быть „хорошимъ животнымъ“; а быть націей хорошихъ животныхъ есть первое условіе національнаго благоденствія. Не только исходъ войны часто зависитъ отъ тѣлесной силы и мужества солдатъ, но и въ торговлѣ состязанія отчасти опредѣляются физическою выносливостью производителей. До сихъ поръ мы не имѣли причинъ опасаться испытаній нашихъ силъ съ другими народами ни на томъ, ни на другомъ поприщѣ.

Но нѣтъ недостатка въ признакахъ, что наши силы въ настоящее время подвергнутся самымъ тяжелымъ испытаніямъ. Соперничество новѣйшей жизни такъ велико, что не многіе въ состояніи вынести, безъ вреда, потребное приложеніе усилій. Уже тысячи изнемогаютъ подъ тяжелымъ гнетомъ, которому они подвергаются. Если же гнетъ этотъ будетъ постоянно увеличиваться, въ чемъ повидимому, не можетъ быть сомнѣнія, онъ наложитъ строгое испытаніе даже на самые сильные организмы. Вотъ почему особенно важно, чтобы воспитаніе дѣтей направлялось не только къ тому, чтобы приспособить ихъ умственно къ предстоящей имъ борьбѣ, но и къ тому, чтобы сдѣлать ихъ физически способными выносить всевозможныя невзгоды.

Къ счастію вопросъ этотъ начинаетъ обращать на себя вниманіе. Сочиненія М-ра Канчслея указываютъ на реакцію противъ чрезмѣрнаго умственнаго развитія, которая, можетъ быть, какъ и всѣ реакціи, заходитъ отчасти слишкомъ далеко. Газетныя письма и передовыя статьи по этому поводу свидѣтельствуютъ о пробудившемся интересѣ къ физическому воспитанію, а устройство школы, знаменательно прозванной „мускульнымъ христіанствомъ“ пред-

полагаетъ возникнувшее убѣжденіе, что существующіе методы воспитанія дѣтей обращаютъ мало вниманія на благосостояніе тѣлесное. Вопросъ очевидно созрѣлъ для того, чтобы приступить къ его обсужденію.

Остается желать, чтобы діэтетика дѣтской и школы согласовалась съ утвержденными истинами новѣйшей науки. Пора сдѣлать дѣтей участниками той выгоды, которою неутомимыя изслѣдованія надѣляютъ нашихъ овецъ и быковъ. Не сомнѣваясь въ важности ухода за лошадьми или откармливанія свиней, мы постараемся убѣдить въ томъ, что такъ какъ воспитаніе здоровыхъ мужчинъ и женщинъ имѣетъ тоже немалое значеніе, дѣйствія наши необходимо должны согласоваться въ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ первомъ, съ тѣми выводами, которые открываетъ теорія и подтверждаетъ практика. Вѣроятно многихъ удивитъ— можетъ быть даже оскорбитъ подобное сопоставленіе идей. Тѣмъ не менѣе фактъ неоспоримъ и мы должны примириться съ тѣмъ, что человѣкъ подчиненъ тѣмъ же самымъ органическимъ законамъ, какъ и низшія существа. Ни одинъ анатомъ, ни одинъ физіологъ, ни одинъ химикъ ни на минуту не поколеблятся утвердить, что общіе принципы вѣрные въ

отношеніи жизненныхъ процессовъ животныхъ, равно вѣрны и относительно жизненныхъ процессовъ человѣка. Чистосердечное признаніе этого факта не остается безъ вознагражденія: оно состоитъ именно въ томъ, что обобщенія, утвержденныя съ помощью наблюденій и опытовъ надъ животными становятся полезными и для руководства людьми. Не смотря на свою неразработанность, наука жизни уже открыла нѣкоторые основные принципы, обусловливающіе развитія всѣхъ организмовъ, включая и человѣческій. Теперь намъ остается начертить отношеніе этихъ основныхъ принциповъ къ физическому воспитанію дѣтей и юношей, что мы и постараемся исполнить на сколько возможно.

Ритмическое стремленіе, которое можно прослѣдить во всѣхъ отдѣлахъ соціальной жизни— которое выражается въ усиленіи деспотизма послѣ революціи, или въ чередованіи эпохъ преобразовательныхъ и консервативныхъ— послѣ вѣка разврата пораждаетъ вѣкъ аскетизма, и наоборотъ,—въ торговлѣ, производитъ то отвагу, то паническій страхъ— которое заставляетъ ханжей бросаться изъ одной нелѣпой крайности въ противоположную—словомъ это ритмическое стремленіе имѣетъ вліяніе даже

на наши застольныя обыкновенія, а поэтому конечно, и на діэтетику юношей. Послѣ періода, отличавшагося безмѣрнымъ пьянствомъ и безмѣрною ѣдой, наступилъ періодъ сравнительнаго воздержанія, котораго крайнія формы протеста противъ распущенной жизни прошедшаго, проявляются въ ученіяхъ о трезвости и употребленіи растительной пищи. Вмѣстѣ съ этою перемѣною въ діэтѣ взрослыхъ произошла подобная же перемѣна въ діэтѣ дѣтей. Въ прежнія времена люди думали, что чѣмъ болѣе можно заставить ребенка ѣсть, тѣмъ лучше, и даже теперь между фермерами и въ отдаленныхъ провинціяхъ, гдѣ традиціонныя понятія наиболѣе устойчивы, можно найти родителей, которые добиваются того, чтобы дѣти ихъ были толсты. А между образованными классами, въ которыхъ замѣтна реакція къ воздержанію можно увидѣть рѣшительную склонность скорѣе къ слишкомъ малому питанію дѣтей, чѣмъ къ чрезмѣрному. Правда, что ихъ отвращеніе къ животности прежнихъ временъ гораздо яснѣе выказывается въ ихъ обращеніи съ дѣтьми, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается ихъ самихъ. Въ то время какъ въ отношеніи ихъ личнаго поведенія этотъ фальшивый аскетизмъ сдерживается ихъ вкусами, ему дается

полный просторъ въ предписываніи правилъ для юношей.

Очевидно вѣрно то, что и чрезмѣрное и недостаточное употребленіе пищи вредны, и послѣднее вреднѣе перваго. Какъ пишетъ одинъ изъ сильныхъ авторитетовъ, „послѣдствія полноты менѣе вредны и болѣе легко поправимы, чѣмъ послѣдствія истощенія.“ Притомъ, помимо безразсуднаго потворства чрезмѣрное переполніе желудка есть явленіе рѣдкое. „Излишество скорѣе недостатокъ взрослыхъ, чѣмъ дѣтей, которыя если и бываютъ жадны и лакомы то большею частью по винѣ воспитывающихъ ихъ“. Система ограниченія, которую многіе родители считаютъ столь необходимою, основывается на недостаточномъ наблюденіи и ошибочномъ сужденіи: Въ дѣтской, какъ и въ государствѣ, много излишнихъ законовъ, и одинъ изъ самыхъ вредныхъ есть ограниченіе количества пищи. Вопросъ этотъ, такимъ образомъ поставленный, допускаетъ только одно возраженіе, но въ тоже время заключаетъ въ себѣ исходный пунктъ. Мы утверждаемъ, что такъ какъ аппетитъ есть хорошій руководитель всѣхъ нисшихъ существъ — хорошій руководитель младенца — хорошій руководитель инвалида — хорошій руководитель различно-поставленныхъ

разрядовъ людей—хорошій руководитель каждаго взрослаго, который ведетъ здоровую жизнь, то можно смѣло заключить, что онъ есть и хорошій руководитель дѣтей. Странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ былъ ненадеженъ только въ этомъ случаѣ.

Можетъ быть нѣкоторые прочтутъ это возраженіе съ нетерпѣніемъ, такъ какъ имъ покажется возможнымъ привести факты, рѣшительно не согласные съ нимъ. Повидимому отрицаніе свидѣтельства этихъ фактовъ безразсудно. Однако порядокъ не трудно отстоять. Дѣло въ томъ, что примѣры невоздержанія, на которые намекаютъ эти люди, обыкновенно *послѣдствія* ограничительной системы, которую они думаютъ оправдать, ничто иное какъ чувственныя реакціи, вызванныя аскетическою діэтою. Они, въ маломъ размѣрѣ, изъясняютъ всѣмъ извѣстную истину, что люди, которыхъ въ юности подчиняли самой суровой дисциплинѣ, бываютъ впослѣдствіи склонны впасть въ самыя дикія сумасбродства. Они аналогичны съ тѣми явленіями, нѣкогда нерѣдкими въ монастыряхъ, гдѣ монахи, послѣ крайне строгой жизни, внезапно впадали чуть ли не въ бѣшеный развратъ. Въ нихъ просто проявляется неукротимая сила долго сдерживаемыхъ

желаній. Разсмотримъ обыкновенныя склонности и обыкновенное обхожденіе съ дѣтьми. Любовь къ сластямъ въ нихъ очевидна и почти всеобща. Вѣроятно девяносто девять изъ ста человѣкъ думаютъ, что она есть ничто иное какъ удовлетвореніе вкуса и что, подобно другимъ чувственнымъ желаніямъ, ее слѣдуетъ предотвращать. Физіологъ, однако, открытія котораго заставляютъ все болѣе уважать устройство всего существующаго, подозрѣваетъ въ этой любви сластей нѣчто большее, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и изслѣдованіе подтверждаетъ его догадки. Онъ находитъ, что сахаръ играетъ важную роль въ жизненныхъ процессахъ. Какъ сахарныя такъ и жирныя вещества окисляются въ теплѣ, что сопровождается развитіемъ теплоты. Различные другіе составы должны превратиться въ сахаръ прежде чѣмъ служить теплообразовательною пищею и это *образованіе* сахара продолжается въ тѣлѣ. Крахмалъ превращается въ сахаръ нетолько при процессѣ пищеваренія, но какъ доказалъ Клодъ Бернаръ, и печень есть факторія, въ которой другіе составы преобразуются въ сахаръ: потребность въ сахарѣ такъ настоятельна, что онъ такимъ образомъ образуется даже изъ азотистыхъ веществъ, за недостаткомъ другихъ.

Затѣмъ, присоединивъ къ тому факту, что дѣти видимо проявляютъ желаніе этой драгоцѣнный теплообразовательной пищи, то, что въ нихъ обыкновенно замѣтно отвращеніе къ пищѣ, дающей наибольшую теплоту при окисленіи (каковъ именно, жиръ), мы имѣемъ основаніе думать, что излишекъ одной вознаграждаетъ недостатокъ другой что организмъ требуетъ болѣе сахару вслѣдствіе того, что ему трудно справиться съ большимъ количествомъ жира. Кромѣ того дѣти охотники до растительныхъ кислотъ. Плодъ всѣхъ сортовъ составляютъ ихъ наслажденіе и за неимѣніемъ чего нибудь лучшаго, они готовы ѣсть незрѣлый крыжовникъ и самые кислые дикіе яблоки. Замѣтимъ теперь, что растительныя кислоты, точно также какъ и минеральныя, не только служатъ хорошими крѣпительными средствами и полезны какъ таковыя при умѣренномъ употребленіи ихъ но, принимаемыя въ ихъ естественномъ видѣ, они имѣютъ и другія преимущества. „Зрѣлые плоды—говоритъ д-ръ Андрью Комбъ—въ большемъ употребленіи на континентѣ, чѣмъ у насъ; преимущественно они очень полезны въ тѣхъ случаяхъ, когда внутренности дѣйствуютъ неисправно“. Посмотрите же каково несогласіе между инстинктив-

ными требованіями ребенка и обычнымъ обращеніемъ съ нимъ. Въ ребенкѣ преобладаютъ двѣ склонности, которыя по всей вѣроятности выражаютъ извѣстныя потребности дѣтскаго организма и они не только неизвѣстны въ дѣтской діэтѣ, но существуетъ общее стремленіе помѣшать удовлетворенію ихъ. Хлѣбъ и молоко утромъ, чай и хлѣбъ съ масломъ на ночь, или нѣчто столь же нелѣпое, вотъ діэта, которой строго придерживаются; сколько нибудь удовлетворять вкусу считается безполезнымъ и даже вреднимъ. Каково же послѣдствіе? Когда въ праздникъ предоставляется свободный доступъ къ вкуснымъ вещамъ—когда подаренныя карманныя деньги дѣлаютъ доступнымъ содержаніе кондитерскихъ, или когда по какому нибудь случаю позволяется побѣгать на свободѣ по фруктовому саду, тогда долго сдерживаемыя, и по этому сильныя желанія удовлетворяются крайне неумѣренно. Начинается импровизированная масляннница, благодаря освобожденію отъ прежнихъ ограниченій, частью отъ сознанія, что съ слѣдущаго дня наступитъ продолжительный постъ. И послѣ того какъ обнаруживается вредъ переполненія желудка, начинаютъ доказывать, что дѣтей нельзя предоставлять руководству

ихъ аппетита! Эти же бѣдственныя послѣдствія искусственнаго ограниченія приводятся какъ доказательства необходимости дальнѣйшихъ ограниченій! Мы, однако, утверждаемъ, что разсужденія, которыми обыкновенно стараются оправдать эту систему вмѣшательства, извращены. Мы утверждаемъ, что если бы дѣтямъ дозволялось ежедневно участвовать въ болѣе вкусной пищѣ, потребной физіологически, они рѣдко впадали бы въ излишество, въ которое по большей части впадаютъ теперь при всякомъ удобномъ случаѣ. Если бы плоды, какъ рекомендуетъ д-ръ Комбъ, „составляли часть обычной пищи“ (давались, какъ онъ совѣтуетъ, не въ промежутки между завтраками и обѣдами, а одновремменно съ ними), не было бы той алчности, которая побуждаетъ ѣсть дикіе яблоки и дикія сливы. Тоже самое и въ другихъ случаяхъ. *Апріористическія* причины вѣрить аппетиту дѣтей весьма сильны, и ни на какое иное руководство положиться нельзя. Имѣетъ ли смыслъ родительское сужденіе, столь измѣнчивое въ своихъ распоряженіяхъ? Когда ребенокъ проситъ еще, мать или гувернантка отказываютъ ему, на какихъ данныхъ основываются онѣ? Онѣ *думаютъ*, что онъ получилъ достаточно. Но какое онѣ

имѣютъ основаніе думать такъ? Имѣютъ онѣ какое нибудь тайное сношеніе съ желудкомъ ребенка — одарены онѣ *ясновидящею* силою, дающею имъ возможность распознавать потребности его тѣла? Если нѣтъ, то какъ же могутъ быть надежными ихъ рѣшенія? Развѣ имъ неизвѣстно, что потребность организма въ пищѣ опредѣляется безчисленными и сложными причинами, что она измѣняется смотря по температурѣ, гигрометрическому и электрическому состоянію воздуха, измѣняется также согласно предшествовавшему упражненію, согласно роду и количеству предъидущей пищи, и согласно скорости, съ которою эта предъидущая пища переварилась? Какъ могутъ онѣ вычислить результаты этихъ, совокупныхъ причинъ? Мы слышали какъ одинъ отецъ говорилъ о своемъ пятилѣтнемъ сынѣ, который цѣлою головою выше своихъ ровесниковъ и пропорціонально силенъ, румянъ и дѣятеленъ: „Я не вижу никакого искусственнаго мѣрила, по которому возможно было бы опредѣлять его пищу. Если я скажу, „вотъ столько то достаточно“ это будетъ простая догадка, а догадка столько же можетъ быть ошибочна, какъ и вѣрна. По этому не довѣряя догадкамъ, я даю ему ѣсть сколько ему хочется“. И конечно

всякій, кто судилъ бы объ его образѣ дѣйствія по послѣдствіямъ, былъ бы принужденъ признать его благоразуміе. Въ сущности, та смѣлость, съ которою большинство родителей издаютъ законы для желудковъ дѣтей доказываетъ ихъ незнаніе физіологіи: будь они болѣе свѣдущи, они были бы и болѣе осторожны. „Гордость науки смиренна въ сравненіи съ гордостью невѣжества. Если кто нибудь захочетъ узнать какъ мало должно быть довѣріе къ человѣческому сужденію и какъ велико къ предустановленному устройству вещей, пусть сравнитъ опрометчивость неопытнаго медика съ осмотрительностью наиболѣе свѣдущаго или просмотритъ сочиненіе сэра Джона Форбеса, „о *природѣ и искуствѣ въ лѣченіи болѣзни*,“ тогда онъ увидитъ, что по мѣрѣ того какъ люди пріобрѣтаютъ знаніе законовъ жизни, они начинаютъ менѣе довѣрять самимъ себѣ и болѣе природѣ.

Переходя отъ вопроса о *количествѣ* пищи къ вопросу о качествѣ ея, не трудно замѣтить то же самое аскетическое направленіе. Не только ограниченная, но и сравнительно скудная діэта считается приличною дѣтямъ. Вообще принято, что дѣтямъ не слѣдуетъ давать много животной пищи. Ме-

жду менѣе богатыми классами, повидимому, разсчетливость внушила это мнѣніе—желаніе было источникомъ мысли. Родители, которые не въ состояніи покупать много мяса, отвѣчаютъ на просьбы дѣтей словами: „мясо вредно для маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ"; и это увѣреніе, бывшее, вѣроятно, сначала только удобнымъ извиненіемъ, обратилось чрезъ повтореніе въ догматъ вѣры. Что касается до тѣхъ классовъ, которыхъ мало заботятъ издержки, на нихъ подѣйствовалъ отчасти примѣръ большинства, отчасти вліяніе нянекъ, избираемыхъ изъ нисшихъ классовъ, и въ нѣкоторой степени и реакція противъ прошедшей животности.

Если, однако, мы освѣдомимся объ основаніи этого мнѣнія, мы не найдемъ никакого. Это догматъ, который принимается и повторяется безъ доказательства подобно тому, который нѣсколько тысячелѣтій отстаивалъ употребленіе свивальниковъ. Весьма вѣроятно, что мясо, требующее значительнаго растиранія прежде чѣмъ превратиться въ питательный растворъ, есть непригодная пища для младенца, желудокъ котораго не обладаетъ еще достаточною мускульною силою. Но это не возраженіе противъ животной пищи, изъ которой извле-

ченъ фибринъ. Оно не примѣнимо также и въ томъ случаѣ, когда, по прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ, пріобрѣтена значительная мускульная сила. Въ то время какъ доказательство въ защиту этого догмата дѣйствительно отчасти относительно очень маленькихъ дѣтей и недѣйствительно относительно болѣе старшихъ, съ которыми, тѣмъ неменѣе обращаются обыкновенно согласно этому догмату, противоположное доказательство и сильно, и убѣдительно. Научное мнѣніе какъ разъ противоположно народному. Мы обращались съ вопросомъ къ двумъ изъ нашихъ лучшихъ врачей и ко многимъ наиболѣе знаменитымъ физіологамъ и всѣ они единодушно согласны въ выводѣ, что діэта дѣтей должна быть не *менѣе*, а скорѣе болѣе питательна, чѣмъ діэта взрослыхъ.

Основанія, которыя приводятъ къ этому выводу очевидны и разсужденія просты. Стоитъ только сравнить жизненные процессы взрослаго и ребенка, чтобы увидѣть, что потребность питанія въ ребенкѣ относительно больше, чѣмъ во взросломъ. Для какихъ цѣлей необходима пища взрослому? Тѣло его ежедневно претерпѣваетъ большее или меньшее истощеніе—истощеніе вслѣдствіе мускульнаго упраж-

ненія, истощеніе нервной системы вслѣдствіе умственной работы, истощеніе внутренностей чрезъ выполненіе жизненныхъ функцій и потраченная такимъ образомъ ткань должна быть возстановлена. Точно также, тѣло, посредствомъ лучеиспусканія, теряетъ въ значительной мѣрѣ теплоту и такъ какъ, для непрерывности жизненныхъ отправленій, температура тѣла должна поддерживаться, потеря эта должна вознаграждаться постояннымъ произведеніемъ теплоты: что и достигается окисленіемъ извѣстныхъ составныхъ частей тѣла, слѣдовательно взрослому необходима пища единственно для возстановленія тратъ и для снабженія тѣла топливомъ, для ежедневнаго потребленія тепла. Обратимся теперь къ ребенку. Онъ также расходуетъ матеріалы тѣла при упражненіи и слѣдуетъ только обратить вниманіе на его неутомимую дѣятельность, чтобы увидѣть, что, пропорціонально своей величинѣ, онъ тратитъ столько же какъ и взрослый. Онъ также теряетъ теплоту чрезъ лучеиспусканіе и такъ какъ тѣло его, пропорціональное своей массѣ, представляетъ большую поверхность, чѣмъ тѣло взрослаго, а слѣдовательно быстрѣе теряетъ теплоту, то ему необходимо большее количество теплообразовательной пищи, чѣмъ взрослому. И

такъ, если бы даже въ ребенкѣ совершались только тѣ жизненные процессы, какіе совершаются во взросломъ, и тогда потребность въ питаніи была бы въ немъ относительно больше. Но, кромѣ возстановленія тѣла и поддержанія его теплоты, въ ребенкѣ должны образовываться новыя ткани—онъ долженъ рости. Послѣ обезпеченія траты и потери тепла, остающійся излишекъ пищи идетъ на дальнѣйшее строеніе тѣла, и нормальный ростъ возможенъ только при подобномъ излишкѣ; ростъ, который иногда совершается помимо его, причиняетъ очевидное изнеможеніе вслѣдствіе недостатка возстановленія. Правда, что по извѣстному механическому закону, который не можетъ быть здѣсь объясненъ, меньшій организмъ имѣетъ преимущество надъ большимъ въ дѣлѣ отношенія между поддерживающею и разрушительною силою—преимущество, которымъ, дѣйствительно обусловливается возможность роста. Допустивъ это, становится еще болѣе очевиднымъ что хотя противуположное состояніе и можетъ быть выдержано безъ полнѣйшей утраты излишка жизненной силы, тѣмъ не менѣе оно ослабляя ее, должно ослабить ростъ или достигнутое уже структурное совершенство. Какъ настоятельна потребность развивающагося организма въ пита-

тельныхъ веществахъ одинаково замѣтно и въ „голодѣ школьниковъ“,—въ послѣдующей жизни онъ рѣдко бываетъ столь силенъ—и аппетитѣ дѣтей, который возвращается сравнительно очень быстро. Если же потребуется дальнѣйшее доказательство чрезвычайной необходимости питанія, мы найдемъ его въ томъ фактѣ, что въ случаѣ голода, вслѣдствіе кораблекрушенія или другихъ несчастій, дѣти умираютъ прежде всѣхъ.

Послѣ того какъ мы признаемъ—что и должно случиться — эту сравнительно большую потребность питанія, намъ останется рѣшить, какъ лучше удовлетворить ей, помощью чрезмѣрнаго количества такъ называемой растительной пищи, или же болѣе умѣреннымъ количествомъ пищи концентрированной? Питательность, доставляемая извѣстнымъ вѣсомъ мяса, можетъ быть доставлена только большимъ вѣсомъ хлѣба, или еще большимъ вѣсомъ картофеля и такъ далѣе. Для удовлетворенія потребности, количество должно увеличиваться по мѣрѣ уменьшенія питательности. Слѣдуетъ ли намъ поэтому, сообразоваться съ потребностями подростающаго ребенка и давать ему соразмѣрное количество пищи, столь же хорошей какъ и пища взрослыхъ? Или же, не смотря

на то, что желудку его свойственно употреблять сравнительно большее количество даже этой хорошей пищи, мы станемъ утомлять его еще болѣе, давая ему большее количество худшей пищи?

Отвѣтъ очевиденъ. Чѣмъ болѣе сбереженъ трудъ пищеваренія, тѣмъ болѣе сохраняется силы, потребной для роста и дѣятельности. Отправленія желудка и кишекъ не могутъ выполняться безъ обильнаго запаса крови и нервной силы и въ сравнительномъ утомленіи, сопровождающемъ сытный обѣдъ, каждый человѣкъ имѣетъ доказательство того, что этотъ запасъ крови и нервной силы исчерпывается въ ущербъ всей системѣ. Если потребное питаніе доставляется большимъ количествомъ непитательной пищи, кишкамъ достается болѣе работы, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда питаніе доставляется умѣреннымъ количествомъ питательной пищи. Излишняя работа наноситъ большой вредъ, который проявляется въ дѣтяхъ или въ слабой силѣ или въ маломъ ростѣ, или и въ томъ, и другомъ. Изъ всего этого должно заключить, что діэта дѣтей должна по возможности соединять въ себѣ питательность и удобоваримость.

Безъ сомнѣнія справедливо, что мальчики и

дѣвочки могутъ вырости, употребляя исключительно растительную пищу. Между высшими классами можно встрѣтить дѣтей, которымъ даютъ сравнительно мало мяса и которыя, тѣмъ неменѣе ростутъ и кажутся здоровыми. Дѣти рабочаго люда едвали имѣютъ понятіе о животной пищѣ, а между тѣмъ они достигаютъ здоровой зрѣлости. Но эти, повидимому противорѣчащіе факты, никакимъ образомъ не имѣютъ того значенія, какое имъ обыкновенно придаютъ. Вопервыхъ, изъ того, что нѣкоторые въ раннихъ годахъ процвѣтаютъ на хлѣбѣ и картофелѣ, вовсе не слѣдуетъ, что они достигнутъ должнаго развитія и сравненіе земледѣльческихъ и аристократическихъ классовъ въ Англіи, или среднихъ и нисшихъ сословій во Франціи, отнюдь не въ пользу тѣхъ, которые ѣдятъ растительную пищу. Вовторыхъ, вопросъ заключается не только въ объемѣ, но и въ *качествѣ*. Мягкое, вялое тѣло съ виду стольже хорошо, какъ и твердое; хотя, при невнимательномъ взглядѣ, ребенокъ полнаго, вялаго сложенія можетъ повидимому не уступать ребенку съ крѣпкими фибрами, но испытаніе силы докажетъ разницу. Дородность въ взрослыхъ есть часто признакъ слабости. По этому наружный видъ скудно питающихся дѣтей

далеко не убѣдителенъ. Втретьихъ, кромѣ *роста*, слѣдуетъ обратить вниманіе на *силу*. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ контрастъ между дѣтьми сословій, питающихся мясомъ и сословій, питающихся хлѣбомъ и картофелемъ. Какъ по умственной, такъ и по физической живости, крестьянскій мальчикъ значительно ниже сына дворянина.

Если мы сравнимъ различные виды животныхъ, или различные разряды людей, или одинакихъ животныхъ или людей, различно питающихся, мы увидимъ еще болѣе ясное доказательство того, что *степень силы существенно зависитъ отъ питательности пищи*.

На коровѣ, питающейся столь не питательнымъ кормомъ, какъ трава, мы видимъ, что потребное безмѣрное количество его дѣлаетъ необходимымъ огромную пищеварительную систему; что ноги, небольшія въ сравненіи съ туловищемъ, обременены его тяжестью; что на ношеніе этого тяжелаго туловища и на перевариваніе чрезмѣрнаго количества пищи расходуется большой запасъ силы и что вслѣдствіе того, что излишекъ ея невеликъ, животное лѣниво. Сравните съ коровою лошадь—животное весьма близкое къ ней по строенію, но привыкшее къ болѣе концентрированному кор-

му. Ея туловище и преимущественно ея брюшная сторона болѣе пропорціальны ногамъ; силы не обремены поддержкою столь массивныхъ внутренностей, а пищевареніе столь огромнымъ количествомъ пищи и вслѣдствіе этого, она обладаетъ большею двигательною живостью. Если затѣмъ мы противопоставимъ глупое бездѣйствіе травояднаго барана, живости собаки питающейся мясомъ, или мучнистыми веществами или смѣсью изъ нихъ, мы увидимъ такое же различіе, но еще болѣе рѣзкое. А пройдясь по Зологическому саду и прослѣдивъ за неугомонностью съ которою мясоядныя животныя ходятъ взадъ и впередъ по клѣткамъ, намъ стоитъ только вспомнить, что ни одно изъ травоядныхъ не проявляетъ эту излишнюю энергію, чтобы понять, какъ очевидна связь между концентрированностью пищи и степенью дѣятельности.

Что различія эти происходятъ непосредственно не отъ различій строенія, какъ могутъ утверждать нѣкоторые, а отъ различій въ пищѣ, которую приходится употреблять животнымъ, доказывается тѣмъ фактомъ, что они замѣчаются между различными отдѣлами одного и того же вида. Разнообразныя породы лошадей служатъ достаточнымъ подтвержденіемъ

этого. Сравните толстобрюхую, неповоротливую, лѣнивую ломовую лошадь съ скаковою или охотничьею, менѣе толстыми и полными энергіи и тогда вспомните насколько кормъ первой менѣе питателенъ корма другихъ. Или возьмемъ примѣръ изъ человѣческаго рода. Австралійцы, Бушмены и другіе нисшіе дикари, питающіеся кореньями и ягодами, смѣняющимися личинками насѣкомыхъ и подобною скудною пищею, сравнительно малы ростомъ, имѣютъ большую брюшную полость, мягкіе и неразвитые мускулы, и совершенно неспособны сопротивляться Европейцамъ ни въ борьбѣ, ни въ продолжительныхъ усиліяхъ. Перечислите рослыя, сильныя и дѣятельныя дикія племена, каковы Каффры, Сѣверо-американскіе индѣйцы и Патогонцы, вы увидите, что всѣ они потребляютъ большое количество мясной пищи. Дурно питающійся Индусъ смиряется передъ Англичаниномъ, который потребляетъ болѣе питательную пищу и превосходитъ его какъ умственною, такъ и физическою силою. И вообще, по нашему мнѣнію, исторія міра доказываетъ, что племена, хорошо питающіяся, всегда были наиболѣе энергичными и преобладающими.

Доказательства становятся еще болѣе убѣди-

тельными, когда мы увидимъ, что одно и тоже животное способно на большія или меньшія усилія, сообразно большей или меньшей питательности употребляемой имъ пищи. Это было доказано на лошади. Хотя лошадь, поѣдающая траву и можетъ быть тучною, но она утрачиваетъ силу, какъ оказывается при употребленіи ее въ тяжелую работу. „Послѣдствіемъ выгона лошади на траву бываетъ ослабленіе мускульной системы". „Трава служитъ отличнымъ кормомъ для телятъ, откармливаемыхъ для рынка, но она совершенно негодна для охотничьей лошади". Съ давнихъ временъ извѣстно, что охотничьи лошади, проведя лѣто въ поле, должны пробыть нѣсколько мѣсяцевъ на конюшенномъ корму, прежде чѣмъ сдѣлаться способными слѣдовать за гончими собаками и что они могутъ придти въ хорошее состояніе только въ началѣ слѣдующей весны. А новѣйшимъ опытомъ, какъ утверждаетъ м-ръ Апперлей, дознано, „что охотничью лошадь не слѣдуетъ выпускать лѣтомъ на траву и вообще, исключая особыхъ, благопріятныхъ условій, не выгонять ее въ поле". Другими словами, это значитъ никогда не допускать ее до скуднаго корма: большая сила и крѣпость пріобрѣтаются только при постоянномъ употребленіи питательнаго

корма. Это настолько справедливо, что, какъ доказываетъ м-ръ Апперлей, продолжительное хорошее питаніе дѣлаетъ посредственную лошадь равною, въ исполненіи работъ, первоклассной лошади, питающейся обыкновеннымъ образомъ. Къ этимъ различнымъ доводамъ прибавимъ тотъ весьма извѣстный фактъ, что когда отъ лошади требуется двойная работа, ей обыкновенно даютъ бобы—пищу, содержащую въ себѣ большую пропорцію азотистыхъ или мясообразовательныхъ веществъ, чѣмъ овесъ.

Еще разъ повторяемъ, что относительно отдѣльныхъ людей истина эта столь же, или еще болѣе очевидна. Мы не говоримъ о людяхъ, готовящихся къ такимъ занятіямъ, въ которыхъ требуется сила, діэта которыхъ, однако, всегда согласуется съ ученіемъ. Мы ссылаемся на опытность подрядчиковъ желѣзныхъ дорогъ и ихъ рабочихъ. Давнымъ давно признано, что англійскій землекопъ, питающійся мясомъ, гораздо сильнѣе континентальнаго землекопа, употребляющаго мучнистую пищу: настолько сильнѣе, что англійскіе подрядчики на континентальныя желѣзныя дороги находятъ выгоднымъ брать съ собою своихъ рабочихъ. Въ новѣйшее время ясно доказано, что превосходство это происходитъ не отъ племеннаго раз-

личія, а отъ различія діэты. Такъ какъ оказалось, что при одинаковомъ образѣ жизни континентальные землекопы болѣе или менѣе равняются въ силѣ съ своими англійскими соперниками. Этотъ фактъ дополнимъ противоположнымъ, въ пользу котораго мы можемъ привести личное свидѣтельство, основанное на шестимѣсячномъ испытаніи вліянія растительной пищи и который состоитъ въ томъ, что воздержаніе отъ мяса ведетъ за собою ослабленіе физической и умственной силы.

Не подкрѣпляютъ ли эти разнообразныя доказательства нашей аргументаціи относительно питанія дѣтей? Не явствуютъ ли они, что, предположивъ даже возможность одинаковыхъ роста и полноты при непитательной и питательной діэтѣ, качество ткани въ первомъ случаѣ значительно хуже? Не поставляютъ ли они за правило, что совокупное увеличеніе силы и роста возможно только при наилучшемъ питаніи? Не подтверждаютъ ли они апріористическое заключеніе, что, хотя ребенокъ, отъ котораго не требуютъ почти никакой физической или умственной дѣятельности, можетъ вырости довольно здоровымъ, питаясь мучнистыми веществами, ребенокъ, которому приходится ежедневно не только образовывать над-

лежащее количество новой ткани, но и дополнить трату, сопровождающую сильную мускульную дѣятельность и напряженное мозговое упражненіе, долженъ принимать пищу, содержащую въ себѣ большую пропорцію питательной матери? Не приводятъ ли они къ очевидному выводу, что лишеніе этой лучшей пищи должно наносить ущербъ или росту, или физической, или умственной дѣятельности, смотря по сложенію и обстоятельствамъ? Мы полагаемъ, что логическій умъ не станетъ въ этомъ сомнѣваться? Думать иначе значило бы поддерживать въ замаскированной формѣ старинное заблужденіе прожектеровъ безпрерывнаго движенія—возможность происхожденія силы изъ ничего.

Прежде чѣмъ покончить съ вопросомъ о пищи, мы должны сказать нѣсколько словъ о необходимости *разнообразія*. Въ этомъ отношеніи діэта юношей весьма неудовлетворительна. Если дѣтей, подобно солдатамъ, не присуждаютъ на „двадцатипятилѣтнюю ѣду вареной говядины“, то имъ по большей части приходится выносить однообразіе, которое, хотя и не столь постоянно, однако настолько же противно законамъ о здоровьѣ. За обѣдомъ, правда они получаютъ обыкновенно пищу

болѣе или менѣе смѣшанную и измѣняющуюся со дня на день. Завтракъ же безсмѣнно ежедневно состоитъ изъ хлѣба и молока, или, можетъ быть, изъ овсянки. Ужинъ столько же однообразенъ: или вторично подается хлѣбъ съ молокомъ, или чай и хлѣбъ съ масломъ. Такое обыкновеніе противно предписаніямъ физіологіи. Пресыщеніе, вызываемое часто повторяющимся блюдомъ, и удовольствіе, ощущаемое давно не подававшимся блюдомъ, не лишены значенія, какъ полагаютъ люди по безпечности, они служатъ побужденіями къ здоровому разнообразію діэты. Многочисленными опытами дознано, что никакая пища, какъ бы она ни была хороша, не можетъ доставить въ надлежащемъ количествѣ и видѣ всѣ вещества, потребныя для поддержанія жизненныхъ процессовъ въ нормальномъ порядкѣ: изъ чего слѣдуетъ, что частая перемѣна пищи желательна для равномѣрнаго доставленія всѣхъ веществъ. Далѣе физіологамъ знакомъ тотъ фактъ, что наслажденіе, доставляемое любимымъ кушаньемъ, есть сильное возбудительное средство, которое, увеличивая дѣятельность сердца и тѣмъ усиливая быстроту движенія крови, облегчаетъ процессъ пищеваренія. Эти же истины согласны и съ правилами новѣйшаго способа

питанія скота, предписывающими чередованіе корма.

Кромѣ періодической перемѣны пищи, по тѣмъ же самымъ причинамъ, желательно, чтобы пища всегда была смѣшанная. Преимущества въ этомъ случаѣ, какъ и въ первомъ—лучшее равновѣсіе составныхъ частей и большее нервное возбужденіе. Если нужны факты, мы можемъ сослаться, напримѣръ, на сравнительную легкость, съ какою желудокъ перевариваетъ французскій обѣдъ, безмѣрный по количеству, но крайне разнообразный по матеріаламъ. Немногіе станутъ утверждать, что одинаковое количество иного рода пищи, какъ бы она ни была хорошо приготовлена, можетъ перевариваться столь же легко. Если бы кто нибудь пожелалъ дальнѣйшихъ фактовъ, ихъ можно найти въ каждомъ новѣйшемъ сочиненіи объ уходѣ за животными. Животныя вырастаютъ лучше, если кормъ ихъ всегда состоитъ изъ нѣсколькихъ веществъ. Опыты Госса и Старка „представляютъ наиболѣе убѣдительное доказательство преимущества, или скорѣе необходимости, смѣшенія веществъ, изготовленія смѣси, наиболѣе принаравленной къ дѣятельности желудка (*).

*) Энциклопедія Анатоміи и Физіологіи

Вѣроятно нѣкоторые возразятъ, что чередующаяся діэта дѣтей и смѣшеніе пищи при каждой ѣдѣ вызоветъ слишкомъ большія хлопоты; мы отвѣтимъ на это, что никакія хлопоты объ умственномъ развитіи дѣтей не считаются слишкомъ большими, и что здоровое физическое развитіе еще болѣе важно для ихъ будущаго благосостоянія. Сверхъ того, намъ кажется печальнымъ и страннымъ, чтобы хлопоты старательно прилагаемыя къ откармливанію свиней, могли считаться слишкомъ большими въ дѣлѣ воспитанія дѣтей.

Скажемъ еще нѣсколько словъ съ цѣлью предостереженія тѣхъ, кто захочетъ примѣнить указанную діэту. Перемѣна не должна быть внезапною; такъ какъ продолжительное дурное питаніе на столько ослабляетъ организмъ, что дѣлаетъ его неспособнымъ сразу выносить хорошую діэту. Недостаточное питаніе само по себѣ есть причина затруднительнаго пищеваренія. Это вѣрно даже относительно животныхъ. „Телята, которые питаются снятымъ молокомъ, или сывороткою, или иною скудною пищею, бываютъ подвержены несваренію желудка (*). Слѣдовательно въ томъ случаѣ, когда силы слабы, переходъ къ обильной діэтѣ долженъ быть постепен-

*) Мортонъ, „Энциклопедія земледѣлія“.

нымъ: по мѣрѣ возрастанія силы можетъ и увеличваться и питаніе. Затѣмъ, слѣдуетъ помнить, что концентрированіе пищи можно вести слишкомъ далеко. Количество достаточное для наполненія желудка, вотъ все, что требуется отъ хорошаго обѣда и это требованіе отрицаетъ діэту, въ которой недостаетъ веществъ, могущихъ дать соразмѣрную массу. Хотя размѣры пищеварительныхъ органовъ менѣе у хорошо питающихся цивилизованныхъ племенъ, чѣмъ у дурно питающихся дикихъ и хотя ихъ размѣры могутъ случайно уменшиться еще болѣе, однако, для настоящаго времени, количество принимаемой пищи должно опредѣляться существующею вмѣстительностью. Но, принявъ во вниманіе эти два вывода наши мы придемъ къ тому, что пища дѣтей должна быть въ высшей степени питательна и что она должна быть всегда разнообразна и обильна.

Относительно одежды, воззрѣнія большинства столь же ошибочны какъ и относительно пищи. Здѣсь, также, проглядываетъ излишній аскетизмъ. Существуетъ ходячая теорія, хотя и не выраженная въ опредѣленной формулѣ, что на ощущеніи не слѣдуетъ обращать вниманія. Они существуютъ не для того, чтобы руководить нами, а чтобы вводить насъ въ ошибки,

вотъ, повидимому, преобладающее мнѣніе въ его обнаженной формѣ. Это большое заблужденіе: мы организованы гораздо благопріятнѣе. Обыкновенная причина физическихъ бѣдствій бываетъ не въ покорности, а въ непокорности ощущеніямъ. Ѣсть вредно не тогда, когда ощущается голодъ, а при отсутствіи голода. Пить не вредно, когда ощущаешь жажду, но вредно продолжать пить послѣ того, какъ жажда утолена. Дурныя послѣдствія происходятъ не отъ вдыханія того свѣжаго воздуха, которымъ наслаждается каждый здоровый человѣкъ, но отъ вдыханія испорченнаго воздуха, несмотря на протестъ легкихъ. Вредъ происходитъ не отъ того дѣятельнаго упражненія, которое, какъ доказываетъ каждый ребенокъ, настоятельно внушается природою, но отъ настойчиваго пренебреженія къ внушеніямъ природы. Зло причиняетъ не та умственная дѣятельность, которая самопроизвольна и доставляетъ наслажденіе, а та, которая продолжается послѣ того, какъ разгоряченная и разболѣвшаяся голова требуетъ отдыха. Вредно не то тѣлесное упражненіе, которое пріятно или безразлично, а то, которое продолжается вопреки утомленію. Правда, что въ тѣхъ людяхъ, которые долго вели нездоровую жизнь, ощущенія

ненадежные руководители. Люди, которые многіе годы провели почти безвыходно въ четырехъ стѣнахъ, сильно упражняли мозгъ, а тѣло почти нисколько, въ ѣдѣ повиновались часамъ, не сообразуясь съ желудкомъ, конечно могутъ быть введены въ обманъ своими извращенными чувствами. Но ненормальное состояніе и есть результатъ насилованія ощущеній. Если бы они съ дѣтства никогда не ослушались того, что мы можемъ назвать физическою совѣстью, она не ожесточилась бы, но осталась бы вѣрнымъ совѣтникомъ.

Ощущеніе жара и холода служатъ намъ руководствомъ въ выборѣ одежды, которая должна тщательно сообразоваться съ этими ощущеніями. „Пріученіи къ суровости“ жестокое заблужденіе. Немало дѣтей было убито этимъ пріученіемъ къ суровости; а тѣ, которыя переживаютъ теряютъ въ ростѣ или въ сложеніи. „Ихъ слабый внѣшній видъ есть лучшій признакъ причиненнаго имъ такимъ образомъ вреда и частыя болѣзни могутъ служитъ предостереженіемъ даже для неразмышляющихъ родителей“, говоритъ д-ръ Комбъ. Разсужденіе, на которомъ основывается эта теорія пріученія къ суровости, крайне поверхностно. Богатые родители, видя, что крестьянскія дѣти играютъ

на открытомъ воздухѣ полуодѣтые и соединяя съ этимъ фактомъ общее здоровое состояніе рабочаго народа, выводятъ ложное заключеніе, что здоровье есть результатъ обнаженія и рѣшаются держать своихъ дѣтей недостаточно прикрытыми! Они забываютъ, что деревенскія дѣти, которыя рѣзвятся на лугахъ въ многихъ отношеніяхъ благопріятно обставлены и что жизнь ихъ проходитъ почти въ безпрерывной игрѣ; что они ежедневно дышатъ свѣжимъ воздухомъ и что организмъ ихъ не разстроенъ излишнимъ умственнымъ напряженіемъ. И какъ бы это ни казалось несообразнымъ, ихъ хорошее состояніе здоровья поддерживается не вслѣдствіе, а вопреки ихъ недостаточной одеждѣ. Мы полагаемъ, что этотъ противоположный выводъ вѣренъ и что неизбѣжный вредъ происходитъ отъ потери животной теплоты, которой они подвергаются. Если они настолько здоровы, что выносятъ холодъ и привыкаютъ къ нему, то это происходитъ на счетъ роста. Это мы видимъ и на животныхъ и на людяхъ. Шотландскія пони выносятъ бо́льшія суровости, чѣмъ южныя лошади, но онѣ малорослы. Шотландскіе бараны и скотъ, живущіе въ болѣе холодномъ климатѣ, мелки въ сравненіи съ англійскими породами. Какъ въ арктической

такъ и въ антарктической полосѣ человѣческія племена многимъ ниже обыкновенный высоты роста: Лапландцы и Эскимосы, очень низки, а жители Огненной Земли, которые ходятъ обнаженными зимою, по описанію Дарвина такъ малы ростомъ и такъ безобразны, что „едва возможно заставить себя вѣрить, что это люди“.

Наука объясняетъ эту малорослость обильнымъ выдѣленіемъ теплоты, показывая, что этотъ результатъ неизбѣженъ, если пища и всѣ другія условія одинаковы; потому что, какъ было доказано выше, для вознагражденія охлажденія чрезъ лучеиспусканіе, которому подвергается тѣло, извѣстныя вещества, входящія въ составъ пищи, должны постоянно окисляться. И смотря потому какъ велика потеря теплоты, столь же велико должно быть и количество окисляющихся веществъ. Между тѣмъ дѣятельность пищеварительныхъ органовъ ограничена. Слѣдовательно, когда имъ приходится изготовлять большое количество матеріаловъ, необходимыхъ для поддержанія температуры, они могутъ изготовить только малое количество матеріаловъ, идущихъ на строеніе тѣла. Чрезмѣрная трата на возстановленіе теплоты уменьшаетъ средства удовлетворенія другихъ потребностей. Вслѣдствіе этого тѣло же неизбѣжно должно

быть или мало ростомъ или несовершенно по тканямъ.

Изъ всего этого мы видимъ какъ велика важность одежды. „Наша одежда“, говоритъ Либихъ, „относительно температуры тѣла есть только замѣна извѣстнаго количества пищи“. Съ уменьшеніемъ потери теплоты уменьшается количества горючихъ веществъ, потребныхъ для поддержанія тепла, а когда желудку приходится менѣе заготовлять горючихъ веществъ, онъ имѣетъ болѣе средствъ заготовить другіе матеріалы. Этотъ выводъ подтверждается опытностью людей, которые ходятъ за животными. Животныя могутъ выносить холодъ только на счетъ жира, или мускуловъ, или роста, смотря по обстоятельствамъ. „Если откармлываемыя животныя выносятъ низкую температуру, этимъ или замедляется ихъ утучненіе, или вызывается излишнее употребленіе пищи (*). М-ръ Апперлей рѣшительно утверждаетъ, что для того чтобы довести охотничьихъ лошадей до хорошаго состоянія необходимо, чтобы конюшни были теплы. Всѣмъ кто разводитъ скаковыхъ лошадей извѣстно, что не должно подвергать ихъ холоду.

Научная истина, подкрѣпляемая такимъ об-

---

*) Мартонъ, „Энциклопедія земледѣлія“.

разомъ этнологіею и признаваемая агрономами и охотниками, еще болѣе примѣнима къ дѣтямъ. Холодъ вреденъ имъ тѣмъ болѣе, чѣмъ они меньше и чѣмъ ростъ ихъ быстрѣе. Во Франціи новорожденные младенцы часто умираютъ зимою отъ того, что ихъ носятъ въ канцелярію мэра для внесенія въ списокъ. „Г. Кетле указываетъ, что въ Бельгіи на одного ребенка, умирающаго въ Іюлѣ, приходится два умирающихъ въ Январѣ“. Въ Россіи смертность дѣтей страшно велика. Даже при приближеніи зрѣлости, неразвитой организмъ сравнительно неспособенъ выносить простуду: доказательствамъ можетъ служить то, какъ быстро умираютъ молодые солдаты въ трудныхъ походахъ. Раціональный выводъ ясенъ. Мы уже обращали вниманіе на тотъ фактъ, что вслѣдствіе измѣнчиваго отношенія между поверхностью и величиною тѣла, дитя теряетъ относительно бо́льшее количество теплоты, чѣмъ взрослый; а здѣсь мы должны указать на то, что невыгодныя условія, при которыхъ ребенокъ такимъ образомъ трудится, весьма значительны. Леманъ говоритъ: — „Если, углекислота, выдѣляемая дѣтьми или молодыми животными, будетъ разсчитана на одинаковую тяжесть тѣла, то выводъ укажетъ ясно,

что дѣти производятъ углекислоты почти вдвое болѣе взрослыхъ". Количество же выдѣляемой углекислоты измѣняется довольно точно, смотря по количеству производимой теплоты. Такимъ образомъ мы видимъ, что организмъ дѣтей, даже при отсутствіи невыгодныхъ условій, долженъ заготовлять почти двойное количество матеріала для произведенія тепла.

Посмотрите же какъ велико безуміе скуднаго одѣянія дѣтей. Найдется ли такой отецъ, который, несмотря на то, что онъ вполнѣ взрослый, теряетъ теплоту менѣе быстро и не имѣетъ никакой другой физіологической потребности, кромѣ возстановленія ежедневной траты— найдется ли, спрашиваемъ мы, отецъ, который счелъ бы здоровымъ выходить на улицу съ голыми ногами, голыми руками и голой шеей? Между тѣмъ этому насилованію организма, котораго онъ избѣгаетъ самъ, онъ подвергаетъ своихъ дѣтей, гораздо менѣе способныхъ вынести его! Или, если онъ самъ этого не дѣлаетъ, то смотритъ на это не протестуя. Пусть онъ помнитъ, что каждая унція пищи, напрасно израсходованная на поддержаніе температуры вычитается изъ питательныхъ веществъ, идущихъ на строеніе тѣла; и что если даже будутъ избѣгнуты простуды, приливы крови или другія

вредныя послѣдствія, то меньшій ростъ или менѣе совершенное строеніе неизбѣжны.

„Изъ этого вытекаетъ правило, что недолжно одѣваться всегда одинаково, но слѣдуетъ одѣвать такого рода одежду и въ такомъ количествѣ, *чтобы она была достаточна въ отдѣльномъ случаѣ для дѣйствителной защиты тѣла отъ продолжительнаго ощущенія холода, какъ бы-оно ни было слабо*“. Это правило, важность котораго д-ръ Комбъ обозначаетъ курсивомъ, одно изъ тѣхъ, съ которымъ согласны всѣ теоритики и практики. Мы не встрѣчали ни однаго компетентнаго въ этомъ отношеніи человѣка, который строго не осуждалъ бы обнаженія дѣтскихъ членовъ. Если только существуетъ вопросъ, въ которомъ слѣдуетъ болѣе другихъ чуждаться „губительныхъ обычаевъ“, то это именно вопросъ объ одеждѣ.

Прискорбно, право, смотрѣть на матерей, серіозно разстраивающихъ организмы дѣтей изъ угожденія нелѣпой модѣ. Достаточно безрасудно и то, что онѣ сами сообразуются со всякою нелѣпостью, которую выдумаютъ наши сосѣди французы, но одѣвать дѣтей въ какую нибудь одежду скомороховъ, которую предпишетъ „Le petit Courrier des Dames“, не обращая вниманія на ея недостаточность и неудоб-

ство, это ужасно. Причиняются бо́льшее или меньшее безпокойство, частыя болѣзни; задерживается ростъ или подрываются жизненныя силы; нерѣдко вызывается преждевременная смерть, — и все это вслѣдствіе того, что считается необходымымъ дѣлать платья такого фасона и изъ такого матеріала, какіе предписываетъ капризъ французовъ. Не только изъ угожденія модѣ, матери наказываютъ такимъ образомъ своихъ дѣтей и вредятъ имъ недостаточнымъ одѣяніемъ, но изъ подобнаго же побужденія они придумываютъ одежду, которыя препятствуетъ здоровой дѣятельности. Ради внѣшняго вида выбираются цвѣта и матеріалъ совершенно несоотвѣтствующіе грубому обращенію, связанному съ свободными играми и поэтому воизбѣжаніе порчи свободныя игры запрещаются. „Встань сію минуту: ты запачкаешь свое чистое платье“, вотъ приказаніе, которое дается одному изъ мальчугановъ, ползающему по полу. „Вернись назадъ: ты разорвешь свои чулки“, кричитъ гувернантка одному изъ своихъ питомцевъ, сошедшему съ троттуара, чтобы вскарабкаться на насыпъ. Такимъ образомъ зло усугубляется. Для того, что бы подойти подъ маменькино мѣрило красоты и заслужить удивленіе посѣтителей, дѣти должны носить

платья, недостаточныя по количеству и неудобныя по покрою и для того, чтобы эти непрочныя платья могли оставаться чистыми и неиспорченными, обуздывается неутомимая дѣятельность дѣтей, столь естественная и столь потребная имъ. Скоро ли люди, придерживающіеся этой системы, поймутъ ея ужасную жестокость! Мы, нимало не колеблясь, можемъ сказать, что благодаря разстроенному здоровью, скудной энергіи, а вслѣдствіе этого и неуспѣху въ жизни, тысячи ежегодно осуждаются на несчастіе этимъ постыднымъ почитаніемъ внѣшней красоты: если только они, раннею смертью, буквально не приносятся въ жертву кумиру материнскаго тщеславія. Намъ не хотѣлось бы совѣтывать строгія мѣры, но въ дѣйствительности зло такъ велико, что оно оправдываетъ и даже требуетъ рѣшительнаго вмѣшательства со стороны отцовъ.

И такъ мы приходимъ къ заключенію, что одежда дѣтей, не доходя до излишенства, которое производитъ тягостное чувство теплоты, должна всегда быть удовлетворительна на столько, чтобы предупредить общее ощущеніе холода (*);

---

*) Необходимо замѣтить, что дѣти, ноги и руки которыхъ съ самаго начала оставались обыкновенно непокрытыми, не сознаютъ болѣе, чтобы обнаженнымъ поверхностямъ было холодно:

что она должна быть сдѣлана не изъ легкаго миткаля, полотна или смѣшанной ткани, обыкновенно употребляемыхъ, а изъ хорошаго непроводника теплоты, подобно грубой шерстяной матеріи; что она должна быть настолько прочна чтобы не легко поддаваться порчѣ отъ дѣтскихъ игръ, и такого цвѣта, чтобы не скоро портиться отъ употребленія.

Важность тѣлеснаго упражненія большинство понимаетъ уже до извѣстной степени. Говорить объ этомъ требованіи физическаго воспитанія можетъ быть менѣе необходимо чѣмъ о другихъ, по крайней мѣрѣ что касается мальчиковъ. Какъ общественныя такъ и частныя школы предоставляютъ довольно соразмѣрныя мѣста для игръ; въ нихъ удѣляется обыкновенно и надлежащее количество времена для игръ внѣ дома, которыя признаются необходимыми. Если ни въ какомъ другомъ, то въ этомъ направленіе повидимому допускается, что мальчику можетъ быть полезно слѣдовать своимъ инстиктив-

---

точно также какъ мы, по привычкѣ, перестали чувствовать холодъ на лицѣ, даже на воздухѣ, но несмотря на то, что эти дѣти утратили подобныя ощущенія, это не значитъ, чтобы организмъ избѣгалъ вреднаго дѣйствія; точно также нельзя заключать, что обнаженіе не наноситъ вреда жителю Огненной Земли, изъ того, что онъ равнодушно выноситъ таяніе снѣга, падающаго на его голое тѣло.

нымъ побужденіямъ и дѣйствительно, принятое въ новѣйшее время обыкновеніе прерывать продолжительные утренніе и послѣобѣдные уроки нѣсколькими минутами забавъ указываетъ на возрастающее стремленіе сообразовать школьные уставы съ физическими ощущеніями воспитанниковъ. Въ этомъ отношеніи мы не видимъ большой необходимости предъявлять жалобы и внушенія.

Но мы были принуждены ограничить это соглашеніе оговоркою „что касается мальчиковъ". Къ сожалѣнію, мы видимъ совершенно иное относительно дѣвочекъ. Какъ бы это ни было странно, намъ ежедневно представляется случай выводить сравненіе. Мы имѣемъ предъ глазами школы мальчиковъ и дѣвочекъ, и контрастъ между ними замѣчателенъ. Въ первомъ случаѣ, почти весь обширный садъ обращенъ въ открытое,посыпанное пескомъ, пространство, доставляющее полную свободу играмъ, и снабженъ шестомъ и горизонтальными полками для гимнастическихъ упражненій. Каждый день передъ завтракомъ, потомъ около одинадцати часовъ, въ полдень, послѣ обѣда и по окончаніи классовъ, окрестности пробуждаются хоромъ криковъ и смѣха, съ которыми мальчики выбѣгаютъ играть, и все время пока они остаются,

глаза и уши свидѣтельствуютъ, что они поглощены этою веселою дѣятельностью, которая заставляетъ биться пульсъ и обезпечиваетъ здоровую дѣятельность каждаго органа. Какое несносное по сравненію съ этимъ представляетъ зрѣлище „Институтъ для молодыхъ дѣвицъ"! Пока намъ не сказали, мы право не знали, что женская школа находится также, какъ, и мужская возлѣ насъ. Въ саду, столь же обширномъ, какъ и первый, нѣтъ ни малѣйшаго признака приспособленія къ юношескимъ увеселеніямъ; онъ весь покрытъ вымѣренными лужайками, аллеями, усыпанными пескомъ, кустарниками и цвѣтами, совершенно въ обычномъ пригородномъ вкусѣ. Ни разу впродолженіи пяти мѣсяцевъ эта мѣстность не вызывала нашего вниманія шумомъ или смѣхомъ. Случайно можно увидѣть дѣвушекъ, расхаживающихъ по дорожкамъ съ учебниками въ рукахъ, или просто прогуливающихся рука объ руку. Однажды, правда мы видѣли какъ одна бѣгала за другою по саду, но исключая этого, незамѣтно ничего подобнаго сильному тѣлесному движенію.

Что за причина этой изумительной разницы? Можетъ быть сложеніе дѣвочекъ совершенно иное чѣмъ мальчиковъ, такъ что дѣятельныя упражненія имъ вовсе не необходимы? Можетъ быть

у дѣвочекъ нѣтъ никакихъ побужденій къ шумнымъ играмъ, которыя оживляютъ мальчиковъ? Или можетъ быть, въ то время какъ побужденія мальчиковъ должны разсматриваться какъ стимулы физической дѣятельности, безъ которой развитіе не можетъ быть полно, природа надѣлила ими дѣвочекъ безъ всякой цѣли — развѣ только для раздраженія воспитательницъ? Можетъ быть, однако, мы не понимаемъ цѣли воспитателей женскаго пола. Мы имѣемъ смутное подозрѣніе, что здоровое *тѣлосложеніе* считается нежелательнымъ; что крѣпкая здоровая и обильная сила разсматриваются какъ нѣчто плебейское; что извѣстная нѣжность, сила, недостаточная для того, чтобы пройти болѣе одной мили или двухъ, аппетитъ разборчивый и легко удовлетворяемый, въ соединеніи съ тою робостью, которая обыкновенно сопровождаетъ слабость, считаются болѣе приличнымъ женщинамъ. Мы не думаемъ, чтобы кто нибудь ясно высказалъ это; но намъ кажется, что наставница преслѣдуетъ идеалъ молодой лэди, близко подходящей къ этому типу. Если это такъ, то должно согласиться, что принятая система расчитана, какъ нельзя лучше для осуществленія этаго идеала. Но предполагать, что таковъ идеалъ противоположнаго пола есть гру-

бая ошибка. Что мужчинамъ не всегда нравятся мужественныя женщины, безъ сомнѣнія справедливо. Мы вполнѣ согласны, что та относительная слабость, которая требуетъ защиты большой силы есть привлекательный элементъ! Но это различіе, соотвѣтствующее чувствамъ мужчинъ, есть естественное, предъустановленное, и выкажется безъ искусственныхъ средствъ. Когда же, съ помощью искусственныхъ средствъ различіе это увеличивается, оно дѣлаетея скорѣе отталкивающимъ, чѣмъ привлекательнымъ.

„Въ такомъ случаѣ дѣвочкамъ можно дозволять дико бѣгать—сдѣлаться стольже грубыми, какъ мальчики и вырости шаловливыми и бойкими“! восклицаютъ защитники приличій. Такого рода опасеніе всегда-присуще въ воспитательницахъ. При изслѣдованіи оказывается, что въ „Институтѣ для дѣвицъ“ шумныя игры въ родѣ тѣхъ, которымъ ежедневно свободно предаются мальчики считаются преступленіемъ, достойнымъ наказанія и мы думаемъ что онѣ запрещаются, чтобы не развились неженственныя привычки. Опасеніе это, однако, вполнѣ неосновательно. Не мѣшаетъ же рѣзвая дѣятельность, дозволяемая мальчикамъ, вырости имъ въ джентльменовъ. Почему же подобная рѣзвая дѣятельность помѣшаетъ дѣвочкамъ сдѣ-

латься лэди? Какъ бы ни были грубы шалости при играхъ, юноши, по выходѣ изъ школы, не позволяютъ себѣ играть въ чехарду на улицахъ, или съ мячикомъ въ гостиной. Покидая куртки, они покидаютъ въ тоже время и мальчишескія игры. Въ нихъ проявляется заботливость—доходящая часто до смѣшнаго—избѣгать все, что не достойно мужчины. И такъ, если по достиженіи извѣстнаго возраста это чувство мужескаго достоинства налагаетъ столь дѣйствительную узду на шалости мальчиковъ, не будетъ ли чувство женской скромности, укрѣпляясь по мѣрѣ достиженія зрѣлости, представлять дѣйствительную преграду подобнымъ же шалостямъ дѣвочекъ? Не обращаютъ ли женщины даже большаго вниманія на внѣшность, чѣмъ мужчины? И по этому не возникаютъ ли въ нихъ даже болѣе сильное стремленіе обуздать все грубое и дикое? Какъ нелѣпо предполагать, что женскіе инстикты не проявлялись бы, еслибы не суровая дисциплина школьныхъ начальницъ!

Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, для исправленія зла, происходящаго отъ одного рода искуственности, прибѣгаютъ къ искуственности другаго рода. Такъ какъ естественныя добровольныя тѣлесныя движенія воспрещаются, а

дурныя послѣдствія отсутствія движенія стали очевидными, введена система искуственнаго тѣлеснаго упражненія—гимнастика. Мы допускаемъ, что это лучше чѣмъ ничего, но чтобы это могло вполнѣ замѣнить игры, мы отрицаемъ. Гимнастика имѣетъ какъ положительные, такъ и отрицательные недостатки. Во первыхъ, формальныя мускульныя движенія, неизбѣжно менѣе разнообразныя, чѣмъ тѣ, которыя сопровождаютъ юношескія игры, не упрочиваютъ равномѣрнаго распредѣленія дѣйствія на всѣ части тѣла, вслѣдствіе чего упражненіе, выпадающее на долю нѣкоторыхъ частей, вызываетъ усталость скорѣе, чѣмъ могло бы быть: къ этому, мимоходомъ, прибавимъ, что постоянно повторяющееся упражненіе нѣкоторыхъ частей ведетъ за собою непропорціональное развитіе. Сверхъ того, количество такого рода упражненія будетъ недостаточна не только вслѣдствіе неравнаго распредѣленія, но и вслѣдствіе отсутствія занимательности, хотя бы даже эти монотонныя упражненія не были отвратительными, что иногда случается, они, обращаясь какъ бы въ опредѣленные уроки, навѣрно будутъ утомительными, доставляя мало пріятности. Соперничество, правда, служитъ тутъ стимуломъ, но стимулъ этотъ не столь проченъ, какъ удоволь-

ствіе, сопровождающее разнообразныя игры. Наиболѣе вѣское обвиненіе, однако, еще впереди. Гимнастика, уступая играмъ въ отношеніи *количества* мускульнаго упражненія, которое она обезпечиваетъ, еще болѣе уступаетъ имъ въ отношеніи *качества*. Сравнительная недостаточность удовольствія, о которой мы говорили какъ о причинѣ скораго прекращенія искусственныхъ упражненій, есть въ то же время причина ничтожнаго дѣйствія ихъ на организмъ. Жестокая ошибка людей, которые полагаютъ, что нужна извѣстная степень физической дѣятельности, а что пріятна она или нѣтъ объ этомъ не заботятся. Умственное возбужденіе, доставляющее удовольствіе, имѣетъ въ высшей степени укрѣпляющее вліяніе. Посмотрите какое дѣйствіе производитъ на больнаго хорошія извѣстія или посѣщеніе стараго друга. Замѣтьте, какъ тщательно рекомендуютъ доктора разслабленнымъ паціентамъ веселое общество. Вспомните, какъ благодѣтельно для здоровья наслажденіе, доставляемое перемѣною обстановки. Дѣло въ томъ, что отрада есть самое могущественное укрѣпляющее средство. Ускоряя обращеніе крови, оно облегчаетъ выполненіе всѣхъ отправленій, и такимъ образомъ ведетъ къ укрѣпленію здоровья, если оно есть, и къ возстановле-

нію его, если оно было утрачено. Вотъ въ чемъ существенное преимущество игры надъ гимнастическими упражненіями. Крайній интересъ, возбуждаемый въ дѣтяхъ играми и буйная веселость, съ какою они предаются своимъ болѣе грубымъ шалостямъ, настолько же важны, какъ и сопровождающія ихъ усилія. А такъ какъ гимнастика не доставляетъ этого умственнаго возбужденія, то она должна быть положительно недостаточна.

Допуская, слѣдовательно, что формальное упражненіе членовъ лучше, чѣмъ ничего—допуская далѣе, что оно можетъ служить вспомогательнымъ средствомъ, мы утверждаемъ, что оно никогда не въ состояніи замѣнить упражненіе, внушаемое природою. Для дѣвочекъ, равно какъ и для мальчиковъ, добровольная дѣятельность, къ которой побуждаетъ инстинктъ, есть главное условіе тѣлеснаго благостоянія. Кто запрещаетъ ее, запрещаетъ установленные природою способы физическаго развитія.

Намъ остается обсудить еще одинъ вопросъ который требуетъ можетъ быть обсужденія болѣе настоятельнаго, чѣмъ всѣ предъидущіе. Не мало людей утверждаютъ, что между образованными классами, болѣе молодые и приближающіеся къ зрѣлому возрасту не облада-

ютъ ни такимъ хорошимъ ростомъ, ни такою крѣпостью, какъ ихъ отцы. Услышавъ это утвержденіе въ первый разъ, мы готовы были причислить его къ многимъ проявленіямъ стараго стремленія превозносить прошедшее въ ущербъ настоящему. Вспомнивъ тотъ фактъ, что люди настоящаго времени, судя по стариннымъ военнымъ доспѣхамъ, оказываются большаго роста, чѣмъ древніе и что таблицы смертности доказываютъ не уменьшеніе, а скорѣе возрастаніе продолжительности жизни, мы обратили мало вниманія на вѣрованіе, которое, повидимому, ни на чемъ не основывалось. Подробное наблюденіе, однако поколебало наше мнѣніе. Исключивъ изъ сравненія рабочіе классы, мы замѣтили, что въ большинствѣ случаевъ дѣти не достигаютъ роста родителей. Степень плотности, принимая во вниманіе возрастъ, оказывается на столько же уступающею. Медики говорятъ, что теперь люди почти не могутъ выносить такой потери крови, какъ прежде. Преждевременная плѣшивость въ настоящее время явленіе болѣе обыкновенное, чѣмъ въ прежнее время. А раннее выпаденіе зубовъ встрѣчается въ настоящемъ поколѣніи поразительно часто. Въ общемъ итогѣ силы— контрастъ столь же рѣзокъ. Люди прошлыхъ

поколѣній, которые вели разгульную жизнь, были выносливѣе настоящаго поколѣнія, отличающагося умѣренностью. Наши недавніе предки, не смотря на то, что они не въ мѣру пили, вели неправильную жизнь, не обращали вниманія на свѣжесть воздуха, мало заботились объ опрятности, даже въ старости могли безъ вреда выносить продолжительныя занятія, о чемъ свидѣтельствуютъ лѣтописи присутственныхъ и судебныхъ мѣстъ. Мы же, которые болѣе думаемъ о своемъ тѣлесномъ благосостояніи, умѣренно ѣдимъ и не пьемъ чрезмѣрно, заботимся объ очищеніи воздуха, употребляемъ частыя омовенія, дѣлаемъ ежегодныя экскурсіи и пользуемся большими медицинскими свѣдѣніями—мы постоянно обезсиливаемъ отъ труда. Обращая значительное вниманіе на законы здоровья, мы оказываемся слабѣе нашихъ предковъ, которые, во многихъ отношеніяхъ, пренебрегали этими законами. А судя по наружности и частымъ болѣзнямъ подрастающаго поколѣнія, оно, какъ кажется, будетъ даже менѣе здорово, чѣмъ мы. Что же это означаетъ? Не то ли, что прежнее объѣданіе, какъ взрослыхъ такъ и дѣтей, было менѣе вредно, чѣмъ недоѣданіе, на которое мы обращали вниманіе читателей, какъ на столь распространенное въ наше вре-

мя? Не то ли, что недостаточное одѣяніе, поощряемое обольстительною теоріею пріученія къ суровому климату, заслуживаетъ порицанія? Не то ли, что причиною этого большее или меньшее препятствіе юношескимъ играмъ ради ложной утонченности? Изъ нашихъ разсужденій можно вывести, что вѣроятно, каждая изъ этихъ причинъ принимала извѣстное участіе въ порожденіи зла *). Кромѣ того тутъ дѣйствуетъ еще одно разрушительное вліяніе, можетъ быть болѣе сильное чѣмъ другія: мы говоримъ о чрезмѣрномъ умственномъ напряженіи.

На старыхъ и на молодыхъ давленіе современной жизни налагаетъ постоянно возрастающее напряженіе. Во всѣхъ дѣлахъ и должно-

---

*) Мы не увѣрены въ томъ, чтобы отчасти не было причиною распространеніе второстепенныхъ видовъ органическихъ болѣзней посредствомъ оспопрививанія. Различные патологическіе факты приводятъ къ заключенію, что когда организмъ ребенка, которому привита оспа, выдѣляетъ посредствомъ прыщей оспенную матерію онъ въ тоже время стремится выдѣлить чрезъ эти прыщи другія причиняющія болѣзни матеріи; особливо если эти матеріи такого рода, что всегда выдѣляются чрезъ кожу, каковы нѣкоторыя наихудшія изъ нихъ. Поэтому очень возможно—даже вѣроятно—что ребенокъ органически зараженный, хотя и настолько слабо, что это не проявляется замѣтно въ болѣзни, можетъ, посредствомъ испорченной оспенной линфы, взятой отъ него, сообщить подобную же органическую заразу другимъ дѣтямъ, а эти и еще другимъ.

стяхъ усилившееся соперничество обременяетъ силы и способности взрослыхъ для того, чтобы подготовить молодыхъ принять участіе въ этомъ усилившемся соперничествѣ, они подвергаются болѣе строгой дисциплинѣ, чѣмъ прежняя. Вредъ такимъ образомъ усиливается. Отцы, которыхъ со всѣхъ сторонъ стѣсняютъ умножившееся соперники и которые, трудясь при такихъ невыгодныхъ условіяхъ, должны поддерживать болѣе дорогой образъ жизни, бываютъ принуждены работать круглый годъ съ утра до ночи, дѣлая мало движенія и пользуясь только короткими отдыхами. Организмы, разстроенные этимъ постояннымъ, превышающимъ силы, трудомъ наслѣдуются дѣтьми. А потомъ эти сравнительно слабыя дѣти, предрасположенныя къ изнуренію даже отъ обыкновеннаго напряженія силъ, должны пройти болѣе обширный курсъ, чѣмъ тотъ, который предписывался неразслабленнымъ дѣтямъ прошлыхъ поколѣній.

Бѣдственныя послѣдствія, которыя можно было предвидѣть, замѣтны повсюду. Куда бы вы ни пошли, въ короткое время вамъ представятся примѣры дѣтей или молодыхъ людей обоихъ половъ, здоровье которыхъ болѣе или менѣе разстроено непосильными занятіями.

Тутъ, для поправленія разслабленнаго состоянія, причиненнаго такимъ образомъ, нашли нужнымъ исключеніе изъ училища на годъ. Тамъ, вы видите хроническій приливъ крови къ мозгу, который продолжался уже нѣсколько мѣсяцевъ и угрожаетъ продолжаться еще далѣе. То вы слышите о горячкѣ, какъ слѣдствіе чрезмѣрнаго возбужденія, вызваннаго въ школѣ. Далѣе вы слышите что юноша, которому однажды уже приходилось прекратить занятія, съ тѣхъ поръ, какъ онъ снова принялся за нихъ, часто выносятъ въ обморокѣ изъ класса. Все это факты, которыхъ мы не искали, но которые намъ пришлось наблюдать впродолженіи двухъ лѣтъ. Мы приводимъ ихъ даже съ ограниченіями, и никоимъ образомъ не исчерпываемъ всего списка. Недавно мы имѣли несчастіе замѣтить, что болѣзнь дѣлается наслѣдственною: мы видѣли это на одной женщинѣ, происшедшей отъ сильныхъ родителей, но организмъ ея былъ разстроенъ *администраціей* шотландскаго пансіона, гдѣ ее недокармливали и обременяли работою сверхъ силы, такъ что она постоянно страдаетъ головокруженіемъ вставая утромъ и дѣти ея, унаслѣдовавъ этотъ ослабленный мозгъ, большею частью не въ состояніи выносить даже умѣренныхъ занятій

безъ головной боли или головокруженія. Въ настоящее время мы ежедневно имѣемъ передъ глазами молодую дѣвушку, здоровье которой на всю жизнь испорчено гимназическимъ курсомъ, который ей пришлось пройти. Ее обременяли до такой степени, что у нея не доставало силъ для тѣлеснаго движенія и теперь, окончивъ воспитаніе, она постоянно жалуется на здоровье. Слабый и очень разборчивый аппетитъ, большею частью отвергающій мясо, постоянно холодныя оконечности, даже при теплой погодѣ, слабость, допускающая только самую медленную прогулку, и то на короткое время, біеніе сердца при восхожденіи на лѣстницу, сильно испорченное зрѣніе, притомъ задержанный ростъ и слабое сложеніе—вотъ нѣкоторые изъ полученныхъ результатовъ. Какъ другой примѣръ мы можемъ привести ея друга и соученицу, которая столь же слаба, готова падать въ обморокъ отъ малѣйшаго возбужденія и которой наконецъ докторъ совершенно запретилъ занятія.

Если столь очевидное разстройство такъ часто, то какъ же общи должны быть мелкіе и незамѣтные недуги!

На одинъ случай, когда положительную болѣзнь можно приписать чрезмѣрнымъ занятіямъ,

покрайней мѣрѣ шесть случаевъ наберется такихъ; когда боль менѣе несносна и медленно разростается—случаевъ частаго разстройства отправленій, приписываемаго той или другой особой причинѣ, или слабости сложенія; случаевъ замедленія или преждевременной остановки роста; случаевъ обнаруженія и развитія скрытой склонности къ чахоткѣ; случаевъ предрасположенія къ мозговому разстройству, которое теперь такъ часто, причиняемаго трудомъ въ зрѣлой жизни. Какъ часто такимъ образомъ подрывается здоровье—будетъ очевидно каждому, кто замѣтилъ безпрестанныя болѣзни служащихъ и торговыхъ людей, заваленныхъ тяжелою работою, и подумалъ о гораздо худшемъ дѣйствіи, которое чрезмѣрный трудъ долженъ производить на неразвитой организмъ ребенка. Дѣти не могутъ выносить ни такого труда, ни такого физическаго и умственнаго упражненія, какъ взрослые. Посудите же, если вполнѣ взрослые очевидно страдаютъ отъ чрезмѣрныхъ умственныхъ усилій, требуемыхъ отъ нихъ, какъ великъ долженъ быть вредъ чрезмѣрнаго умственнаго напряженія, требуемаго отъ дѣтей!

Разсмотрѣвъ немилосердную школьную дрессировку, по большей части насильственную, мы право, удивляемся не тому, что она причиня-

етъ вредъ, а тому, какъ ее сколько нибудь могутъ выносить. Возьмемъ примѣръ, который представляетъ сэръ Джонъ Форбесъ, лично знакомый съ дѣломъ. Онъ приводитъ образчикъ распредѣлнія времени во всѣхъ среднихъ женскихъ училищахъ въ Англіи. Опуская подробности, мы приводимъ перечень двадцати четырехъ часовъ.

Въ постели	9 час. (младшіе 10).
Въ школѣ, за классными и приготовительными занятіями	9 „
Въ школѣ, или дома, старшіе за добровольными занятіями или работой, младшіе въ играхъ	$3^1/_2$ „ (мл. $2^1/_2$)
За завтраками и обѣдами .	$1^1/_2$ „
Упражненія на открытомъ воздухѣ, подъ видомъ формальной прогулки, часто съ учебниками въ рукахъ, и притомъ только въ томъ случаѣ, если погода хорошая въ опредѣленное время.	$\frac{1}{24}$ „

Каковы же послѣдствія этихъ „изумитель-

ныхъ правилъ“ какъ выражается серъ Джонъ Форбесъ? Конечно слабость, блѣдность, дурное расположеніе духа, общее дурное состояніе здоровья. Но онъ указываетъ еще на одинъ вредъ. Это крайнее невниманіе къ физическому благосостоянію, происходящее отъ чрезвычайной заботливости о развитіи ума—это продолжительное упражненіе мозга и недостаточное упражненіе членовъ, — по его мнѣнію, всегда сопровождается не только разстройствомъ отправленій, но и уродливымъ сложеніемъ. Онъ говоритъ: — „Недавно мы посѣтили, въ большомъ городѣ, пансіонъ, заключающій сорокъ дѣвочекъ и узнали, по внимательномъ и точномъ изслѣдованіи, что въ немъ нѣтъ *ни одной* дѣвочки, которая пробывъ тутъ два года (а большинство столько времени пробыли), не была болѣе или менѣе *искривлена!*“ (*) Можетъ быть послѣ 1833 года, когда это было написано, сдѣланы нѣкоторыя улучшенія. Мы надѣемся, что — да. Но что система все та же и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она доходитъ еще до большихъ крайностей, это мы можемъ лично засвидѣтельствовать. Не такъ давно мы посѣщали учительскую семинарію для юношей:

*) Энциклопедія практической медицины, т. 1 стр. 697, 698.

одно изъ заведеній, учрежденныхъ въ послѣднее время съ цѣлью снабженія школъ хорошо подготовленными учителями. Здѣсь, при офиціальномъ надзорѣ, при которомъ можно ожидать нѣчто лучшее, чѣмъ сужденіе надзирательницъ частной школы, мы находимъ слѣдующее ежедневное распредѣленіе времени:

Въ 6 часовъ студентовъ будятъ.

отъ 7	до	8	уроки.
„ 8	„	9	чтеніе священнаго писанія, молитвы и завтракъ.
„ 9	„	12	уроки.
„ 12	„	1¼	свободное время, номинально опредѣляемое для прогулки или другихъ упражненій, но часто употребляемое на уроки.
„ 1½	„	2	обѣдъ, ѣда обыкновенно занимаетъ двадцать минутъ.
„ 2	„	5	уроки.
„ 5	„	6	чай и отдыхъ.
„ 6	„	8½	уроки.

„ 8½ „ 9½ частныя занятія, состоящія въ приготовленіи уроковъ къ слѣдующему дню.

въ 10 ложатся спать.

Такимъ образомъ, изъ двадцатичетырехъ часовъ, восемъ предназначаются для сна; четыре съ четвертью уходятъ на одѣванье, молитвы, ѣду и сопровождающіе ее короткіе промежутки отдыха, десять съ половиною посвящены занятіямъ, и часъ съ четвертью тѣлеснымъ упражненіямъ, которыя необязательны и часто избѣгаются. Притомъ, десять съ половиною часовъ, предназначенныхъ для занятій, нетолько возрастаютъ до одиннадцати съ половиною, такъ какъ время, удѣленное для упражненій нерѣдко посвящаются книгамъ, но нѣкоторые изъ воспитанниковъ встаютъ въ четыре часа утра для приготовленія уроковъ, къ чему ихъ обыкновенно поощряютъ ихъ учителя! Курсъ, который долженъ быть пройденъ въ извѣстный срокъ, такъ обширенъ, и учителя, честь которыхъ зависитъ отъ успѣха экзаменовъ учениковъ, такъ поспѣшны, что ученикамъ зачастую приходится употреблять двѣнадцать, тринадцать часовъ на умственный трудъ!

Не будучи пророкомъ, можно видѣть какой

вредъ долженъ наноситься здоровью. По словамъ одного очевидца, тѣ, которые поступаютъ въ заведеніе съ здоровымъ цвѣтомъ лица, вскорѣ блѣднѣютъ. Болѣзни часты: въ спискѣ больныхъ всегда записаны нѣсколько человѣкъ. Недостатокъ аппетита и несвареніе желудка весьма обыкновенны. Поносъ есть господствующая болѣзнь: нерѣдко треть всѣхъ студентовъ страдаютъ имъ одновременно. На головную боль жалуются вообще всѣ; многіе страдаютъ ею почти ежедневно впродолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, нѣкоторыя же личности изнемогаютъ совершенно и покидаютъ заведеніе.

То, что подобное управленіе встрѣчается въ нѣкоторомъ родѣ въ образцовомъ заведеніи, которое учреждено и состоитъ подъ надзоромъ олицетвореннаго просвѣщенія вѣка, ужасно. То, что строгіе экзамены, соединенные съ краткимъ періодомъ, предназначеннымъ для подготовки, заставляютъ прибѣгать къ системѣ, которая неминуемо изнуряетъ здоровье всѣхъ, кто подчиняется ей, служитъ доказательствомъ, если не жестокости, то жалкаго невѣжества.

Примѣръ этотъ безъ сомнѣнія въ значительной степени исключигельный, — въ параллель ему, можетъ быть, можно только сослаться на другія заведенія подобнаго же рода. Но уже

то, что подобные примѣры могутъ встрѣчаться, достаточно доказываетъ, что умы подрастающаго поколѣнія, большею частью, обременяются чрезмѣрно. Выражая идеи просвѣщеннаго общества, требованія этихъ воспитательныхъ коллегій, даже при отсутствіи другихъ данныхъ, подразумѣваютъ преобладающее стремленіе къ слишкомъ поспѣшной системѣ культуры.

Повидимому странно, что такъ мало сознается вредъ отъ чрезмѣрныхъ занятій для юношества, въ то время какъ всѣми признанъ вредъ чрезмѣрныхъ занятій для дѣтей. Большинство родителей предвидитъ дурныя послѣдствія ранняго развитія ребенка. Въ каждомъ обществѣ можно слышать осужденіе тѣхъ, кто слишкомъ рано развиваетъ умъ своихъ дѣтей. И опасенія этого преждевременнаго умственнаго возбужденія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ лучше извѣстны его послѣдствія, о чемъ свидѣтельствуетъ мнѣніе одного изъ нашихъ лучшихъ профессоровъ физіологіи, который говорилъ намъ, что онъ не хочетъ учить чему нибудь своего сына, пока онъ не достигнетъ восьми лѣтъ. Но въ то время какъ всѣмъ извѣстна истина, что насильственное умственное развитіе дѣтей, влечетъ за собою или физическую слабость, или крайнее тупоуміе, или раннюю смерть, повидимому

остается несознаннымъ, что таже истина приложима и къ юношеству.

Тѣмъ неменѣе это неоспоримо. Способности развиваются въ извѣстномъ порядкѣ и извѣстной постепенности. Если ходъ воспитанія сообразуется съ этимъ порядкомъ и этою постепенностью, все идетъ хорошо. Если же нѣтъ— если высшія способности рано обременяются порядкомъ знаній болѣе сложныхъ и отвлеченныхъ, чѣмъ тѣ которыя легко могутъ быть усвоены, или, если чрезмѣрною культурою разумъ вообще развивается въ степени, превосходящей его естественный возрастъ, пріобрѣтаемыя ненормальныя выгоды неминуемо будутъ сопровождаться стольже значительнымъ или еще большимъ зломъ.—

Природа—строгій счетчикъ. Если вы требуете отъ нея въ одномъ направленіи болѣе того, чѣмъ она въ состояніи располагать, она уравниваетъ счетъ, вычитая изъ другаго. Если вы допустите ее слѣдовать ея собственному пути, заботясь о доставленіи въ надлежащемъ количествѣ и видѣ сырыхъ матеріаловъ для тѣлеснаго и умственнаго роста, соотвѣтственнаго каждому возрасту, она непремѣнно образуетъ личность болѣе или менѣе равномѣрно развитую. Если же вы станете настаивать на

преждевременномъ или не надлежащемъ ростѣ какой нибудь одной способности, она съ большимъ или меньшимъ протестомъ, уступитъ вамъ, но для того, чтобы произвести требуемую вами излишнюю работу, она должна будетъ оставить невыполненною какую нибудь другую болѣе необходимую. Не забывайте никогда, что запасъ жизненной силы, которымъ тѣло обладаетъ въ извѣстное время, ограниченъ и поэтому невозможно извлечь изъ него больше извѣстнаго, опредѣленнаго количества результатовъ. Въ ребенкѣ или юношѣ спросъ на жизненную силу разнообразенъ и настоятеленъ. Какъ уже было сказано, истощеніе, происходящее отъ ежедневнаго тѣлеснаго упражненія должно вознаграждаться; трата мозга отъ ежедневнаго умственнаго труда должна восполниться, для извѣстнаго прибавочнаго роста тѣла долженъ существовать запасъ, точно также какъ и для прибавочнаго роста мозга, къ этому должно присоединяться количество энергіи, поглощаемой на перевариваніе обильнаго количества пищи, необходимой для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей. Далѣе, очевидно à priori и доказано à posteriori опытностью каждаго, что привлекать излишекъ энергіи въ одинъ изъ этихъ каналовъ значитъ отвлекать его отъ другихъ. Каждому извѣстно,

на примѣръ, что перевариваніе тяжелаго обѣда предъявляетъ такія требованія, что производитъ утомленіе мозга и тѣла, которое часто заключается сномъ. Каждому извѣстно также, что излишекъ тѣлеснаго упражненія ослабляетъ силу мышленія—что временное изнеможеніе, слѣдующее да внезапною тратою силъ, или усталость происшедшая отъ прогулки въ тридцать миль, сопровождаются неспособностью къ умственнему усилію; что послѣ мѣсячнаго путешествія пѣшкомъ умственная инерція такъ велика, что необходимо нѣсколько дней для преодолѣнія ея и что въ крестьянахъ, проводящихъ жизнь въ мускульномъ трудѣ, умственная дѣятельность весьма слаба. Точно также неменѣе извѣстна истина, что въ случаяхъ внезапно быстраго роста, который иногда претерпѣваютъ дѣти, упадокъ энергіи проявляется въ соотвѣтствующей физической и умственной слабости. Далѣе, тѣ факты, что сильное мускульное напряженіе послѣ ѣды останавливаетъ пищевареніе и что дѣти, которыхъ рано принуждаютъ къ тяжелой работѣ, бываютъ малорослы точно также указываютъ на антагонизмъ—точно также означаютъ, что излишекъ дѣятельности въ одномъ направленіи влечетъ за собою недостаточность ея въ другихъ направленіяхъ. Законъ этотъ,

столь очевидный въ крайнихъ случаяхъ, распространяется и на всѣ другіе. Вредный упадокъ энергіи происходитъ конечно и тогда, когда излишнія требованія незначительны и постоянны, какъ и тогда, когда они значительны и внезапны. Слѣдовательно, если въ юношествѣ трата на умственный трудъ превышаетъ мѣру, установленную природою, то трата на другія цѣли упадетъ ниже долженствующей, что неминуемо ведетъ за собою вредъ въ томъ или другомъ отношеніи. Разсмотримъ вкратцѣ эти вредныя послѣдствія.

Предположивъ, что излишняя мозговая дѣятельность только въ умѣренной степени превосходитъ нормальную, слѣдствіемъ этого будетъ ничто иное какъ слабое противодѣйствіе развитію тѣла: или ростъ будетъ нѣсколько ниже того, какой иначе могъ бы быть достигнутъ, или меньшая полнота, чѣмъ та, какая могла бы быть, или качество ткани будетъ не столь хорошо. Одно и нѣсколько изъ этихъ послѣдствій необходимо должны оказаться. Излишнее количество крови, доставляемое мозгу впродолженіе умственнаго напряженія и въ слѣдующій за тѣмъ періодъ, впродолженіи котораго возстановляется трата мозговаго вещества, есть кровь, которая иначе обращалась бы по чле-

намъ и внутренностямъ и ростъ или ремонтъ, которымъ эта кровь доставила бы матеріалъ, утрачены. Такъ какъ эта физическая реакція несомнѣнна, спрашивается: равноцѣнна ли потеря выгодѣ, проистекающей отъ избытка умственнаго развитія? Вознаграждается ли добавочнымъ пріобрѣтеннымъ знаніемъ недостатокъ физическаго роста и отсутствіе структурнаго совершенства, которое доставляетъ силу и крѣпость здоровья?

Если избытокъ умственныхъ усилій очень великъ, то и послѣдствія гораздо серіознѣе; вредъ наносится нетолько тѣлесному совершенству но и совершенству самаго мозга. Что существуетъ антагонизмъ между *ростомъ* и *развитіемъ* — это есть физіологическій законъ, который былъ впервые указанъ Г. Исидоромъ Сентъ-Илеромъ и на который обратилъ вниманіе г. Льюисъ въ своемъ сочиненіи о *Карликахъ и великанахъ*. Подъ словомъ ростъ, употребляемомъ въ этомъ антитезномъ смыслѣ, слѣдуетъ понимать *возрастаніе объема*, подъ словомъ развитіе — *возрастаніе строенія*. И таковъ законъ, что сильная дѣятельность въ одномъ изъ этихъ процессовъ ведетъ за собою замедленіе или остановку въ другомъ. Простой примѣръ этого представляетъ гусеница и куколка. Гусе-

ницы чрезвычайно быстро увеличиваются въ размѣрѣ, между тѣмъ какъ строеніе вполнѣ выросшей гусеницы едва ли сколько нибудь сложнѣе маленькой. Куколка не увеличивается въ размѣрѣ, напротивъ того, въ этотъ періодъ жизни вѣсъ ея уменьшается, а выдѣлка болѣе сложнаго строенія совершается весьма дѣятельно. Этотъ антагонизмъ, столь ясный въ этомъ случаѣ, не такъ легко происходитъ въ высшихъ твореніяхъ, такъ какъ въ нихъ оба процесса совершаются одновременно. Однако тоже самое весьма ясно обнаруживается между нами, когда мы противопоставимъ два пола. Дѣвочка быстро развивается физически и умственно и перестаетъ рости сравнительно рано. Физическое и умственное развитіе мальчика медленнѣе и ростъ его больше. Въ тотъ возрастъ, когда дѣвочка достигаетъ зрѣлости, законченности, полнаго развитія всѣхъ способностей, мальчикъ, жизненыя силы котораго были болѣе направлены къ увеличенію размѣра, относительно несовершененъ по строенію—что обнаруживается и въ сравнительной мѣшковатости физической и умственной. Притомъ законъ этотъ вѣренъ и относительно каждой отдѣльной части организма, какъ и относительно цѣлаго. Ненормально быстрое развитіе строенія какого нибудь органа, ведетъ за собою остановку его роста

и это происходитъ, конечно, и съ органомъ мышленія точно также, какъ со всѣми другими. Мозгъ, который въ ранніе годы относительно великъ по объему, но несовершененъ по строенію, подвергается бо̀льшему струтурному развитію, чѣмъ свойственно его возрасту, если при выполненіи его отправленій требуется ненадлежащая дѣятельность. Въ окончательномъ результатѣ окажется недостатокъ въ объемѣ и силѣ, которыя иначе были бы достигнуты. Это и есть одна изъ причинъ — вѣроятно самая главная — почему скороспѣлыя дѣти и юноши, которые до извѣстнаго времени преуспѣваютъ во всемъ, такъ часто внезапно остановливаются въ развитіи и обманываютъ великія надежды родителей.

Но, какъ ни печально это послѣдствіе чрезмѣрнаго ученія, едва ли не печальнѣе дѣйствія его на здоровье — слабость сложенія, недостатокъ энергіи, болѣзненность чувствъ. Новѣйшія открытія въ физіологіи доказали, какъ громадно вліяніе мозга на отправленія тѣла. Пищевареніе, кровообращеніе и чрезъ нихъ всѣ другіе органическіе процессы въ значительной степени подчиняются вліянію мозговаго возбужденія. Кто, подобно намъ, видѣлъ неоднократно опытъ, производимый впервые Ве-

беромъ, показывающій послѣдствіе раздраженія *блуждающаго* нерва, который соединяетъ мозгъ съ внутренностями, кто видѣлъ какъ дѣятельность сердца внезапно останавливается вслѣдствіе раздраженія этаго нерва, медленно вновь начинается, когда раздраженіе прекратилось и снова останавливается въ ту минуту, какъ возобновляется раздраженіе—тотъ можетъ имѣть ясное понятіе о томъ подавляющемъ дѣйствіи, которое производитъ измученный работою мозгъ на тѣло. Примѣры этихъ дѣйствій, объясняемыя физіологіею, мы встрѣчаемъ обыкновенно на опытѣ. Кто не чувствовалъ біеніе сердца, сопровождающее ожиданіе, страхъ, гнѣвъ, радость? Кто не замѣчалъ какъ напряженна бываетъ дѣятельность сердца, когда эти ощущенія сильны? И хотя многіе не испытывали того крайняго душевнаго возбужденія, которое сопровождается прекращеніемъ дѣятельности сердца и обморокомъ, тѣмъ неменѣе, каждому извѣстно, что одно есть причина другаго. Столь же извѣстно, что разстройство желудка часто происходитъ отъ умственнаго возбужденія, превосходящаго извѣстную норму. Потеря аппетита есть обыкновенное послѣдствіе и слишкомъ радостнаго и слишкомъ печальнаго настроенія ума. Когда происшествіе, причиняющее радостное или печаль-

ное расположеніе духа, случается скоро послѣ ѣды, не рѣдко бываетъ, что желудокъ или не принимаетъ съѣденное, или перевариваетъ съ большимъ трудомъ и препятствіями. И каждый, кто слишкомъ обременяетъ свой мозгъ, можетъ засвидѣтельствовать, что даже чисто умственный трудъ, при чрезмѣрности, производитъ аналогичныя дѣйствія. Эта связь между мозгомъ и тѣломъ, столь очевидная въ подобныхъ крайнихъ случаяхъ, остается одинаково дѣйствительною и въ обыкновенныхъ, менѣе выдающихся случаяхъ. Какъ сильныя, но временныя мозговыя возбужденія производятъ сильныя временныя разстройства внутренностей, такъ точно слабѣйшія, но хроническія мозговыя возбужденія производятъ слабѣйшія, но хроническія внутреннія разстройства. Это не предположеніе, а это истина, которую многіе медики могутъ засвидѣтельствовать и лично подтвердить которую дозволяетъ намъ долгая и печальная опытность. Различные степени и роды физическаго разстройства, часто требующаго цѣлые годы наслѣдственнаго бездѣйствія для нѣкотораго поправленія зла, проистекаютъ отъ подобныхъ продолжительныхъ чрезмѣрныхъ умственныхъ усилій. Иногда поражается сердце: постоянное сердцебіеніе; значительное разслабленіе

пульса, весьма обыкновенное уменьшеніе ударовъ отъ семидесяти двухъ до шестидесяти, и даже лихорадка. Иногда же обнаруживается желудочное разстройство: трудное пищевареніе, обращающее жизнь въ тягость и не поддающееся никакому лекарству, кромѣ времени. Во многихъ случаяхъ страдаютъ и сердце, и желудокъ. Сонъ большею частью не продолжителенъ и отрывистъ. И весьма часто замѣчается большее или меньшее умственное изнеможеніе.

Посудите теперь, какъ великъ долженъ быть для дѣтей и юношей вредъ, причиняемый чрезмѣрнымъ умственнымъ возбужденіемъ. Мозговое напряженіе, превосходящее нормальную мѣру, должно неминуемо сопровождаться большимъ или меньшимъ органическимъ поврежденіемъ; и если оно не на столько сильно, чтобы породить положительную болѣзнь, то навѣрное вызоветъ медленно разростающееся разрушеніе организма. Можетъ ли развивающееся тѣло быть въ цвѣтущемъ состояніи при недостаточномъ и разборчивомъ аппетитѣ, плохомъ пищевареніи и ослабленномъ кровообращеніи? Надлежащее выполненіе каждаго жизненнаго процесса зависитъ отъ соразмѣрнаго запаса хорошей крови. Безъ достаточнаго количества хорошей крови ни одна желѣза не можетъ

надлежащимъ образомъ отдѣлять соковъ, никая внутренность не можетъ вполнѣ выполнить своего назначенія, ни одинъ нервъ, мускулъ, ни одна перепонка или другая ткань не можетъ дѣйствительно возстановиться. Безъ надлежащаго количества крови невозможенъ здоровый и достаточный ростъ. Посудите же какъ вредны должны быть послѣдствія, когда развивающемуся тѣлу разслабленный желудокъ доставляетъ кровь, недостаточную по количеству и скудную по качеству, между тѣмъ какъ обезсиленное сердце двигаетъ эту скудную и недостаточную кровь съ неестественною медленностью.

Если же — какъ каждый, кто изслѣдуетъ этотъ вопросъ, долженъ признать — физическое разрушеніе есть слѣдствіе чрезмѣрнаго ученія, то какое строгое осужденіе должно падать на эту систему набиванія головъ, которую мы представили выше. Она крайне ошибочна, съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать ее. Она ошибочна даже со стороны простаго пріобрѣтенія знанія, такъ какъ умъ, подобно тѣлу, не въ состояніи усвоивать свыше извѣстной мѣры и если вы навязываете ему факты скорѣе, чѣмъ онъ можетъ усвоить ихъ, они скоро опять будутъ забыты: вмѣсто того, чтобы оставаться въ мозгу, они выходятъ изъ памяти тот-

часъ по окончаніи экзамена, для котораго они накоплялись. Она ошибочна также потому, что дѣлаетъ ученіе отвратительнымъ. Или чрезъ болѣзненную связь идей, которою ведетъ за собою безпрерывный умственный трудъ, или чрезъ ненормальное состояніе мозга, вызываемое ею, она часто порождаетъ омерзѣніе къ книгамъ и вмѣсто того послѣдующаго самообразованіе, къ которому побуждаетъ раціональное воспитаніе, происходитъ постоянное отступленіе назадъ. Она ошибочна потому, что предполагаетъ, что пріобрѣтеніе есть все и забываетъ, что гораздо важнѣйшая вещь есть организація знаній, для которой необходимо время и самостоятельное мышленіе. Какъ Гумбольдтъ замѣчаетъ относительно прогресса разума вообще, „что толкованіе природы затемняется, когда описаніе становится безцвѣтнымъ отъ слишкомъ большаго скопленія разобщенныхъ фактовъ“, такъ можно замѣтить относительно индивидуальнаго прогресса разума, что умъ обременяется и запутывается излишкомъ плохо усвоенныхъ свѣдѣній. Цѣнно не то знаніе, которое накопляется какъ умственный эфиръ, а то, которое преобразуется въ умственный мускулъ. Ошибочность этой системы идетъ, однако, еще далѣе. Даже если бы она была

удовлетворительна, какъ производящая умственное дѣйствіе, чего она лишена, она все же была бы дурна, потому что, какъ мы показали, она гибельна для здоровья организма, необходимаго для того, чтобы умственное воспитаніе принесло пользу въ жизненной борьбѣ. Кто слишкомъ ревностно заботится объ умственномъ развитіи своихъ воспитанниковъ и пренебрегаетъ ихъ тѣломъ, тотъ забываетъ, что успѣхъ въ свѣтѣ зависитъ болѣе отъ энергіи, чѣмъ отъ свѣдѣній и что методъ, который, набивая голову свѣдѣніями, подрываетъ энергію побивается самъ собою. Твердая воля и неутомимая дѣятельность, порождаемыя обильною животною силою, могутъ даже вознаградить значительныя пробѣлы воспитанія, а при вполнѣ достаточномъ воспитаніи, которое можетъ быть получено безъ принесенія въ жертву здоровья, качества эти обезпечиваютъ легкую побѣду надъ соперниками, разслабленными чрезмѣрнымъ ученіемъ, хотя бы они были чудесами учености. Сравнительно маленькая и плохо устроенная машина, дѣйствующая при высокомъ давленіи можетъ сдѣлать болѣе, чѣмъ большая и хорошо отдѣланная при низкомъ давленіи. Какъ нелѣпо, слѣдовательно, ради отдѣлки машины, испортить паровикъ до того, что онъ не будетъ про-

изводить паръ! Еще разъ повторяемъ, система эта ошибочна, какъ заключающая въ себѣ ложное понятіе о благосостояніи въ жизни. Предположивъ даже, что она доставляетъ средства къ успѣху въ свѣтѣ, вмѣсто средствъ къ неудачѣ, тѣмъ не менѣе, разстроивая здоровье, она должна причинять болѣе чѣмъ равносильное несчастіе. Какая выгода пріобрѣсти богатство, если богатство сопровождается постояннымъ нездоровьемъ? Какую цѣну имѣетъ отличіе, если оно принесло съ собою ипохондрію? Безъ сомнѣнія, никому не нужно доказывать, что исправное пищевареніе, ровный пульсъ и веселое расположеніе духа—элементы счастія, превзойти которые не могутъ никакія внѣшнія выгоды. И такъ, мы утверждаемъ, что чрезмѣрное обученіе вредно во всѣхъ отношеніяхъ—оно вредно потому, что даетъ знаніе, которое скоро забывается; вредно потому, что порождаетъ отвращеніе къ знанію; вредно потому, что пренебрегаетъ организаціей знанія, что важнѣе пріобрѣтенія его; вредно потому, что ослабляетъ или уничтожаетъ энергію, безъ которой развитый умъ безполезенъ; вредно потому, что ведетъ за собою такое плохое здоровье, которое не вознаграждается даже успѣхомъ и удвоиваетъ горечь неудачи.

На женщинъ эта насилующая система имѣетъ, если возможно, еще болѣе вредное вліяніе, чѣмъ на мужчинъ. Такъ какъ дѣвушкамъ по большей части запрещаются тѣ сильныя и веселыя тѣлесныя упражненія, которыми мальчики смягчаютъ зло чрезмѣрныхъ занятій, то онѣ ощущаютъ это зло въ его полной силѣ. Вотъ почему весьма немногія изъ нихъ выростаютъ хорошо сложенными и здоровыми. На блѣдныхъ, худыхъ, плоскогрудыхъ молодыхъ дѣвушкахъ, такъ часто встрѣчающихся въ лондонскихъ гостинныхъ, мы видимъ дѣйствіе безпощадныхъ занятій не облегчаемыхъ юношескими забавами и эта физическая испорченность вредитъ ихъ благостоянію гораздо болѣе, чѣмъ споспѣшенствуютъ ему различныя ихъ дарованія. Матери, заботящіяся о томъ, чтобы сдѣлать дочерей привлекательными, едвали могли бы избрать болѣе злополучную систему, чѣмъ эта, жертвующая тѣломъ для развитія ума. Или онѣ пренебрегаютъ вкусами противоположнаго пола, или же ихъ понятіе объ этихъ вкусахъ ложно. Мужчины заботятся мало объ учености женщинъ но больше объ ихъ физической красотѣ, добродушіи и здравомъ смыслѣ. Много ли побѣдъ одержитъ ученая женщина съ помощью своихъ обширныхъ историческихъ свѣ-

дѣній? Влюблялся ли когда мужчина въ женщину потому, что она понимаетъ итальянскій языкъ? Гдѣ тотъ Эдвинъ, который бросился бы къ ногамъ Анжелины вслѣдствіе ея знанія нѣмецкаго языка? Но розовыя щеки и веселые глаза имѣютъ много привлекательнаго. Прекрасно округленная фигура привлекаетъ взгляды удивленія. Живость и хорошее расположеніе духа, зависящія отъ избытка здоровья, много содѣйствуютъ возникновенію привязанности. Если бы даже не было очевиднаго предназначенія въ устройствѣ организма, мы могли бы быть увѣрены, что какая нибудь важная цѣль имѣлась въ виду. Но предназначеніе вполнѣ очевидно для людей наблюдательныхъ. Если мы вспомнимъ, что одна изъ цѣлей природы, или скорѣе ея высшая цѣль есть благосостояніе потомства, далѣе, что, по отношенію къ потомству, развитый умъ при плохомъ организмѣ имѣетъ мало цѣны, потому что въ такомъ случаѣ потомки вымрутъ въ одно, въ два поколѣнія и наоборотъ, что здоровый орагинизмъ, хотя бы даже соединенный со скудными умственными дарованіями стоитъ поддерживать, такъ какъ въ будущихъ поколѣніяхъ умственныя дарованія могутъ безконечно развиваться; мы поймемъ важность описанныхъ выше инстиктив-

ныхъ побужденій. Но и помимо выгоды, при такомъ равновѣсіи инстинктовъ, нелѣпо припридерживаться системы, которая для того, чтобы обременить память, подрываетъ организмъ дѣвушекъ. Давайте возможно высокое образованіе — чѣмъ выше, тѣмъ лучше — лишь бы оно не причиняло физическаго вреда (и замѣтимъ, мимоходомъ, что достаточно высокая образованность могла бы достигаться, если бы способности, свойственныя попугаю, разработывались поменьше, а человѣческія — побольше, и если бы дисциплина распространялась на тотъ періодъ, который теперь истрачивается безполезно, періодъ между выходомъ изъ школы и вступленіемъ въ бракъ). Но воспитывать такимъ образомъ или въ такихъ размѣрахъ, которые производятъ физическое вырожденіе, значитъ уничтожать главную цѣль, на которую направляются всѣ труды, заботы и издержки. Подвергая дочерей своихъ этой системѣ высокаго давленія, родители часто разрушаютъ всѣ ихъ надежды на жизнь. Кромѣ того, что они навлекаютъ на нихъ плохое здоровье, со всѣми страданіями, немощью и безотрадностью, они нерѣдко осуждаютъ ихъ на безбрачіе.

Физическое воспитаніе дѣтей, такимъ образомъ, крайне ошибочно въ различныхъ отно-

шеніяхъ. Оно погрѣшаетъ недостаткомъ питанія, недостаткомъ одежды, недостаткомъ тѣлесныхъ упражненій (относительно дѣвочекъ, по крайней мѣрѣ) и чрезмѣрностью умственныхъ занятій. Разбирая *систему* въ цѣломъ, мы видимъ, что она слишкомъ взыскательна въ своихъ требованіяхъ: она требуетъ слишкомъ много, а даетъ слишкомъ мало. Налегая чрезмѣрно на жизненныя силы, она дѣлаетъ юношескую жизнь гораздо болѣе сходною съ возмужалою, чѣмъ слѣдовало бы. Она пренебрегаетъ тою истиною, что, какъ въ зародышѣ вся жизненость поглощается ростомъ — какъ въ младенческомъ возрастѣ трата жизненной силы на ростъ такъ велика, что остатокъ ея для физической или умственной дѣятельности крайне незначителенъ, такъ и въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастахъ, ростъ составляетъ преобладающую потребность, которой должны быть подчинены всѣ остальныя: потребность, которая предписываетъ, чтобы давалось много, а отнималось мало, потребность, которая, слѣдовательно, ограничивая упражненіе физической и умственной дѣятельности, увеличивается только въ той степени, въ какой уменьшается сила роста.

Раціональною основою этой насилующей си-

стемы воспитанія есть то, что она слѣдствіе нашего переходнаго фазиса цивилизаціи. Въ первобытныя времена, когда главную общественную дѣятельность составляли нападеніе и защита, тѣлесная сила съ сопровождающимъ ее мужествомъ была первою цѣлью, почему и было почти исключительно физическое воспитаніе. Объ умственномъ развитіи заботились мало и даже, какъ напримѣръ, въ феодальныя времена, часто относились къ нему съ презрѣніемъ. Теперь же, при нашемъ относительномъ мирномъ состояніи — теперь, когда мускульная сила полезна почти только для ручнаго труда, между тѣмъ какъ всякаго рода соціальный успѣхъ зависитъ гораздо болѣе отъ умственной силы, воспитаніе наше сдѣлалось почти исключительно умственнымъ. Вмѣсто того, чтобы уважать тѣло и пренебрегать умомъ, мы теперь уважаемъ умъ и пренебрегаемъ тѣломъ. Эти оба положенія ошибочны. Мы еще не осуществляемъ истину, что умъ не должно развивать въ ущербъ тѣлу. Прежнее и теперешнее понятія должны быть совмѣщены.

Ничто, можетъ быть, не приблизитъ такъ то время, когда тѣло и умъ будутъ оба пользоваться соразмѣрнымъ вниманіемъ, какъ распространеніе мнѣнія, что сохраненіе здоровья есть

обязанность. Повидимому, немногіе, сознаютъ, что существуетъ физическая нравственность. Обычныя слова и дѣйствія людей подразумѣваютъ понятіе, что они вольны обходиться съ тѣлами своими, какъ имъ заблагоразсудится. Разстройства, происходящія отъ неповиновенія предписаніямъ природы, они разсматриваютъ просто какъ несчастія, а не какъ слѣдствія нелѣпаго поведенія. Не смотря на то, что бѣдственныя послѣдствія, навлекаемыя на ихъ потомковъ и на дальнѣйшія поколѣнія, часто также значительны, какъ и послѣдствія преступленія, они, однако, никогда не считаютъ себя преступниками. Правда, что въ дѣлѣ пьянства, нарушеніе физическихъ законовъ признается преступнымъ, но повидимому никто не выводитъ заключенія, что если тѣлесное нарушеніе порочно въ этомъ случаѣ, то оно таково же и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Дѣло въ томъ, что всѣ нарушенія законовъ здоровья — *физическіе грѣхи*. Когда всѣ сознаютъ это, тогда, и вѣроятно только тогда, физическое воспитаніе обратитъ на себя должное вниманіе.

Конецъ.